

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ОКТЯБРЬ

2011

ТИШРЕЙ

5772

№ 10(234)

ЛЕХАИМ 10/234

Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года

Главный редактор
Борух Горин

Административный директор
Яков Ратнер

Ответственный секретарь
Елена Калло

Художественный редактор
Евгения Черненькова

Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер, Елена Дворецкая, Галина Зеленина, Александр Иличевский, Ирина Мак,
Афанасий Мамедов, Йеуда Рабейко, Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский

Корректор
Виктория Рябцева

Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев

Художники
Павел Шевелев (с. 36), Соломон Юдовин (с. 71, 72), Александр Горнов (с. 74, 76), Наталья Успенская (с. 77–
80), Дмитрий Шевионков-Кисмелов (приложение)

Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 86, 87); Andrea Robbins, Max Becher (с. 4); Marcelo Bendahan (с. 7); Алиса Крупнова (с.
16, 20); из архива Леонида Шварцмана (с. 47–49); Micha Bar-Am (с. 52); из семейного архива Райкиных (с. 55, 56); Свеня
Генералова (с. 94); Алексей Мокроусов (с. 111); Werner Kmetitsch (с. 111)

Фото предоставлены агентствами
East News (с. 11, 13, 41, 83), РИА «Новости» (с. 28), Fotobank (с. 60, 109), PhotoXPress (с. 57), Фото ИТАР-
ТАСС (с. 54), фондом культуры «Екатерина» (с. 100–104)

На обложке
Аркадий Райкин. Из семейного архива Райкиных

Подписано в печать 13.09.11.

Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л. Цена договорная

ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва,

2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел.: (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ру>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Турецкие власти высылают израильских дипломатов, египетская толпа безнаказанно громит израильское посольство, иорданский король прозрачно намекает на необходимость пересмотреть некоторые положения мирного договора с Израилем. Похоже, мрачный комплекс израильтян «мы окружены врагами» находит безусловное подтверждение.

Объективное экспертное сообщество, в том числе и в Израиле, не упускает возможности указать перстом на неуступчивый кабинет Нетаньяху, но в этих обвинениях не больше честности, чем в сионских протоколах.

Израиль за годы своего существования научился худо-бедно иметь дело со своими ненавистными и ненавидящими соседями. Сначала главным средством диалога была удивляющая сила, потом еще более поразительная готовность к компромиссам. И то и другое приносило свои плоды: мирные договоры со злейшими врагами плюс последующие Нобелевки в качестве бонуса.

Не думаю, что многие обольщались внешним глянцем мирных конференций, но изображения обнимающихся Бегина и Садата выглядели куда приятнее фотографий обугленных трупов солдат на Синае.

Парад переворотов под боком у Израиля застал врасплох даже специалистов. И, увы, антиизраильская карта опять оказалась джокером. Какой сюрприз! Толпа, оказывается, все так же жаждет еврейской крови. И крови тех, кто помешает ей в этом благородном деле.

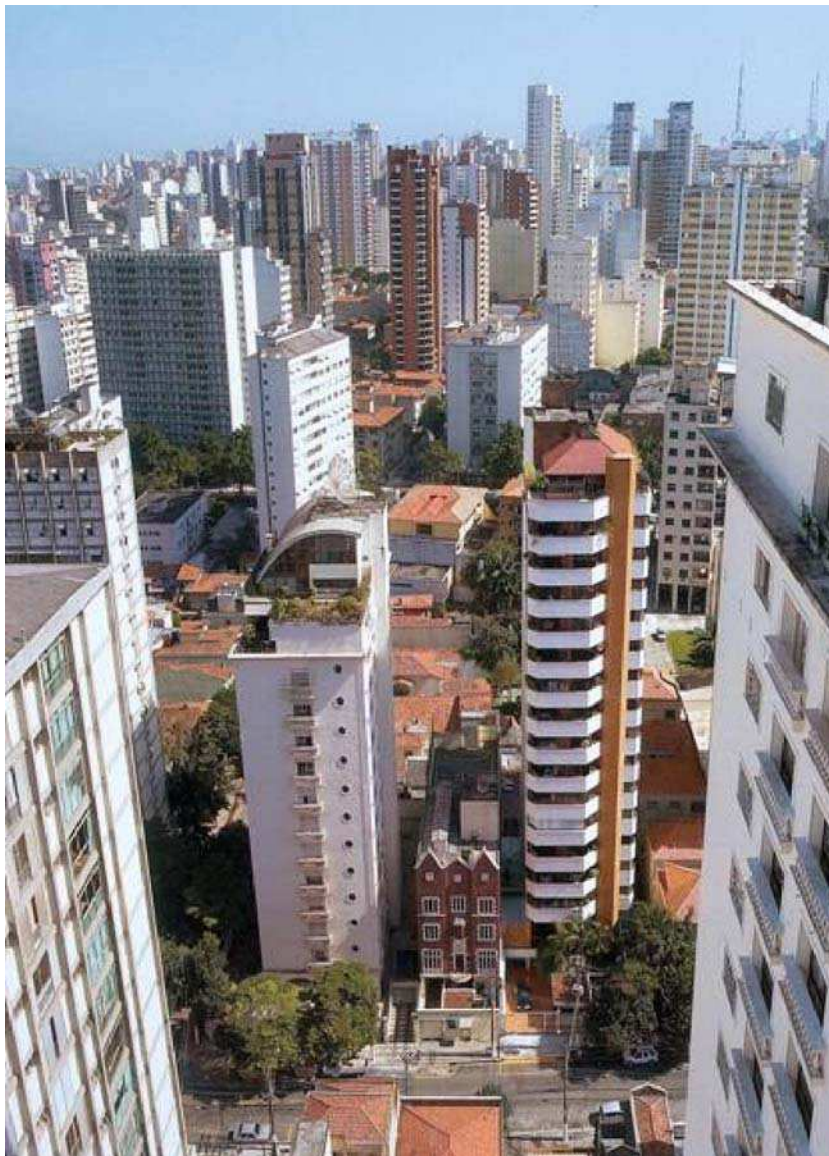
А что же Израиль? А Израиль сильнее и устойчивее любой из этих держав. И доказательством тому на этот раз послужили не военные действия, а мирные антиправительственные демонстрации. Просто сравните телевизионные картинки. Сотни тысяч молодых людей вышли на улицы с социальными требованиями к действующему правительству — и никакой агрессии ни по ту, ни по эту стороны баррикад. Пардон, и баррикад-то никаких нет. Потому что только в этой стране региона для того, чтобы скинуть правительство, достаточно проголосовать против него.

Израилю следует и дальше выстраивать отношения со своими соседями, вне зависимости от того, кто там у них прорвался в управдомы. Но главное, не забывать: садясь играть в шахматы, обязательно удостовериться, что партнер не играет в подкидного дурака, — уж больно разные правила игры.

Аיִדֹּוֹ אִיִדֹּוֹי

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ יְשׁוּעָה אֲמֵן

*וְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ יְשׁוּעָה אֲמֵן, דַּאֲמִי לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ יְשׁוּעָה אֲמֵן, עִיר אֲדָמָה, 770, אֲעִיר אֲדָמָה
יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן
יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן יְשׁוּעָה אֲמֵן*

וְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ יְשׁוּעָה אֲמֵן

<...> То, что Вы пишете по поводу <...> причин, побудивших его сюда ехать, очень странно, поскольку в том месте, где он живет, есть ешива с большими возможностями. Причем речь идет об исполнении им заповеди, которую невозможно перепоручить другим, поскольку «другие», даже когда речь идет о любавичских хасидах, ее не исполняют.

Очевидно, что следует всемерно поддерживать тех, кто преуспел в этом святом труде, и помогать им. Вместо этого в своем письме Вы объясняете, как хорошо и правильно, если этот молодой человек оставит свою работу, в которой Всевышний даровал ему успех, — помощь в развитии ешивы — и отправится за море искать там «чудеса и знамения»^[1].

Что касается Вашего утверждения, что он сможет там достичь своей цели, приобретя новые познания в хасидизме, то, даже если бы это действительно было так и новые знания невозможно было приобрести, кроме как отправившись за море, я все же полагаю, что самое лучшее для него — исполнять возложенную на него святую миссию, продолжая работать в ешиве «Олей Йосеф-Ицхок».

Рабби Шнеур-Залман в своем труде «Тора Ор» пишет, что сердце и разум очищаются благотворительностью, в том числе духовной. Поэтому один час, проведенный в Австралии за изучением открытой Торы и учения хасидизма параллельно с работой в ешиве, даст ему столько же, сколько тысяча часов учебы в любом другом месте, где этой работы у него не будет. Кроме того, я никогда не слышал, чтобы молодые люди (даже учащиеся любавичских ешив в Австралии) использовали для Торы и молитвы все свое свободное время. А раз есть возможность для развития в том месте, где он находится сейчас, зачем прекращать работу в ешиве? <...>

15 0ÁÁÁ0À 5721

<...> Лучший способ повлиять на других людей — во-первых, действовать на них личным примером, а во-вторых, показать им многочисленных молодых людей, уроженцев страны, которых никак нельзя назвать «отсталыми», живущих счастливой полноценной жизнью. <...>

Нет нужды объяснять, что, поскольку множество молодых людей обращаются к Вам за советом и наставлением, Ваше собственное поведение должно быть безупречным. Хотя Вам необходимо непрерывно наращивать свои усилия и действовать еще более настойчиво, следует помнить, что «ее <Торы> пути — приятные пути, и все ее стези — мирные»[2], поэтому лучший способ оказать влияние на других — тактично, дружелюбно и искренне поговорить с ними. Мы убеждены, что «слова, исходящие от сердца, проникнут в сердце». <...>

Í ĩno ěpááá-ĳééó óáĳéáĳá ááá íááááĳó óóéééí: «Íáíí óĳóóáá ááéí ěó:óá óóĳĳ:é óĳóóéó ĳ ĳĳéé». Ēííáó 1950-ó áááá

21 ÁÁÁDÀ 5708

<...> Относительно Вашей работы в N. Вы приводите четыре причины, по которым Вы должны от нее отказаться, несмотря на письмо моего наставника и тестя, рабби Йосефа-Ицхака Шнеерсона, «в котором он рекомендовал Вам остаться». Вы пишете следующее.

Несколько старых хасидов передали Вам, будто <Ребе> имел в виду, что окончательное решение зависит от Вашей воли.

Вы чувствуете, что для этой работы Вам недостает сил.

Работа утратила смысл, поскольку не видно никакого прогресса.

Никто, кроме Вас, не хочет в этой работе участвовать.

Тем не менее Вы хотите знать мое мнение по этому вопросу. Я внимательно перечитал копию письма, написанного Вам рабби Йосефом-Ицхаком. Я не нашел в нем ничего, что могло бы вызвать сомнения в <целесообразности> порученной Вам работы.

Что касается нехватки жизненных сил, на которую Вы жалуетесь, как Вы прекрасно знаете и как многократно разъясняется в учении хасидизма, слово «мицва» («заповедь», «повеление») связано со словом «цавта» («связь»). Исполняя повеление, мы тем самым устанавливаем связь с тем, кто его дал. Соответственно, нет лучшего источника жизненных сил, чем связь души человека с «общей душой»[3]. Тот факт, что Ваша животная душа[4] этого не ощущает в настоящий момент, ничего не меняет. <...>

Что касается того, что в работе не видно никакого прогресса, а также того, что нет других желающих взяться за это дело, — так ведь именно об этом речь! Именно то, что некоторые члены комитета (или вообще все те, кто потенциально мог бы помочь Вам в этом деле) уклоняются от этого и пренебрегают своими обязанностями, тормозит развитие еврейского образования, основанного на Торе и заповедях, охлаждает пыл других людей. Это особенно печально, когда речь идет о любавичских хасидах, на которых возложена миссия нести людям свет. Если светильник горит недостаточно ярко, он и сам не дает достаточно света, и не зажигает другие светильники, которые могли бы светить. <...>

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֶחָד וְיֵשׁוּב אֶלְעָזָר בֶּן־פְּרָחְיָהוּ אֲבִי־רַבְבֵּנוּ אֲבִי־רַבְבֵּנוּ אֲבִי־רַבְבֵּנוּ אֲבִי־רַבְבֵּנוּ אֲבִי־רַבְבֵּנוּ

[1]. Теилим, 105:27.

[2]. Мишлей, 3:17.

[3]. Ребе, согласно учению хасидизма, считается «общей душой» еврейского народа, объединяя в своей душе души всего поколения.

[4]. Животная душа (нефеш а-баамит) — это жизненное начало, одушевляющее физическое тело, «витальность» тела.

ПОУЧЕНИЯ ОТЦОВ — УРОК ДЛЯ СЫНОВЕЙ

Ааде Эацад

Меня часто спрашивают, что такое «быть хасидом». Как отличить хасида? Это тот, кто носит шляпу и черный сюртук? Тот, кто отпускает длинную бороду?..

Разумеется, внешние признаки нигде и никогда не бывают определяющими. На самом деле еврейское слово «хасид» имеет корень «хесед», что значит «доброта». А что такое для верующего еврея быть добрым? Это, во-первых, стараться строго соблюдать заповеди: хасид делает все, что по заповеди обязательно, но еще и сверх того. Во-вторых, больше думать о своем долге, чем о себе самом: хасид выполняет заповеди и сверх того даже в том случае, если сам от этого может пострадать. Наконец, больше заботиться о ближнем, чем о себе: хасид делает особый акцент на заповедях, касающихся отношений между людьми, на том, что обычно называют «моральными ценностями еврейства».

Очень интересное объяснение мы находим в Талмуде: если хочешь быть хасидом — соблюдай то, что написано в «Пиркей Авот». «Пиркей Авот» («Поучения отцов») — талмудический трактат, в котором речь идет прежде всего о моральных нормах. Название трактата связано с тем, что здесь собраны поучения, полученные нашими предками от их учителей и передающиеся из поколения в поколение. «Поучения» содержат самые главные жизненные уроки, которые каждый отец должен передать детям, если хочет правильно их воспитать.

Вот мы в очередной раз возвращаемся к главному вопросу, волнующему каждую семью, — к вопросу воспитания. Как воспитать наших детей, чтобы они стали воплощением лучших моральных качеств? Можно ли вообще изменить человека настолько, чтобы он приобрел одни качества и отказался от других?

Некоторые считают, что у каждого ребенка есть некий набор врожденных качеств, и именно они определяют поведение. По сути, это пессимистический взгляд на вещи, основанный на вере в то, что плохие качества, которые проявляет человек, достались ему «от природы». Тора учит иному: по природе своей человек добр, поскольку создан по образу и подобию Б-га. Но существуют внешние факторы, которые могут извратить его добрую душу, испортить человека. Воспитание — это возвращение человека к его естеству, то есть задача по определению решаемая. Надо только строить воспитание на правильных основах. Именно эти основы и предлагает нам трактат «Поучения отцов».

Изучая «Пиркей Авот», мы получаем важный урок, касающийся всего комплекса еврейского образования. Мы учимся не только и не столько для того, чтобы получать знания, сколько для того, чтобы правильно вести себя в жизни. Каждый еврей должен учить Тору — не потому, что мы «должны много знать», а потому, что написанное в Торе содержит правильные уроки.

Вспоминается история о ребе из Коцка, к которому пришел молодой еврей, выучивший Тору. Этот еврей задавал глубокие вопросы, предлагал интересные комментарии к фрагментам Священного Писания, но при этом вел себя крайне заносчиво, всячески демонстрировал окружающим, как он умен. В конце концов ребе сказал ему: «Ты хвалишься своими знаниями, но я хочу понять не что ты выучил в Торе, а чему Тора научила тебя!»

В этом и состоит главная идея «Поучений отцов»: не столько дать знание, сколько научить правильному поведению. Недаром в нашем святом языке слово «хинух» означает и «образование», и «воспитание». Для верующего еврея это одно и то же: мы учимся не для того, чтобы выучить, а чтобы научиться, чтобы извлечь из любых знаний добрые уроки. Помнить эти уроки, передавать их из поколения в поколение — вот основа для воспитания нашей молодежи. Как учат наши мудрецы, «правильное поведение стоит даже перед изучением Торы».

Поэтому в наступившем году я решил отойти от привычного формата своей рубрики в «Лехаиме» и полностью посвятить ее рассмотрению различных вопросов, поднимаемых в «Пиркей Авот». Да, современный мир предлагает нам все новые вызовы. Но я надеюсь, читатели смогут убедиться в том, что все проблемы современности, все проблемы воспитания находят ответ в мудрости наших отцов — мудрости, которая помогла нашему народу сохраниться и сохранить свою веру и свою культуру на протяжении тысячелетий.

ВРЕМЯ НАШЕЙ РАДОСТИ

Адин Штейнзальц

Еврейская традиция называет праздник Суккот «временем нашей радости». Весь Суккот, а также Шмини ацерет и Симхат Тора являются днями, предназначенными для веселья. Найдутся люди, которые удивятся: можно ли устанавливать время для веселья, заранее определять, в какие дни люди будут веселиться? Может ли человек приказать своему сердцу радоваться в назначенный день?

Dikááí Dúéí. Á-æáñò ááí í úé áóó áí çáðàù ááòñý á Èáðúñéèì . 1967 áã

Практика показывает, что это возможно. Молодежь приходит в синагогу в Симхат Тора, чтобы принять участие в плясках или хотя бы посмотреть, как пляшут другие: истинное веселье заразительно. Никакого сравнения с атмосферой в концертном зале, когда публику стараются развлечь профессионалы, где веселье никогда не может достичь накала, наблюдаемого в праздник; радость людей в синагоге, конечно же, не «заказная», и ее можно было бы назвать спонтанной, если бы дата праздника не была известна заранее.

Очевидно, что эта сторона праздника является лишь одним из аспектов, звеном в цепи событий и дат еврейского календаря. Ведь подобно тому, как есть дни, установленные для веселья, есть дни, предназначенные для самоанализа и траура. Тут мы сталкиваемся с парадоксом: лишь люди, способные искренне горевать девятого числа месяца ав, от всего сердца веселятся в Симхат Тора. В обоих случаях действуют одни и те же душевные силы, и, хотя они проявляются по-разному, между этими проявлениями есть глубокая внутренняя связь.

Причина, по которой человек весел в дни, предназначенные для этого, кроется в образе жизни религиозных евреев, неотъемлемой частью которого является внутренняя дисциплина. Даже простое, на элементарном уровне, соблюдение заповедей требует постоянного самоконтроля, взвешенной оценки происходящего, часто вопреки давлению внешних обстоятельств. Даже когда все общество дружно следует одним путем, нет никого, кроме Всевышнего, кто мог бы проследить за всеми поступками человека, и невозможно установить тотальный контроль за выполнением заповедей. Следовательно, способность к постоянному, не зависящему от внешних обстоятельств и склонностей индивидуума исполнению предписанного является необходимым условием истинной религиозности. Человек, исполняющий заповеди, в первую очередь принимает на себя обязательство быть верным системе духовных ценностей иудаизма (которую наши мудрецы называли оль малхут шамаим — «ярмо царства Небес», «бремя заповедей») и следует ей. Степень приверженности этим ценностям у всех различна, и, конечно, многие выполняют заповеди просто по привычке.

Хотя бы минимальная способность мотивировать свои поступки необходима и тем, для кого исполнение заповедей — просто привычка. Наши оппоненты утверждают, что личность религиозного человека формируется под влиянием косной системы воспитания и образования, невежественной среды и интеллектуальной несвободы. Иногда можно даже услышать обвинения и в том, что провозглашаемые им духовные ценности недоступны его пониманию. Но и «обвинители» не могут не признать, что личность религиозного человека формируется под влиянием этих самых ценностей и идеалов, как, конечно, и под влиянием разнообразных историко-культурных факторов. Несмотря ни на что, в жизни каждого, следующего предписаниям еврейского Закона, всегда есть некая духовная составляющая, которая и определяет его духовный уровень.

«Ярмо царства Небес», которое в той или иной форме ощущает каждый исполняющий заповеди, потому и называется «ярмом», что даже в том случае, когда человек исполняет заповеди по своему желанию и доброй воле, он не может быть свободным от дисциплины. Ни религиозный философ, ни тот, вся жизнь которого — постоянная духовная работа, не могут полностью воплотиться в действиях, выполнения которых требуют заповеди. Даже если еврей понимает содержание и смысл абсолютно всех заповедей и выполнение их не вызывает в нем никакого внутреннего сопротивления, он не способен в каждое мгновение проявить готовность к выполнению заповеди. Многие мыслители отмечают, что все спонтанно выполняемые человеком действия вызваны физиологическими причинами: голодом, жаждой, половым инстинктом и т. п. В области же веры эта модель неприменима. В определенном смысле это следует из самой идеи заповеди, предполагающей подчинение Высшему Закону, который по определению не может быть понятен до конца. Так как заповеди — Б-жественного происхождения, они не могут полностью принадлежать лишь физическому миру и являться следствием природы человека. Таким образом, верующий должен выработать совершенно иной подход к религиозной жизни: быть готовым к определенным действиям, прийти к осознанию необходимости исполнения заповедей в целом и каждой из них — в определенных обстоятельствах.

Хотя подобный подход не распространен в религиозной среде, большая часть книг на религиозно-этические темы посвящены именно этой проблеме, обсуждая вопросы о подготовке к исполнению заповеди и «настройке» к этому души. Отнюдь не готовность воплотиться в заповеди является вершиной веры. Многие убеждены (в основном, из-за своего невежества), что понятие медитации существует только в религиях Дальнего Востока. Это не так. Медитация («всматривание в себя», как называют ее некоторые еврейские религиозные авторитеты) является существенной частью мира верующего человека. Выполнению заповеди предшествует четкая система подготовки («настройки» — для людей, исследующих тайны веры, «всматривание в себя» — для многих других, формулы благословений — для каждого), а также огромное количество индивидуальных элементов подготовки, цель которых — одухотворить предстоящее событие: выполнение заповеди. Конечно, и само действие является немаловажным фактором, поскольку неизбежно вызывает определенные чувства, настроения. Ритуал и слова благословений, сопровождающих действия, также вносят свой вклад. Но основную роль играет здесь подготовка души, ее дисциплинирование.

Многие увидят в таком подходе к проблеме игнорирование истинного чувства, возможности спонтанных переживаний и душевного порыва. Романтический взгляд на мир базируется на предположении, что человеком руководят эмоции. Этот подход заранее отвергает всякую систематическую подготовку к предстоящим событиям — причем не только в сфере религии: «любовь с первого взгляда», «творческое вдохновение» и т. п. являются проявлениями такого подхода к жизни. Парадокс в том, что именно в этих областях легко увидеть, что подобные идеи опираются на фантазии. Много говорилось и говорится о том, что вдохновение — единственный и необходимый источник творчества. Это не так. Исследование феномена творчества показывает, что ни одна серьезная работа в области философской или научной мысли, литературы, скульптуры или поэзии не была создана спонтанно, — каждое из таких произведений явилось

результатом влияния извне, длительной подготовки, напряженного труда и совокупности материальных факторов. Душевные переживания, вплоть до самых высших (любовь, самоидентификация, преданность), также должны быть результатом подобных факторов.

Внимательное изучение темы показывает, что само понятие «человеческая личность» предполагает постоянное противодействие спонтанным физиологическим побуждениям и замену их осознанной позицией. Чем примитивнее человек, тем больше он подвержен давлению инстинктов, тем спонтанней его реакции. Чем выше развитие индивидуума, тем большую роль в его поведенческих реакциях играют навыки, знания, опыт. Даже реализация передаваемого генетически умения ходить требует от ребенка длительной учебы. А ведь навыки души гораздо сложнее простых физических действий, и их приобретение требует намного более серьезной подготовки. Не случайно некоторые еврейские мудрецы отмечали, что в иврите слова эмуна — «вера» и эмун — «тренировка» имеют общий корень, который указывает на необходимость тренировки души для достижения способности к серьезным душевным переживаниям. Это вовсе не значит, что со спонтанными переживаниями следует бороться, но они не могут быть основой поведения «человека разумного» — при помощи постижения и понимания, опыта и тренировки можно развить способность, о которой идет речь. Религиозный человек постоянно стоит перед необходимостью научиться подчинять собственную волю внутренней дисциплине. Как уже сказано, эта дисциплина способствует и творчеству: истинный художник способен извлекать из своей души переживания, необходимые ему для создания произведения.

Поэтому, когда наступают дни, предназначенные для радости, человек, овладевший духовной самодисциплиной, способен испытать истинные переживания.

В течение веков описание Плиния считалось фантастическим вымыслом, настолько невероятным казалось все, о чем он рассказал. Лишь в совсем недавнее время вулканологи установили, что слова Плиния полностью соответствуют истине, что они — по-настоящему беспристрастное научное свидетельство. И в знак признания этого факта такой тип вулканического извержения был назван «плиниевым извержением».

Ветер, дувший в тот день в направлении, прямо противоположном обычному дневному бризу, погнал черное облако прямо на Помпеи. Город окутала крошечная тьма, сквозь которую на него обрушился каменный дождь. Не было спасения и от серных газов: они проникали во все щели, разъедали глаза и горло... Площадь около ворот в сторону Геркуланума стала настоящим кладбищем, заваленным трупами тех, кто пытался бежать из города, но был обременен домашним скарбом, с которым не желал расставаться.

Это было лишь началом. Раздался новый ужасный взрыв: столб, стоявший над Везувием, разделился, и часть его устремилась вниз по склону горы по направлению к Геркулануму. Этот ужасный поток мчался со скоростью 100 километров в час и нес с собой огромные каменные глыбы. В отличие от жителей Помпей, уверенных, что крепкие дома защитят их, многие обитатели Геркуланума вскоре после начала извержения покинули город и искали спасения на морском берегу. Но напрасно: их накрыл поток лавы температурой в 500 °С и в одно мгновение превратил в уголь, а затем все засыпал слой пепла, толщина которого достигла 24 метров. Смерть оставшихся в городе была еще ужасней: они погибли внутри домов от теплового шока, мягкие ткани их тел буквально испарялись, а зубы и кости крошились...

Мощный подземный толчок возвестил о новой стадии катастрофы. На этот раз в результате нового выброса расплавленной магмы огненная река хлынула в сторону Помпей, однако остановилась, задержанная северной городской стеной. Но на город пала туча раскаленного пепла и ядовитого газа. Задыхаясь, люди широко раскрывали рты, в легкие влетал горячий пепел, из-за чего они наполнялись жидкостью, а следующий вдох приносил еще порцию пепла, превращавшегося внутри легких в жидкий цемент, и люди умирали в страшных мучениях. Археологи обнаружили внутри затвердевшего пепла пустоты, которые, будучи залиты гипсом, превратились в ужасные статуи, чьи позы и даже сохранившееся на века выражение лиц свидетельствуют о нестерпимых муках.

Через 18 часов после начала извержения стоявший над Везувием столб уже достиг высоты 20 километров и осыпал все вокруг «картечью» — угловатыми осколками пемзы диаметром 1–3 см. Каждый час на земле накапливался их слой толщиной до 25 см! И тогда вулкан нанес еще один, уже последний удар. Основание стоявшего над ним столба взорвалось, как гигантская бомба, и смертоносное облако двинулось через Неаполитанский залив по направлению к Стабии. Оно убило еще тысячи людей, бежавших из городов. Извержение завершилось ужасными ливнями. Смочив еще горячие и рыхлые пемзовые и пепельные массы на склонах Везувия, они вызвали исполинские оползни, которые окончательно похоронили под собой Помпеи и Геркуланум. Крыши последних уцелевших домов обрушились, и процветавшие только вчера города на многие века скрылись от людского взора.

Лишь к полудню следующего дня, 25 августа, туча пепла начала рассеиваться и сквозь нее проглянуло бледное солнце, но земля продолжала трястись до вечера 26 августа. Даже в Риме, отстоящем от Везувия примерно на 300 километров, в последующие дни шли дожди, черные от сажи и пепла.

Самое потрясающее впечатление от находок в Помпеях: жители города до самой своей гибели словно не обращали ни малейшего внимания на происходившее. Возможно ли, чтобы хотя бы незадолго до начала извержения не ощущалось никаких подземных толчков, не чувствовалось никаких изменений в воздухе? А животные и птицы? Ведь прекрасно известно, как они «предсказывают» стихийные бедствия, выражая беспокойство и массами покидая опасные зоны! А здесь — мясо осталось лежать в жаровнях, хлеб — в печах, восковые таблички — в школьных классах... Более того: те, что побогаче, чуть ли не до последнего мгновения продолжали свои развлечения, наслаждались изобилием дорогих вин и вкусной еды. Так, в одном из домов все участники пира так и остались навсегда возлежать на своих ложах... Похоже на то, что до последнего вздоха помпеяне старались взять от жизни все, что она может дать.

Чтобы приблизиться к разгадке этой тайны, нужно представить себе, чем были Помпеи для Римской империи.

«И поднял глаза свои Лот, и увидел всю долину Ярдена — как вся она орошается: до того, как погубил Г-сподь Сдом и Амору, — словно сад Г-спода...» (Берешит, 13:10). Эти слова Торы можно применить к описанию цветущего края, каким была вся та область до рокового часа. Почва, содержащая массу полезных минералов (вероятно, от каких-то извержений Везувия в незапамятные времена), была

исключительно плодородной и покрыта роскошной растительностью. Сельское хозяйство процветало и приносило огромные доходы. В городах была развитая промышленность, особенно славились помпейские сукновальни. Недаром центральная торговая магистраль Помпей называлась «улицей Изобилия»!

Но все-таки не это составляло главную привлекательность тех мест в глазах многочисленных гостей, стекавшихся туда даже из отдаленных точек необъятной империи в поисках развлечений. Именно для них в сравнительно небольших Помпеях существовали огромный цирк-амфитеатр, способный вместить 20 тыс. человек, драматический театр, рассчитанный на 5 тыс. зрителей, и еще один, поменьше, — по-видимому, для 1500 представителей элиты, а в еще меньшем Геркулануме — огромная палестра (здание для атлетических упражнений и стадион для соревнований).

Аналог Помпей в современной мире — такие города, как Монте-Карло и Лас-Вегас, однако тот древний центр «индустрии развлечений» оставил их далеко позади себя, являясь также и преимущественно центром «индустрии наслаждений». О нравах Помпей можно сказать еще одним стихом из Торы: «А люди Сдома — дурны и греховны против Г-спода безмерно» (Берешит, 13:13). Судите сами: в обширных термах (банях) второй этаж состоял из отдельных комнат — наподобие современных «массажных кабинетов», — на стенах которых была представлена вся помпейская «энциклопедия секса». Кроме центрального лупанария (публичного дома), в городе было не меньше 25 борделей поменьше — не считая особых помещений харчевен и гостиниц и просто спален, имевших отдельный вход с улицы. В одних женщины «обслуживали» мужчин, в других — мужчины женщин, в третьих — мужчины мужчин, в четвертых — женщины женщин (назначение этих помещений нетрудно определить по характеру изображений на их стенах). Почти все жилые дома были украшены фресками и скульптурами, изображавшими мифологические сцены самого непристойного содержания. И вакханалия разврата продолжалась буквально до последнего вздоха. Археологи обнаружили скелет рабыни в объятиях ее хозяина, останки знатной матроны — в казарме гладиаторов; среди засыпанных пеплом сохранились настоящие «статуи разврата»: однополые пары, партнеры в которых — даже дети...

Далее: в Помпеях царила поразительная религиозная «толерантность»: там были представлены чуть ли не все основные культы стран, входивших в Римскую империю. Об этом свидетельствуют руины храмов: так называемой «Капитолийской триады» — Юпитера, Юноны и Минервы (с гигантской статуей Юпитера, уцелевшая голова которой находится ныне в неаполитанском музее), а также Аполлона и Меркурия; капище, посвященное «фамильному гению» императора Веспасиана; святилище египетской богини Исиды с резервуаром воды из Нила... Несколько поодаль от города, на склоне холма, спускающемся к морю, раскопали почти совсем целую виллу. Как полагают исследователи, она принадлежала жрице Диониса, культ которого (также в его ближневосточном варианте) в те времена широко распространился по всей Италии, но был сочтен слишком безнравственным даже для той разнузданной эпохи и запрещен римским сенатом. Справедливость этого эдикта подтверждают росписи на стенах виллы, изображающие таинства «дионисийских мистерий».

Не в этом ли причина непостижимой беззаботности обитателей Помпей? Не полагались ли они на помощь хоть какого-нибудь из «богов», которым так усердно служили как своими деньгами, так и собственным телом?

Невольно вспоминаешь о тщетной попытке Лота спасти из Сдома своих родственников: «...и сказал он: “Поднимайтесь, уходите отсюда, потому что уничтожает Г-сподь этот город!” — но показался он шутником его зятьям» (Берешит, 19:14).

И последнее. Как во все том же Сдоме, в Помпеях превыше всего ценились деньги и шла отчаянная борьба за обладание ими. Существовали несколько политических партий, каждая из которых рвалась к власти. (Катастрофа, кстати, произошла как раз накануне выборов в городское самоуправление.) С горделивыми патрициями успешно конкурировали торговцы, делеги, вчерашние рабы, а ныне вольноотпущенники, успевшие сколотить состояние. И памятники алчности помпеян остались навечно. В таковые превратились хозяева «дома фавна» (названного так по непристойной скульптуре, стоявшей в его внутреннем дворике): они потеряли драгоценное время, стараясь упаковать золотые кубки и блюда, да так и погибли, задушенные пеплом. Другой богач был не в силах расстаться с бронзовой статуей и умер, обнимая ее. Владелец «дома Диомеда» тщетно пытался открыть дверь и вырваться из дома, превратившегося в ловушку, а раб его светил ему фонарем и не выпускал из рук мешок с фамильным серебром. Или: скелет вора, пытавшегося унести золотые и серебряные монеты на глазах придавленного обрушившейся балкой хозяина...

Поистине, как сказал царь Шломо, «Любящего деньги они не насытят...» (Коелет, 5:9).

Из открытий ученых ясно видно, что жители Помпей (и близлежащих городов) грешили всем тем, что наиболее ненавистно Всевышнему: развратом, идолопоклонством и грабежом^[2]. И за это они были наказаны всеми казнями, которые предусматривает закон Торы: побитием камнями, сожжением, умерщвлением путем пролития крови и удушением.

Но все-таки остается вопрос: можно ли сказать, что Помпеи были действительно самым развращенным городом Римской империи? Разве то же самое не происходило и в других местах — и тогда, и раньше, — почему же именно на эти города излился пылающий гнев Всевышнего?

Обратим внимание на хронологию. Катастрофа произошла 24–25 августа 79 года, а всего двумя месяцами раньше, 23 июня, умер император Веспасиан и властителем Римской империи стал его сын Тит. Таким образом, внезапное извержение Везувия, считавшегося до тех пор совершенно безобидной горой, ознаменовало самое начало правления (после траурных церемоний и празднеств коронации) того, кто семью годами раньше разрушил Иерусалим и Храм.

Еще во время правления своего отца Тит проявил себя так, что в Риме весьма и весьма опасались, что, став императором, он будет «вторым Нероном». Отличаясь жестокостью, удивительной даже для того века, Тит за любую провинность наказывал смертью, не проводя различий между правым и виноватым. Кроважидности его сопутствовала крайняя алчность: он занимался вымогательством, брал огромные взятки и очень дорого продавал свое участие в судебных делах, которые разбирал Веспасиан. Но более всего он поражал воображение даже выдавших виды его современников своей развращенностью. Чуть ли не все ночи он проводил в грандиозных оргиях, причем средством для возбуждения его рано притупившейся чувственности служили уже не женщины, а мальчики и евнухи. Так что сатрапам, развратникам и мздоимцам всей Римской империи было с кого брать пример.

Понятно, однако, что при вступлении на престол Тит был крайне непопулярен и имел серьезные основания опасаться за свою жизнь. Поэтому он резко изменил образ жизни и принял все меры, чтобы предстать перед своими подданными в облике хрестоматийного образца добродетели. «Отрадой рода человеческого» провозгласили его придворные поэты.

Тем не менее его недолгое правление — чуть больше двух лет — было омрачено не только извержением Везувия. Через полгода большая часть Рима была уничтожена ужасным пожаром, бушевавшим три дня и три ночи. В Италию была занесена чума, ранее опустошавшая другие провинции Римской империи. И наконец, сам император начал страдать болезнью, совершенно непонятной для лучших римских врачей, от которой вскоре умер в страшных мучениях. Сам он утверждал, что кто-то или что-то точит его мозг изнутри.

Это было правдой. Рассказывается в Талмуде (Гитин, 56б), что, когда Тит похвалялся тем, что сумел победить еврейского Б-га, Всевышний сказал ему: «Ах ты, нечестивец, сын нечестивца! Крошечное создание есть у Меня в мире, по имени комар; ну-ка, сразись с ним!» И в нос Тита залетел комар, который принялся точить его мозг.

Но это еще более усугубило его ненависть к евреям и еврейству. Тысячи пленников, захваченных во время Иудейской войны, были растерзаны на аренах цирков дикими зверями, а те, кто посильнее, были обращены в гладиаторов и также погибли на потеху римскому плебсу. Массы девушек и молодых женщин были проданы в публичные дома, и даже мальчиков и красивых юношей не миновала такая участь. Вот из кого формировался в те годы контингент «индустрии наслаждений» в Помпеях и других центрах беспутства. А кто был ее потребителями? Римские «герои» Иудейской войны...

Именно здесь таится разгадка тайны Помпей и Геркуланума. Их соучастие в физическом и нравственном истреблении иудейских пленников стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Всевышнего. За множество их грехов Он сначала отнял у них их разум и свободу выбора, а затем навеки опозорил, умертвив в самый момент их постыдных занятий и превратив в таких же непристойных истуканов, как те, которыми они «украшали» свои жилища.

* * *

Один умный человек сказал: «Главный урок истории — это то, что никто не извлекает из нее уроков». Помпейская порнография теперь извлечена из «секретного зала» музея в Неаполе, где хранилась под замком два столетия, и с бешеным успехом экспонируется как выставка «Эротическое искусство

Помпей»; репродукции непристойных фресок и скульптур уже появились в справочниках и энциклопедиях и особенно охотно запускаются в Интернет. По всей видимости, если археологам удалось бы раскопать Сдом и Амору, Государство Израиль взяло бы реванш за катастрофическое падение туризма в последние годы: наверное, тамошние находки затмили бы Помпеи и Геркуланум. И, без сомнения, люди восхваляли бы уровень «культуры», восхищались бы произведениями «искусства», изумлялись бы географическим и геологическим соответствиям тому, что написано в Торе, но старательно замалчивали бы религиозный и моральный аспекты гибели центров поругания всех законов — и Б-жеских, и человеческих...

Художественно-документальный фильм о последнем дне Помпей, снятый по заказу Би-би-си, заканчивается панорамой современного Неаполя, с его населением в три с половиной миллиона (вместе с пригородами), раскинувшегося у подножия все того же Везувия. И звучат слова: «Специалисты утверждают, что плиниевы извержения такого масштаба происходят лишь раз в две тысячи лет. А значит, следующее не за горами...»

Но об этом стоит задуматься не только обитателям Неаполя. Для Всевышнего нет ограничений, и по Его воле не только любая гора может превратиться в вулкан. Орудиями Его гнева могут стать и цунами, и торнадо, и смерчи, и землетрясения, которые «...Б-г содеял, чтобы боялись Его» (Коелет, 3:14). Горе тем, кто не обращает внимания на эти предупреждения!

[1]. *Таково правильное название этого города, хотя в русском языке со времен Пушкина и Брюллова употребляется название «Помпея».*

[2]. *См. комм. Раши к Берешит, 6:11, где он объясняет, что потоп был наказанием именно за эти грехи, и к 6:13 — о том, что тогда Всевышний дает свободу ангелу-губителю, который уже не отличает правого от виноватого.*

ТИШРЕЙ 1939 ГОДА

Йеуда Векслер

1 сентября 1939 года началась вторая мировая война — величайшее бедствие, постигшее еврейский народ со времен Крестовых походов. Лишь 27 дней понадобилось, чтобы Польша была оккупирована, и ее правительство заявило о полной капитуляции.

Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон (Раяц) жил тогда в городке Отвоцке неподалеку от Варшавы, где находилась также любавичская ешива «Томхей тмимим». В первый же день войны Отвоцк подвергся бомбардировке. Учащиеся ешивы в страхе прибежали к дому Ребе, на другой конец городка, чтобы быть вместе с ним. Ребе сказал им, что «у каждой бомбы есть ее адрес»: ни в коем случае нельзя поддаваться панике, так как все происходит по воле Всевышнего, и даже травинка вырастает именно в том месте и в то время, как Он желает.

Ребе решил вернуться в Ригу (откуда четыре года назад приехал в Польшу) и выехал из Отвоцка в Варшаву. Там выяснилось, что об отъезде в Ригу не может быть и речи. На Варшаву и днем и ночью падали бомбы, а когда немецкая армия подошла ближе, начался и артиллерийский обстрел. Была предпринята попытка укрыть Ребе в латвийском посольстве и уже получено предварительное разрешение на это, но в последний момент, когда тот уже лег на носилки (по загроможденным обломками разрушенных домов улицам проехать было невозможно, а самостоятельно идти тяжело больной Ребе почти не мог), из посольства пришел отказ. Мать Ребе, ребецн Штерна-Сора, увидев лежащего на носилках сына, принялась звать в слезах: «Где же Бааль-Шем-Тов? Где Алтер Ребе? Где Мителер Ребе?»

В канун Рош а-Шана Ребе на короткое время вышел к хасидам, чтобы, по обычаю, взять записки с просьбами о благословении. Он попросил, чтобы на праздничные молитвы приходил необходимый минимум людей во избежание опасности быть схваченными во время праздника и отправленными на строительство укреплений вокруг польской столицы.

Асэа «Ойи баэ ой эй эй» а І оаі оа

Как выяснилось после войны, нацисты были прекрасно осведомлены о знаменательных датах еврейского календаря и приурочивали к ним свои акции. Так и тогда, в самом начале войны: именно в Рош а-Шана бомбардировка усилилась. Из-за этого не только не удалось провести все молитвы как следует, но Ребе был вынужден в праздничный день перебраться в другую часть города, где обстановка была относительно спокойнее. С невероятными усилиями достали возок, в котором повезли Ребе по улицам обстреливаемой Варшавы. Его мать, ребецн Штерна-Сора, сначала ни за что не хотела уходить, требуя: «Оставьте меня в комнате моего сына — там я чувствую себя в безопасности!» В конце концов она согласилась лечь на носилки, и ее также переправили в другое место. Один из тех, кто нес ее, впоследствии вспоминал, что главной его заботой было тогда не наступать на трупы, во множестве лежавшие на улицах. На новом месте ребецн попросила молитвенник и свои очки. Выяснилось, что их забыли захватить, и один из молодых хасидов побежал обратно. Когда он вернулся, ребецн спросила: «Что там делают сейчас?» — и, получив ответ, что встали на молитву, воскликнула: «Как жаль, что я ушла!»

После окончания Рош а-Шана Ребе Раяц сказал: «В <Тань> объясняется, что <есть два вида удовольствия> (Танья, 34б) один — от кушаний, приготовленных из вещей сладких и приятных, другой — от кушаний, приготовленных из вещей острых и кислых. Для нас этот Рош а-Шана был горьким, но удовлетворение от него в высших мирах — больше, чем от сладкого».

С каждым днем Варшава подвергалась все более и более страшным ударам, и опасность возрастала. Несмотря на это, Ребе противился долгому пребыванию в убежище и несколько раз возвращался в свою комнату в самый разгар бомбардировки. Как-то раз, когда бомба упала совсем неподалеку и дом задрожал от мощного взрыва, Ребе вздрогнул. Но тут же поспешил успокоить окружающих: «Я не боюсь, просто тело от удара сотрясается».

Как рассказывал потом Шрага-Файвиш Залманов, когда он пришел за благословением накануне Йом Кипура, Ребе сказал: «Пусть Всевышний даст нам добрую печать и доброе завершение печати...» И добавил голосом, в котором послышались рыдания: «Попадем в руки Г-спода...»[1], — и горько расплакался. О тшуве, в отличие от всех прошлых годов, он не упомянул, однако спустя некоторое время добавил: «Сердце разбитое и сокрушенное Ты, Б-г, не отвергнешь!..» (Теилим, 51:19).

Из-за особенно мощной бомбардировки в Йом Кипур молиться вместе с Ребе приходили считанные хасиды — и то с большими опозданиями. Тем не менее все молитвы были прочитаны, и Ребе, как всегда, читал афтару «Йона». Именно в этот момент гром взрывов достиг кульминации, и только потому, что Ребе, сохраняя поразительное хладнокровие, продолжал афтару, не замедляя и не убыстряя чтение, никто не убежал в более безопасное место (что произошло в других варшавских синагогах).

Неилу, заключительную молитву Йом Кипура, Ребе велел прочитать быстрее и протрубить в шофар раньше обычного, чтобы дать возможность молящимся добраться домой до наступления темноты (никакого освещения на улицах не было — за исключением пламени пожаров).

Трапеза после поста была скудной, тем не менее Ребе был очень весел и до такой степени заразил присутствующих своим настроением, что кто-то начал вполголоса напевать хасидский напев. Ребе обрадовался еще больше и показал жестом, что все должны присоединиться к пению, а сам начал дирижировать. И звуки хасидского напева сливались с грохотом взрывов...

На следующий день, тоже в разгар налета вражеской авиации, ребе Йосеф-Ицхак внезапно сказал: «Праздник Суккот вот-вот наступит, надо к нему подготовиться». В первую минуту никто из присутствующих не понял, что Ребе имеет в виду. Хозяин квартиры, сухачевский хасид, обладавший незыблемой верой в хасидских цадиков и благоговейно почитавший Ребе Раяца, на этот раз отказался поверить, что Ребе имеет в виду строительство сукки — праздничного шалаша. Однако Ребе подтвердил, что намерение его именно таково, и дал указание, как именно нужно ее построить. «Мы были бы меньше удивлены, если бы услышали, что должны лететь в Индию, — вспоминал впоследствии реб Мордехай Райхрат, сын хозяина квартиры. — Однако уже несколько часов спустя сукка была готова, хотя в сердце мы сильно сомневались, удастся ли нам посидеть в ней, когда праздник настанет».

В канун Суккот немцы обрушили на Варшаву небывалый еще по силе ураган огня. Но и в условиях обстрела и смертельной опасности ребе Йосеф-Ицхак думал о других евреях. Он не удовлетворился тем, что каким-то чудом сам заполучил этрог[2] на праздник, но приложил все усилия, чтобы раздобыть еще один — для рабби Ицхака-Зеева Соловейчика, знаменитого как Брискер Ров, также находившегося тогда в Варшаве. Именно в тот ужасный день, канун Суккот, Ребе известил его, что для него есть этрог. Есть разные версии о том, как тот в конце концов был переправлен по назначению, однако это было сделано несмотря на опасность, подстерегавшую посланника на каждом шагу.

В первый день Суккот бомбы и снаряды перестали падать: Варшава пала, в город вошли нацисты. Как почти сразу выяснилось, одну беду сменила другая, более страшная: нацисты принялись за «решение еврейского вопроса». И все-таки тот праздник еще был праздником. Известно, что к дому Ребе, одного из немногих счастливых, раздобывших этрог, каждый день выстраивалась очередь из нескольких тысяч евреев, страстно желавших удостоиться заслуги исполнения заповеди праздника Суккот о «четырех видах растений».

Позже, уже в Нью-Йорке, в праздник Пурим, чудом спасенный рабби Йосеф-Ицхак Шнеерсон рассказывал о самом страшном дне, который он пережил в Варшаве:

«Известно, что нет добра без зла и нет зла без добра. В каждой вещи есть примесь зла, и каждое зло имеет примесь добра. Среди дней войны дата <двенадцатое тишрея> у меня отмечена как день одного из самых сильных переживаний в жизни. <...>

Наша группа — я, моя семья и несколько десятков учащихся ешивы “Томхей тмимим” — мы читали “Теилим”. Внезапно раздался ужасный взрыв: бомба разорвалась совсем близко, и в тот же миг разлилась огненная река. Каждый из нас увидел смерть лицом к лицу.

И в то же мгновение все, как один, издали вопль: “Слушай, Израиль: Г-сподь, Б-г наш, Г-сподь един!!!” Каждый был уверен, что эта минута — последняя в его жизни. Такой “Шма Исраэль” от самых различных людей с самыми различными мировоззрениями, с таким выкриком из самой глубины сердца, я еще никогда не слышал. И я прошу Всевышнего, чтобы вот эта “Шма Исраэль” сохранилась в памяти моей навечно.

В дни войны, кроме того, что каждый из нас видел Провидение, также на каждом шагу мы видели искренность еврейского сердца: как оно пропитано простой и подлинной верой. Увидеть воочию, сколь велика и глубока вера в Творца, укоренившаяся в еврейском сердце, — это то добро, которое я увидел во зле. Всеобщий бесхитростный выкрик веры “Шма Исраэль” открыл во мне новые родники любви и глубочайшего уважения к сынам и дочерям еврейского народа — какими бы они ни были. И я глубоко убежден — на основе фактических доказательств, — что еврейское сердце живо для Торы и заповедей. Просто порой оно ослабевает; однако разбудить, подбодрить его, воодушевить — это в руках воспитателей и наставников»[3].

[1]. Шмуэль II, 24:14. Продолжение: «...Ибо велико Его милосердие, но в руки человека не попадем».

[2]. Один из четырех видов растений, над которыми заповедано произносить благословение в праздник Суккот.

[3]. Сефер а-сикот, 5700.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД БУХАРСКИХ ЕВРЕЕВ

Светлана Амосова

Евреи из Средней Азии, или бухарские евреи, до 1970-х годов проживали главным образом в Узбекской и Таджикской ССР: в Самарканде, Ташкенте, Душанбе, Бухаре, Коканде, Андижане, Маргелане, Хатырчи, Шахрисабзе. Наименование «бухарские евреи» закрепилось за членами общины потому, что до включения Средней Азии в состав Российской империи значительная часть общины жила на территории Бухарского ханства. Первые достоверные сведения о еврейских поселениях в Средней Азии относятся к концу I тысячелетия н. э., в XIII веке впервые упоминается еврейская община в Бухаре, которая с XVI столетия становится основным центром сосредоточения еврейского населения в Средней Азии. В конце XIX века численность среднеазиатского еврейства составляла примерно 16 тыс. человек, в начале 30-х годов XX века — 20 тыс., в конце 80-х годов — 45 тыс. Массовая эмиграция в Израиль и Америку началась еще в 1970-х, тогда уехало около 10 тыс. человек, а в 1990–2000-х, когда шла массовая эмиграция из республик бывшего Советского Союза, уехала большая часть бухарской общины.

В советское время, несмотря на антирелигиозную пропаганду, обряды жизненного цикла — обрезание, свадьба, похороны — исполнялись почти всеми членами еврейской общины, до 1970-х годов основным языком общения оставался бухарско-еврейский язык, но сейчас для среднего поколения родной язык уже русский, а бухарско-еврейский используется только дома для общения с родителями. Сейчас в Бухаре проживает около ста евреев, есть две действующие синагоги, еврейская школа и детский сад.

*Айаоау мсаіаа (оаі оіаіеоа іа мсаіаа)
оаі аоа оаеі іаіа ні аоіе, еіоіоіф ііа ніа іа-ао.*

Аооаа 2011 аа

В рамках полевой школы, организованной центром «Сэфер» в мае 2011 года в Бухаре и Самарканде [1], мы провели целый ряд интервью с пожилыми местными евреями. Первый вопрос, который нам задавали, когда мы оказывались большой девичьей компанией в доме бухарского еврея или в синагоге, — замужем ли мы. Получив хоть один отрицательный ответ, гостеприимные хозяева тут же начинали рассказывать о холостом и очень достойном племяннике или внуке, начиналось «сватовство». Информанты вздыхали и говорили, что в Бухаре давно не было еврейских свадеб. Молодые люди чаще всего ищут невесту в бухарских общинах Израиля или Америки, девушек тоже сватают туда, и свадьбы проводят там, поэтому все с такой ностальгией вспоминают еврейские свадьбы, которые устраивали в Узбекистане в 1980–1990-х годах.

Конечно, по свидетельству стариков, даже те свадьбы уже не соответствовали канонам настоящей еврейско-бухарской свадьбы, но все подчеркивают, что еврейская община еще хранила свои традиции и обычаи. Даже молодая пара тридцати с небольшим лет, описывая свою свадьбу (одну из самых последних еврейских свадеб в Бухаре), подчеркивает, что она была традиционной. Мы попытаемся описать со слов наших собеседников [2] свадьбу такой, какой они ее помнят, — гибрид еврейско-бухарского и советского ритуалов. Конечно, этнографически правильнее и интереснее было бы описать настоящий обряд, но, увы, увидеть таковой нам не довелось. С другой стороны, свадебный ритуал, как и другие обряды

жизненного цикла, наполнен различными мелкими элементами, и, будучи гостями на церемонии, мы могли бы попросту не заметить многих деталей, о которых теперь знаем, так как нам о них рассказали.

Все свадебные торжества — с момента помолвки до окончания свадьбы — называются на бухарско-еврейском языке туй, но наши собеседники уже пользовались русским словом «свадьба».

Ḥāḥāḥāḥā ḥāy ḥōḥōḥāḥāḥōy Ḥ ēḥāḥēḥā Ḥāḥāḥā ḥāḥā ē Bōḥ Ḥāḥāḥā ḥāḥō ḥāḥē.

1927 ḥāḥā

ḤĀḤŌḤĀḤŌḤĀḤ

Сватовство считалось важнейшим моментом в жизни девушки и ее избранника. Для девочек идеальный возраст для вступления в брак наступал в 18–19 лет, для мальчиков — в 22–23 года, идеальная возрастная разница для супругов — 3–5 лет. Юноша на момент вступления в брак должен уже обладать профессией, быть более или менее самостоятельным. Наши собеседники отмечали, что в советское время были распространены браки между студентами одного института: «Большинство замуж вышли: третий курс мальчик и на первый курс девочка пришла — врач с врачом, учитель с учителем». Не было принято заключать браки между близкими родственниками, а вот жениться братьям на девушках из одной семьи было принято. Такие свадьбы даже устраивали в одно время.

Как правило, сватовство начинала сторона жениха. Сначала они узнавали все о девушке, о ее семье, расспрашивали соседей и друзей, проверяли, чтобы ее авлод (род) был хороший, богатый, здоровый, чтобы в роду не было психических заболеваний и т. п. Затем о выбранной невесте родители жениха рассказывали сыну, и, если он был согласен, к девушке отправляли сватов. В роли сватов выступали пять-шесть женщин из махаллаи (еврейский квартал Бухары), которые приходили к родителям девушки вместе с какой-нибудь их родственницей. Люди помнят еще и профессиональных свах — хозгор; известно, что это были женщины, но как именно они работали, уже никто нам не рассказывал. После встречи со сватами родители невесты проводили свое «расследование» и узнавали все о женихе и его семье. Ни в коем случае родители девушки не давали сразу положительный ответ, для поддержания авторитета девушки сватов заставляли приходить несколько раз, чтобы получить ответ: «За один раз девушки не возьмешь, пойдешь три-четыре раза, сразу никто не брал за один раз девушки». После того как родители девушки давали согласие, устраивался Ширинихури — «день сладости». Это была помолвка: юноша и девушка объявлялись женихом и невестой, они обменивались виноградным сахаром и после этого официально могли встречаться. Дома собирался узкий круг родственников и отмечал это событие. На стол подавали различные сладости: комковый сахар, засахаренный миндаль, халву и проч., а соседям и родственникам отправляли подарки — кульки со сладостями, где были, например, четыре кусочка сахара и четыре-пять видов конфет, два вида шоколада. Все это делалось для того, чтобы будущая семейная жизнь была сладкая, счастливая.

Даже в советское время жених должен был заплатить калин (колым) за невесту. Это считалось не совсем обязанностью — скорее, правилом хорошего тона. Желая показать себя с лучшей стороны перед родственниками невесты и соседями, жених давал семье невесты сравнительно крупную сумму денег — 500–1000 руб. — с формулировкой: «За молоко матери».

ÑÀÀÀÛÀÀ

Еврейско-бухарская свадьба длилась целую неделю, а старожилы говорят, даже две. Время для свадьбы выбирала невеста — она должна была быть «чистой». В воскресенье накануне свадьбы невесту вели в микву, этот обряд назывался хамомбарон. До недавнего времени в Бухаре функционировала миква, за которой следила специальная женщина; невесты и все замужние женщины обязательно туда ходили; но последние лет пять миквы больше нет.

Свадьба начиналась в понедельник с официальной церемонии в ЗАГСе, где невеста всегда была одета в обычное белое платье и фату. Жених и невеста обменивались обручальными кольцами (причем кольцо было не единственным украшением, которое невеста получала в подарок). После ЗАГСа молодожены, следуя общесоветской традиции, отправлялись кататься по городу на машинах: «Он берет там белую любую машину, “Волга” раньше было, “Жигули”, какую-нибудь хорошую машину белого цвета, приходит за невестой, один круг по городу катает».

После этого невеста ехала к себе домой, где ее встречали женщины, родственницы и подруги. Для них в доме специально накрывали столы, подавали горячее. Невесту встречала ее мать, и обычно в это время невеста меняла свое платье. Платье для первого вечера могло быть любым, но чаще всего это было аштепке (платье из хонатласа, то есть традиционное узбекское платье). В тот же вечер проводился важный обряд кошчинон — чистка бровей и лица. У еврейских женщин было не принято выщипывать брови и волосы на лице до свадьбы. Первый раз брови выщипывали перед свадьбой, до сих пор пожилые женщины считают, что неприлично молодым девушкам до свадьбы чистить лицо, выщипывать брови и пр. Для выщипывания бровей приглашали специальную женщину, которая делала это ниточкой. Иногда приглашали не одну такую женщину, а несколько, чтобы все остальные приглашенные на свадьбу дамы тоже могли привести в порядок свои брови. После того как все желающие проходили эту косметическую процедуру, ей подвергалась невеста. Ее усаживали на специально приготовленное сиденье — карпачу (пуфик или матрас). Перед тем как туда садилась невеста, на ее месте должна была посидеть семья, которая хорошо живет, у которой много детей. Считалось, что благодаря этому у невесты будет такая же семья, как и та, что сидела на ее месте. Пока невесте выщипывали брови, все приглашенные женщины могли подойти и поддержать невесте голову — для того, чтобы бровь была ровная. Все, кто подходил поддержать голову, клали невесте в подол платья деньги. Деньги затем отдавались женщине, проводившей эту процедуру. В последнее время кошчинон перестает быть важной частью свадебного обряда — его просто перестают делать.

На второй день, во вторник, устраивали уже совместную трапезу — для мужчин и для женщин, точнее, две трапезы: для родственников жениха и для родственников невесты. Каждая семья собирала родных и друзей в своем дворе: если двор маленький, просили соседей или друзей устроить свадьбу в их дворе, за что обычно платили. К этой трапезе составлялось особое свадебное меню, его обговаривали за несколько месяцев до свадьбы. На столе обязательно должен был быть плов, курица, мясо: «Режут корову — это сторона жениха. Сто штук кур — на три человека одна курица, так считается. На стол курица должна быть целиком». Для готовки нанимали женщин. Хозяйка двора обычно вместе с гостями не сидела, а обслуживала их. Кроме того, на свадьбу было принято приглашать танцовщиц (созанда). Но на последних традиционных свадьбах таких профессиональных танцовщиц уже не было — танцевали гости. Невеста тоже обязательно танцевала.

Ááíð ááðáéñéíá áíí à

Áóóáðà 2011 áá

Â ÑÐÂÁÓ ÎÁÛ×Í Î ÁÁËÄËË Î ÁÐÂÐÛÁ

В четверг свадебные торжества возобновлялись. На этот раз устраивали общую трапезу. Раньше она проводилась в доме домота (жениха), в советское время — в ресторане. Здесь собирались куду — две породнившиеся семьи. В этот день старшие родственницы (бабушки, матери и тети) надевали старинные платья с широкими рукавами. Кроме друзей и родственников в этот день принято было приглашать коллег с работы и соседей; конечно, это были не только евреи, но и узбеки, и таджики, и русские. Жених приводил невесту домой, здесь устраивался очистительный обряд — аланга: «Там уже идет аланга, это значит — огонь, костер. Костер делают во дворе». Вокруг костра жених и невеста должны были сделать три круга, обычно жених носил невесту на руках: «Если он может ее поднять, если она не тяжелая, он поднимает, три круга делает». После этого жених усаживал невесту на почетное место. Подавалось угощение. В этот день жениху и невесте дарили подарки. Обычно составляли списки: кто, что и сколько подарил; в последнее время принято было дарить деньги. Подарки отнюдь не были анонимными, считалось, что нужно затем «вернуть» дарившему подарок на такую же сумму — по какому-либо праздничному случаю (на свадьбу или на день рождения). Невежливым считалось «не ответить» на подарок, то есть подарить меньшую сумму или более дешевый подарок. Невесте принято было дарить золотые украшения, обычно это делала семья жениха: «Со стороны жениха обязательно дарят золото, это его авторитет, это же он себе дарит. <...> Все показывается, все говорится, показывается его кольцо, цепь, часы золотые, все говорят, что он дал».

Важная часть свадебного обряда — вход в дом: когда жених и невеста входят в дом, они должны одновременно сделать первый шаг, чтобы в семье было равенство. Сходные представления бытовали и у ашкеназских евреев: в воспоминаниях Ехезкела Котика есть красочное описание того, как они с женой возвращались из-под хупы и их родственники устроили соревнование, считая, что, кто первый переступит порог дома, тот и будет главным:

Îñéá ðóíú ðñáíúá íáááñóú áá ðóó æá ññááðééé è áááéé, ÷óíáú ííà íðéðéá áñííé ðáíúðá í áíý. Ýðí áúéí æéý íéð íá÷óí áðñáá ñðááñðáá, ÷óíáú ííà ááððíáíáééá á ñáí úá <...> Èðí èí áííí, æáíéð ééé íáááñðá, áíçáðáúáýñíí íñéá ðóíú, íáðáúé ñðóíéð á áñí, ðíò è áóááð ááððíáíáéðú

Íí Áðñá-Éæá ñ í íæ ðíáíæ, éíòíðáí íá æææá ðñòíáòù áññòí íáðáæææ èí áíðíáí, ÷òíáí ÿ íðææé áñíé íáðáí. Ðíáíí íááñòù ðíæá íá ðíðæá ðñòíáòù «æáñòù», è ííéó-ééñí ááá íáíáðáííéé, íðñòí áíá çááð ÷òí. <...> Ñ íáæð ñòíðí íéáæéé, ÷òíáí æáíéð ñ íááñòíé íáðáíòíééé ííðíáííáðáí áííí. Í ù ííáí èí æéñí íá éðñéñí, à ñ íáæð ñòíðí éðè-æé:

— Íáííáðáí áííí! Íáííáðáí áííí! [3]

В Бухаре тоже следили за тем, чтобы муж и жена синхронно перешагнули через порог. Одна из наших собеседниц рассказала, что ее муж и его брат женились в один день, и нужно было, чтобы все четверо брачующихся сделали первый шаг одновременно: «Я даже помню, что в день свадьбы мы заходили в дом мужа, вдвоем в свадебных платьях, нам говорили, что все вчетвером одинаково ногу поставить, зайти вместе, чтобы у нее были дети. Мы сделали все правильно, что у нас у обеих, она сразу забеременела, через месяц что ли, через две недели. И у нее ребенок был, и у меня ребенок был». Соответственно, бухарцы видели в эпизоде захода в дом примету не только власти, но и достатка и плодовитости. Кроме того, чтобы женщины в одной семье жили мирно, они должны были обменяться сахаром — дабы у них все было «сладко» и хорошо: «Для того, чтобы зайти домой к мужу, чтобы я со своей даречкой [4] не ругались, мы с ней обменивались сахаром, чтобы дети были и у меня, и у нее. Мы должны были съесть этот сахар».

После праздничного торжества, когда большинство гостей расходилось и оставались только самые близкие родственники, было принято делать кидуш (хупу). Считалось, что во время кидуша должно присутствовать как можно меньше народа, чтобы не было сглаза: «Когда приехали домой, нам сделали кидуш. Там собираются только родственники, только близкие, там уже друзей нет. Только еврейская семья». Обычно присутствовали десять мужчин, причем старались выбирать родственников, у которых была счастливая семейная жизнь, кто был женат один раз, родил нескольких детей и жил в достатке. Хупу над молодоженами обычно держали младшие родственники — братья или племянники. Брачный договор писал раввин, и было два свидетеля: со стороны жениха и со стороны невесты. Договор отдавали невесте, убирали в сундук и не показывали посторонним. Под хупой раввин читал молитву, разбивали «на счастье» бокал. Кроме того, существовало еще два обрядовых элемента, о которых рассказывают наши собеседники. С одной стороны, они воспринимаются как игры, с другой стороны, в них верили как в приметы. Жениху и невесте давали платок, за который они держались, и считалось, что тот, кто сильнее потянет за платок, тот и будет главным в доме:

Áíí à áææéé ééááó, á éñí íáðá Ñíáéðáðòñí, ÷éðáðò ííðáæáííòð í íééðáá, áñòù ðáééá ááíé, éæé ðáçæááí éá áíéæá, áðáíí éá íéáðí-éá. Éáíéðé è íááñòá ááðò íéáðí-æé, éòí áá ííðíáð. Áñéé ííðíáð íááñòá, ðí æááá ááááð íááñòá, áñéé ííðíáð æáíéð, ðí áááð æáíéð. Áñòù éíòíðíá áíéá-áíéá ðíííó. Áñá áðáá áðáá íá í íáð íáñòí áðò.

Вторая примета: кто наступит под хупой другому на ногу, тот будет главный в доме (об этом тоже упоминает Ехезкел Котик):

Áñòù éáñá: ðóóéé áðáá áðáá, éòí ðñòíðá — æáíéð ééé íááñòá ðóóéé íáæáðí íáñòí éòù ííá ðñíé íá ðóóéð, ðí áñòù éòí áááð æáááííðáíáðí íí áíéñééííðáí ááááæ íé-áñ íá áæáðò, æááð, ÷òíáí í óæ íáñòí éé. Í íá ííáæáð áææáí éá, à íí íáñòí ááð.

Считается при этом, что если девушка не тянет сильно за платочек и не торопится наступить на ногу, то она умная и уважает своего мужа, и наоборот, чрезмерная активность девушки вызывает неуважение родственников, это оценивается негативно. Во время кидуша жених дарит невесте еще одно кольцо; если в ЗАГСе было принято обмениваться обычными обручальными кольцами без камней, то под хупой жених мог подарить любое кольцо, на которое ему хватало денег. Так, например, нашей собеседнице муж подарил золотое кольцо с большим красным камнем.

Только после совершения религиозного обряда мужу и жене можно остаться вдвоем ночью, в этом же доме остается ночевать мать невесты. Утром мать невесты должна была представить всем своим родственницам и родственникам жениха доказательство того, что невеста была честная. Этот обычай сохранялся до последнего времени: «“До сих пор так?” — “Да. Бывает, что выгоняют даже”». После этого в пятницу вечером устраивалась шабатняя трапеза для семьи. В этот вечер невеста может быть в любом вечернем платье, но важно закрыть голову, например, шарфиком.

Если в первые дни свадебного обряда две пары брачующихся в одной семье должны были все делать одновременно, то хупу и первую брачную ночь стремились провести в разное время. Считалось, что здесь синхронность может привести к несчастьям, у кого-то может не быть детей:

РАББИ МОШЕ БЕН МАЙМОН ИБН-АБДАЛЛА АЛЬ-КОРДОВИ

Меир Левинов

Продолжение. Начало в № 9 (233)

אֵיךְ אֶבְרָהָם, אֵיךְ יִצְחָק, אֵיךְ יַעֲקֹב, אֵיךְ מֹשֶׁה וְאַהֲרֹן וְיִשְׂרָאֵל

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Кордова, город, осчастливленный рождением в нем «великого орла», учителя нашего, — это город учености, город финансов, процветавший во всех отношениях. Счастлив всякий, родившийся в Кордове — столице Аль-Андалуса. Уже в первой половине X века усилиями Абд ар-Рахмана III Победоносного, того самого, который разбил королей Наварры и посылал послов в самую далекую Византию, в Кордове была создана медицинская школа с роскошной библиотекой. Все сходятся в том, что в ней было собрано никак не меньше четверти миллиона книг, а некоторые утверждают, что там было 600 тыс. томов (Королевская библиотека в Париже, одна из богатейших в Европе, в то время насчитывала 200 томов). А еще в Кордове было полтора десятка медресе и 70 библиотек. Андалусия и ее столица Кордова были центром мировой учености.

Андалусия — это родина еврейской испанской культуры, место встречи с арабской поэзией, определившей облик поэзии испанских евреев. Именно там жили рабби Шломо Ибн-Гвириоль и рабби Моше Ибн-Эзра, рабби Авраам Ибн-Эзра и рабби Йеуда Галеви, которые составили цвет еврейской поэзии и философии Средневековья. Там подхватили факел еврейской философии, зажженный в Багдаде трудами рабби Саады-гаона; их книги по философии определили магистральное направление еврейской мысли. Все они, кроме рабби Авраама Ибн-Эзры, писали на родном для них арабском языке, правда, еврейскими буквами. Однако следует заметить, что в течение длительного времени испанское еврейство сильно уступало Востоку в талмудической учености.

Все изменилось, когда величайший талмудист эпохи рабби Ицхак Альфаси из-за доноса был вынужден спешно оставить Кайруан, что в Северной Африке. В 1088 году он прибыл в Андалусию, где в городе Лусене основал знаменитейшую ешиву, в которой, если верить биографам, учились абсолютно все великие люди еврейской Испании, — бывают эпохи, которые порождают плеяду гениев. Ешива эта просуществовала не так долго — в 1146 году она, как и весь город, была разрушена. Однако в период своего существования ешива оказалась центром талмудической учености всей Испании. После смерти рабби Ицхака Альфаси в 1103 году ешиву возглавил его ученик рабби Йосеф Ибн-Мигаш.

Современники и ученые следующих поколений чрезвычайно высоко оценивали рабби Йосефа Ибн-Мигаша, хотя от всего его творчества сохранилось только небольшое число разбросанных по произведениям разных авторов ответов на раввинские вопросы. Именно в этой ешиве учился отец Рамбама, рабби Маймон бен Йосеф. Его сын рабби Моше, тот, кого впоследствии назовут «великим орлом», учиться у рабби Йосефа Ибн-Мигаша никак не мог, хотя бы потому, что последний умер в 1141 году, когда рабби Моше было не больше шести, а вероятнее — всего три года от роду. Все это нисколько не мешало Рамбаму

в дальнейшем ссылаться на «своего учителя рабби Йосефа Ибн-Мигаша», равно как и на «своего учителя рабби Ицхака Альфаси».

О детстве Рамбама ничего не известно. Все попытки реконструкции опираются на сообщения о том, что, когда он прибыл в Фес в 1160 году, то есть в возрасте около двадцати пяти лет, он уже был человеком выдающейся еврейской учености, к тому же весьма сведущим в светских науках. Иными словами, детство прошло в учебе. Существует довольно известная история о рождении, детстве и начале учебы Рамбама, которая кочует из книги в книгу. История в кратком изложении выглядит так. Рабби Маймон денно и ночью учился, а женитьбу все откладывал и откладывал. Как-то к нему во сне явился благообразный старец, который сказал, что рабби Маймону следует отправиться в близлежащий городок, найти там местного мясника и взять в жены его дочь (имена указываются). Рабби Маймон не придавал значения сну. Но старец продолжал преследовать его в сновидениях, поэтому он все же пошел в тот городок и нашел там мясника. Оказалось, что того зовут именно так, как назвал его старец из сна. Делать нечего, пришлось жениться на дочери мясника. Далее следует длинное описание достоинств жены ученого, краткое содержание: эта достойная женщина всемерно способствовала учебе мужа. Вот от этой дочери мясника накануне Песаха и родился «великий орел» рабби Моше. Увы, мать умерла родами, поэтому ребенка вскормили самые благородные донны еврейской общины.

Когда дело дошло до учебы, то выяснилось... Существуют две версии.

Версия первая. Когда дело дошло до учебы, то выяснилось, что ребенок талантлив, но учиться совсем не хочет. Сбегает из школы, бегает по полям, ловит птиц. И никакие наставления и увещания[1] усидчивым ребенком не делают.

Версия вторая. Когда дело дошло до учебы, то выяснилось, что ребенок исключительно туп, учиться хочет, но не может. И никакие наставления и увещания не делают его умнее[2].

Далее сюжет во всех версиях совпадает. Отец всячески ругал ребенка и иначе как «отродьем мясника» его не называл. Однажды поздним вечером обиженный мальчик сбежал в синагогу, где молился о даровании ему благоразумия, и там, в молитве и слезах, заснул. Проснулся он другим человеком и вскоре обнаружил, что учение дается ему с великой легкостью. Поэтому он сбежал из дома в ешиву Лусены, возглавляемую рабби Йосефом Ибн-Мигашем, который вспомнил о своем ученике — судье Кордовы рабби Маймоне — и принял Моше в ешиву[3], где тот и учился так упорно, что пред ним открылись невиданные горизонты. Умирая же, рабби Йосеф Ибн-Мигаш благословил Моше, и это благословение сопутствовало Рамбаму всю жизнь. Моше вернулся в Кордову, пришел в синагогу и прочел замечательную лекцию о Торе и ее тайнах. Тут его узнал судья Маймон, обнял и признал своим сыном. Сын вернулся домой и больше никогда не баловался, а только учился.

Здесь эта замечательная история кончается — хотя бы потому, что в 1145 году, когда герою биографии исполняется то ли десять, то ли восемь лет, заканчивается благополучная жизнь в Кордове и начинается весьма темный период в жизни семьи рабби Маймона.

אֵיזֵי הַיָּמִים

Разобраться со следующим этапом биографии Рамбама без некоторых представлений о политических событиях на Иберийском полуострове в этот период невозможно.

Все началось с того, что в 1110 году некий марокканец по имени Ибн-Тумарт отправился учить Коран в Багдад, где проникся исламом в такой степени, что, вернувшись на родину в Марокко, пытался всех мусульман обратить в истинный ислам. Так начало складываться движение альмохадов. Не найдя отклика у властей предрержавших, Ибн-Тумарт отправился в горы Атласа, где стал проповедовать свое учение берберам, и столь им понравился, что его провозгласили аль-махди — непогрешимым имамом. Берберы навели у себя строгие мусульманские порядки, а по смерти учителя во главе течения встал Абд аль-Мумин и в 1130 году принял титул халифа. Постепенно к 1147 году он захватил все Марокко, основав новую династию Альмохадов (название династии совпадает с названием секты). Проводимый Альмохадами в жизнь принцип тимъяз («чистка») выражался в массовых казнях, репрессиях и изгнаниях. Пришельцы с гор Атласа были столь «праведны», что даже остальных мусульман считали иноверцами и обложили их тем же налогом, каким облагали только христиан и иудеев.

Войска Альмохадов при захвате городов мусульманской Африки вели себя последовательно — они грабили города и, вырезав часть населения, остальных — мусульман, христиан или иудеев — продавали в рабство. Повторим, что для Альмохадов и остальные мусульмане были «ненастоящими». Впрочем, иногда они поступались принципами и предлагали всем иноверцам выбрать между казнью и обращением в ислам (несмотря на то, что это противоречит шариату, то есть законам ислама[4]). Например, при захвате города Седжельмесе «Абд аль-Мумин собрал всех евреев и предложил им перейти в ислам. Уговоры продолжались семь месяцев... после чего сто пятьдесят человек выбрали смерть, а остальные приняли ислам»[5]. Взятие Марракеша (в марте 1147 года) сопровождалось массовыми убийствами и грабежом, но требования сменить веру под страхом смерти не последовало. Точнее, иноверцам было предложено либо сменить веру, либо покинуть страну. Некоторые евреи оставили Марокко, другие решили для виду принять ислам, в основном по чисто финансовым соображениям.

Судьба тех, кто принял ислам, была довольно незавидной, Альмохады сурово относились к недавним иноверцам, ограбить и убить сомнительного мусульманина для них было простым делом. Даже сторонники Альмохадов свидетельствовали, что «в их пределах льется кровь, люди ненавидят друг друга, ищут выгоды, пишут доносы. Там убить человека все равно что убить воробья».

Относительный порядок в войсках Абд аль-Мумин смог навести только около 1160 года. До этого в Северной Африке царил нечто вроде «революционного режима», когда жизнь любого зависела только от настроения человека с оружием. В течение нескольких лет Абд аль-Мумин при помощи созданной еще его предшественником институции, напоминавшей католическую инквизицию, устанавливал порядок, казнив под предлогом «недостатка чистоты веры» особо рьяных грабителей. Но жизнь на фоне инквизиционных процессов, часто не очень логичных, была опасной не только для иноверцев, но и для мусульман, многие из которых предпочитали бежать от новых властей как можно дальше. Впрочем, иногда Аль-Мумин решал, что политика выше религиозных убеждений, и частенько к религиозным предпочтениям своих подданных относился с полным политическим равнодушием. Скажем, он сохранил на службе воинский отряд «Ифрахи», который целиком состоял из христиан, и не обращал внимания на то, что торговлю с Венецией и Генуей ведут его подданные, соблюдающие предписания иудейской религии. Так обстояли дела в Северной Африке.

Около 1145 года на Иберийском полуострове началась гражданская война, дополнительно осложненная вторжением извне. Христиане воевали с мусульманами, мусульмане воевали между собой. В 1144 году горожане Кордовы во главе с местным кадием восстали против правящей мусульманской династии Альморавидов, той самой, которую Абд аль-Мумин сверг в Северной Африке. Для спасения города от верных династии войск мусульманские жители Кордовы заключили парадоксальный союз с королем христианского Арагона Альфонсо VII, приславшим им на помощь войска под водительством мусульманина Сафадалы, который взял город под свой контроль. Таковы особенности гражданской войны — в мусульманском городе мирно стоят войска союзников христиан и мусульман для защиты города от других мусульман. Но уже в следующем году началось вторжение берберской династии Альмохадов в Испанию. Войска Альфонсо VII оставили Кордову, предварительно ее разрушив, и поспешили навстречу врагу.

Óðáíñéñéí áá Íáóéá ááí Óáéáí. Áéóáá íðé Éáñ-Íáááñ-áá-Óréñá (16 éþéý 1212 ááá ñááéíáí í úá ñéú éáóíéé-áñéó éíðéááñóá Éáñðéééé, Áðááíá, Íáááððú é Ííðóáñééé ñááéééíí ñ áðí é áé Áéüñ íóááíá). 1887 á á Ááíðáó Ñáí ááí, Í ááðéá

ÁÍÄÛ ÑËËÓÁÍËË

После этих событий след семьи судьи Маймона теряется. Многие историки полагают, что в этот период она находилась в христианской части Испании. Другие ученые считают, что семья переехала в Толедо, — в основном потому, что в Толедо переехал, например, сын рабби Йосефа Ибн-Мигаши, а они с рабби Маймоном дружили еще со времен учебы в Лусене. Вполне вероятно, что семья бывала в Севилье, а может быть, и жила там некоторое время. Следует помнить, что в те времена евреи, родившиеся в мусульманской части Испании, предпочитали перебираться в мусульманские же края, а евреи, жившие в христианских королевствах, выбирали христианские земли. Да и дальнейшая биография Рамама свидетельствует, что он предпочитал близкие ему в культурном отношении мусульманские страны. На шестом десятке лет он напишет в алахическом послании о плавании по рекам в субботу:

Éçáñíóíí, ÷óí [íí] ðáéá[6] [íò] Ñááééüé áí í íðý 80 í ééáé, á íí íáé óíáýò éíðááéé, íá éíóíóñá áñçýò í áñéí é íí ðáéá ñí óñéáþò á í íðá, é ííé éáóò áí Áéüñ-Éñéáí ááðá[7], é íá íéó í'éáááþò ááðé... Á ðáéá [6] Ñááééüé íá í-áíü óéðñéáý, é óíò, éòí íí íáé íéüáíò, áéáéò íáá ááðáá ðáéé ééé óíòý áú íáéí[8].

Можно предположить, что Раббам вспоминает о юности, проведенной в Севилье[9]. Севилья в те времена была замечательным местом, правда, не столько городом науки, сколько городом искусств. Сравнивая Кордову с Севильей, современники говорили, что, когда в Кордове умирает музыкант, его инструмент везут на продажу в Севилью[10], а когда в Севилье умирает ученый, то на его книги в Кордове всегда найдется покупатель. Разумеется, нельзя исключить, что Раббам просто проплывал мимо Севильи, а его семья в это время проживала в другом месте, тоже в мусульманской части Испании, но не в той, что принадлежала Альмохадам, не на территории Кордовского эмирата[11].

Из рассеянных тут и там замечаний становится ясно, что рабби Моше общался с арабскими учеными Андалусии. Его представления об астрономии принадлежат именно андалусской школе, и никакой другой[12]. Он походя упоминает об изучении медицины в Андалусии. Например, он пишет о диабете: «Я не сталкивался ни с одним случаем в Магрибе, и ни один из наставников на моей родине [Андалусии] не признался, что сталкивался с диабетом, когда я зачитывал перед ними это [отрывок из Галена о диабете]»[13]. То есть учился он на родине и описывает принятый в то время метод обучения — ученик читает по учебнику, а учитель объясняет прочитанное. Некоторые исследователи полагают, что какое-то время семья рабби Маймона проживала в Альмерии, на андалусском побережье Средиземного моря. Это

предположение высказывается в основном для того, чтобы представить рабби Моше личным другом или учеником Ибн-Рушда, известного в Европе под именем Аверроэс. Ибн-Рушд старше Рамбама лет на пятнадцать. Он тоже родился в Кордове, и его жизнь также связана с Марокко. Легенды нередко описывают встречу двух величайших философов того времени. Так, рассказывается, что Ибн-Рушд, впадший в немилость у султана Марокко, нашел убежище в доме Рамбама в Египте. Сам Рамбам, при безусловном уважении к произведениям Ибн-Рушда, ни разу не упоминает о своих встречах с ним; следует отметить тем не менее, что у Ибн-Рушда и Рамбама было немало общих друзей, так что друг о друге они знали из первых рук. Некоторые исследователи считают, что в Альмерии семья рабби Маймона жила только до 1151 года — в том году в Альмерию пришли Альмохады. В любом случае трудно представить, что тринадцатилетний мальчик вел ученые беседы с двадцатипятилетним ученым.

Утверждения исследователей XIX века о том, что семья Маймонов в этот период исповедовала иудаизм тайно, неубедительны: к 1161 году рабби Моше, по свидетельству его современников, уже свободно владел обоими Талмудами, а следовательно, всю юность провел в благополучии и учебе. Да и он сам пишет, что еще до того, как в возрасте двадцати трех лет приступил к комментированию Мишны, он уже написал комментарии к сложным фрагментам Талмуда. Вероятно, именно в тот период Рамбам составил книгу «Гильхот Йерушальми», которая должна была дополнить бессмертный труд Ицхака Альфаси. Только если Альфаси подвел итоги дискуссий Вавилонского Талмуда, Рамбам в своей книге подводит итоги дискуссий Талмуда Иерусалимского. В семье Рамбама долгое время хранился еще один его труд, написанный в годы юности, а именно возражения Рамбама к «Гильхот Риф» («Книге алахи») Альфаси. Все это свидетельствует в пользу того, что юность Рамбама прошла в спокойной обстановке, располагавшей к учению.

В 1160 году, как раз в тот момент, когда Альмохады начали новый поход на Испанию, семья рабби Маймона внезапно объявилась в Фесе[14].

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

[1]. *О характере увещаний в хii веке можно составить представление на основании Мишне Тора, Законы изучения Торы, 2:2.*

[2]. *Вероятно, подразумеваются те же методы увещания, что и в первой версии, но уже в хii веке такие методы обучения не одобрялись (см.: Мишне Тора, Законы изучения Торы, 4:4).*

[3]. *Точно известно, что р. Маймон учился у р. Й. Ибн-Мигаша. Р. Моше бен Маймон, как мы уже писали, учиться у него никак не мог. Хотя во многих книгах написано, что Рамбам — ученик р. Йосефа Ибн-Мигаша, это явная ошибка. Кроме всего прочего, ешива прекратила свое существование в 1146 году, когда Рамбаму было восемь (или одиннадцать) лет, — это слишком ранний возраст для обучения в таком заведении.*

[4]. *По закону шариата христиане, иудеи, а также зороастрийцы признаются «народами Книги» и насильственному обращению в ислам не подлежат (впрочем, в истории ислама случалось немало нарушений этого закона). При этом они должны признавать свое униженное по сравнению с мусульманами положение, никогда не говорить плохо об исламе и платить двойной подушный налог.*

[5]. *Из письма Абу Зхарьи-Йеуды а-Коена, датированного зимой 1148 года (публикация Х.-З. Гиршберга).*

[6]. *Эта река — Гвадалквивир.*

[7]. *Так по-арабски называлась Александрия.*

[8]. *«Респонсы Рамбама», изд. Й. Блау, 310; «Послания Рамбама», изд. И. Шилата, 22.*

[9]. *Примечанием р. И. Шилата о том, что река Гвадалквивир протекает и возле Кордовы, города юности Рамбама, следует пренебречь: от Кордовы до моря не 80 миль (в еврейском миле чуть меньше километра), а 200, поэтому Рамбам говорит именно о Севилье.*

[10]. *Вопреки тому, что шариат запрещает игру на музыкальных инструментах.*

[11]. *Кордовский халифат после 1130 года распался на несколько эмиратов. В описываемый период Кордова не была частью Кордовского эмирата (она была республикой), а столицей Кордовского эмирата была Гранада.*

[12]. *См.: Море невухим, 2:24; написанное в этой главе целиком соответствует андалусской школе, и во времена Рамбама столь пристальное внимание к противоречию между аристотелевой космологией и птолемеевским математическим аппаратом астрономических расчетов можно обнаружить только там.*

[13]. *«Медицинские афоризмы Моше», 23:94 и 24:40 (нумерация параграфов медицинских трактатов Рамбама в настоящем издании следует изданию З. Монтнера).*

[14]. *Одно из писем р. Маймона помечено: «1471 год по счислению документов, в Фесе», то есть 1159 или 1160 год.*

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОФЕССОРА ГРАЩЕНКОВА

Ἰ Ἀὐτῶν Ἰσραὴλ ὅτι ἔστιν ἡμεῖς Ἰσραὴλ ἡμεῖς Ἰσραὴλ ἡμεῖς Ἰσραὴλ

Александр Локшин

Перед читателем уникальный документ, представляющий личность отца-основателя еврейского государства Давида Бен-Гуриона (1886–1973), 125-летие со дня рождения которого отмечается в октябре нынешнего года. Всю свою жизнь Бен-Гурион отдал строительству Государства Израиль. Сначала как лидер еврейской общины Палестины — ишува, затем как первый премьер-министр нового государства. Именно ему вместе с другими сионистскими деятелями, при помощи нескольких поколений репатриантов и при поддержке еврейской диаспоры и мирового сообщества, удалось воплотить в жизнь многовековую мечту разбросанных по всему свету евреев: иметь собственную страну и государство. В течение многих лет, находясь на посту премьер-министра и министра обороны в 1948–1953 и 1955–1963 годах он был архитектором, стратегом и главным кормчим Израиля.

Ἀὐτῶν Ἰσραὴλ ἡμεῖς Ἰσραὴλ ἡμεῖς Ἰσραὴλ ἡμεῖς Ἰσραὴλ ἡμεῖς Ἰσραὴλ

1953 ἡμ

Несмотря на давление правительства США с целью отсрочить создание еврейского государства и вопреки колебаниям некоторых лидеров ишува Бен-Гурион настоял на провозглашении государственной независимости сразу же по истечении срока британского мандата. 14 мая 1948 года Бен-Гурион зачитал в Тель-Авиве Декларацию независимости Государства Израиль, главой Временного правительства которого он и стал. То был звездный час не только Довчика Грина, мальчика из маленького городка русской Польши, приехавшего в Палестину в 1906 году и взявшего себе имя Бен-Гурион — в честь известного иудейского военачальника времен Великого восстания, — но и еврейского народа во всем мире.

Бен-Гурион, несомненно, принадлежит к когорте основателей новых государств XX столетия; среди них — Кемаль Ататюрк, Сунь ят-Сен, Махатма Ганди. Бен-Гурион был и крупным мыслителем, разработавшим концепцию еврейского государства на основе изучения священных книг иудаизма. Вдохновленный библейскими пророчествами, он полагал, что Израиль должен взять на себя уникальную миссию освобождения человечества от голода и войн. Израиль, перефразируя слова пророка Йешаяу, должен стать «светом для наций». В личности Бен-Гуриона органично сочетались идеалистическая вера в интеллектуальную и нравственную мощь еврейского народа и прагматизм политика, возглавлявшего государство, которое должно было вооруженным и дипломатическим путем неустанно отстаивать свое право на существование.

В 1963 году, в возрасте 77 лет, Бен-Гурион, сохраняя свое влияние в израильском обществе, вышел в отставку и поселился в кибуце Сде-Бокер в Негеве. Там и была организована его неформальная встреча с советским ученым-медиком, академиком Николаем Ивановичем Гращенковым (1901–1965). В 1959–1961 годах Гращенков был заместителем генерального директора Всемирной организации здравоохранения, а через два года, оставаясь экспертом ВОЗ, стал первым советским ученым, выступившим с несколькими лекциями в Израиле. Свои впечатления о Бен-Гурионе и об Израиле, а также предложение о создании общества культурных и научных связей Советского Союза с Израилем Гращенков изложил в письме к Первому секретарю ЦК КПСС и председателю Совета министров СССР Н. С. Хрущеву. Неизвестно, читал ли сам Хрущев это письмо. Но резолюцию партийных верхов можно было предугадать

заранее. Она была однозначной: создание подобного общества вызовет негативную реакцию наших «арабских друзей». Такие опасения были характерны для всех ближневосточных решений советской стороны начиная с середины 1950-х годов и вплоть до конца 1980-х. Вполне закономерно, что достаточно

неординарное предложение академика Н. И. Гращенкова было отправлено в архив.

Для нас оно интересно и как документ, отражающий отношение советских властей к Израиллю, и как свидетельство о Бен-Гурионе — политике и человеке, не терявшем надежды наладить дружеские отношения с Советским Союзом[1].

I

ΥΑΒΑΪ Ι Ο ΝΑΕΒΑΟΑΒΡ ΟΕ ΕΪ ΝΝ

οἶαδεῖο Γ. Ν. Ὀδύιαό

Ἀεῖαίεῖοαεαῖι ὑέ Γ εέεοὰ Ναδύιαε-!

Ν-εοὰρ ἡαίεῖ ἀεῖαῖι ἰοῖεῖοῖοῖ εδῖαοὐ Ἀαῖ ἰ ααῖαα, εἰοῖοαῖ εἰ αεῖ ἰ αῖοῖ ἰ αὐοῖοῖοῖ ἰ ἰρ ἰ Ἐρδαεῖα ἡ αὐαοεῖ ἰ δαῖ ὑα-ἰ εἰεῖοῖοῖ Ἐρδαεῖῖ Ἀαῖ Ἀοδεῖῖι.

Ν 19 οααδῖῖ ἰ 13 ἰαδὸα ἰ εα-αῖοαα ἰ αεαῖοαδῖαῖα εἰῖοεῖοαῖοα Ἀαῖ εδῖε Γδαῖεαεεε Ἐααῖοαῖαῖεῖ ἰ ἰαοῖαεῖῖ ἰ Ἐρδαεῖα αεῖ ἰ οαῖεῖ εαεεε ἰ ἰ δαεε-ἰῖ ἰ αῖοῖαῖ ἰ ἰαε ἡαεεαεῖῖοῖοῖ /εεῖε-αεαῖ ἰααῖεῖαῖ/ ε ἰ ἰοῖε ἡαῖε αῖοα-αεῖῖ ἡ ἰῖαεῖ ο-αῖῖε ε ἰαῖαῖοαῖῖ ἰ ἰ ε αῖῖοαῖῖ ε. Ἀ-αῖοῖοῖοῖ ἰ οε ἰῖαῖαῖεε αῖεῖῖ εοῖ αῖοῖα Ἀαδσαα[2] ἰ ἰοῖοῖα ἰ ἰ ααῖ ἰ ἰ ἰοῖαεαῖεε ἰ οῖοαῖῖοα Δαῖο εεαε-α[3], εἰοῖοῖε ἰαεῖαοῖῖ εα-αῖεῖ αα-ἰῖ Ἀαῖ Ἀοδεῖῖα ε αῖ ἡαῖ ὑε, ε αῖ αῖεῖοαῖ οα ἰ οῖοαῖῖοα Οαεῖα, ἰ ἰαεῖῖ ἰ ἰαῖῖ εεαοῖα[4], ἰ εἰοῖοῖ ἰ οῖαεεααο Ἀαῖ Ἀοδεῖῖ ε αῖ ἡαῖ οα[5].

ἰ ἰεῖεῖο οῖοαῖῖο Δαῖο εεαε-, εαε εα-αῖεε αα-, αῖεαῖ αῖε ἰεαοὐ ἰ αεεοεῖοεφ ἰῖῖῖ εἰ ἰαῖεῖ, οῖ ἰ οε ἰοεο ἰαῖοῖοαεῖῖοαα, ἰῖαῖαῖ οεαῖῖῖα ἰαῖοα, ἰ ἰεαεῖῖ ἰ οεαεαοῖῖ ἰ ἰοῖοεοῖῖ Ἀαῖ Ἀοδεῖῖα, ε ἰ ἰοῖε ἡαῖε ἰ οῖεῖοεα ααῖαα, ἡααεαῖεα εἰοῖοῖε, ἰ ἰα εαεαοῖῖ, ἰαῖοῖαεῖ ἰ αῖαῖοε αῖ Ἀααῖ ἡαῖαῖεῖ. Ααῖαα αεαῖῖ ἰ α ἡαῖῖῖ οῖῖεῖ ἰ αῖαεεῖῖ ἰ ἰαεα ἰ ἰεῖεῖο ἡαῖ οαε Ἀαῖ Ἀοδεῖῖ αεααο οῖῖεῖ ἰαῖεῖ εαε αῖοῖαοῖ — ἰ εε αῖοῖα ἰ εἰῖεα ἰ ἰα Ἀαδσααῖ, ἰ ἰ εε αῖοῖα ἰ εἰῖεα

Ἀ ἰα-αεῖ ααῖαῖ ἰ ἰε ἰαῖ ἰ ἰα-αεῖοεε, ἰ οῖ εο αῖ-ῖ αεῖεῖα αῖεα ἰ ἰ ἡεαῖ[6], ἰ ἡῖῖ[7] — αῖαοεε δαῖοῖεε ἰ ἰεεεε — οῖαε αῖε ἰ ἰ ἡεαῖ ἰ οα-αῖεα οδῖο αῖε.

ἰαῖ ἰ ἰε ἰ ἰα-αεῖοεε ἡαῖε αῖεῖοῖε εἰοαῖα ε ἡῖαοῖεῖο ἡῖρῖα οαε εαε ἰ ἰεῖῖ αῖῖῖ εἰαῖεῖ ἰ ἰ ἡαῖαῖ αῖοῖοαε ἰ ἰ ἰαοῖοαῖ, ἰ οῖαῖαῖ ἰ ἰ οαῖε ἡοδῖα

ἰ-ἰ Ἀαῖ Ἀοδεῖῖ ἡεαεα, ἰ οῖ ἰ ἰα εἰ ααο ἰ ἰ ἡα ὄαῖοαῖεεῖα ἰ οῖῖ ἰ εῖεα ἰ ἰ ἡεαῖ, ε, ἰ ἡεεο αῖο ἰαῖοῖοαεῖῖοα ἰ ἰε ἰαῖ ἰ εοαο αῖεῖοῖε εἰοαῖα εἰ αῖα ὁ ἰ οῖεῖῖαῖα ὁ ἰ ἡῖαοῖεῖ ἡῖρῖα

Ἀ-ἰ Ἀαῖ Ἀοδεῖῖ, αεαεῖ ἰ, ἰ οῖαῖ ἰαεῖε-εοῖ ααῖαα, αῖεαεαε ἡαῖ ἰ ἰαῖεα ἰ Ἀ. Ἐ. Ἐαῖεῖα ε

αδῖαεο αῖῖοαῖῖο ἰαοαε δαῖεῖοεε. ἰ ἰ αῖαεε ἡ αῖεῖοῖε οαῖεῖοῖε ἰ Ἀ. Ἐ. Ἐαῖεῖα εαε αῖεαεῖῖ ἰ ἰ αεῖαῖεα, αῖααῖαῖ ἡῖ αῖῖααδῖοαῖῖῖ αῖῖῖ αῖῖοαεῖ ε εδῖῖῖ ὁεεῖῖοα ἰ ἰ ἰ ἰα-αεῖοεε, ἰ οῖ ἡοδῖα εεῖῖ ε

añoda:á n̄ Á. È. Èateíuì è m̄aòeaeuì äey jóíe óaèè íðeaçaeá á Ì íñeáó á 1923 á, íí añoda:á íá m̄nòíyeani ec-çà áíeçáí è Áeaei edà Èeue:-á[8].

Èae áu íðíoeáííñoaáey Áeaei edò Èeue:-ó Òðíoeíñ, eíoiðíñ íí èe:-íí çíae íí yí eãðoèè á ÑOÁ /Í ð-Èíðeá[9] á aídáíepòeííúe íaðerá íí óaðaeòaðeçíaeé añ eae :-aeíaeé, íá çíapúae íí-íañíyúai ó Òñíep è aaeá Áaðííó, íá íííei áaeáñ eíoiðáñá ðñíeíñ íaðíá, è aaeá óaðaeòaðeçíy Òðíoeíñ, íðei áíeè ðaðí eí «óái óaðíí».

Íí óaeéá aúñeáçúaeé m̄aeaeíeá, ÷oi áí ó íá óaeíñíañòðaeòóñy n̄ Áai è[10]. Íí Áaeáí ó aadánó íí ðáíðeé, ÷oi íoáiéaaó Áañ eae ðaeuúíñ ííeèoeé, eíoiðíe òíðíeí í íaeó íoáiéaaóú ñeòóaeèp.

Ííñeá jóíñ ðaçñáíð íaðíoeé è aadáníe-èçðaeéuñeíe ñeòóaeè. Á jóíe ñyçe y m̄ íñíae ñoíðíú aúñeáçé m̄íá çai á:-áiéá, ÷oi jóá ñeòóaeéy ðaçéí íñeíaeíeéañí ó:-añoeáí Èçðaeéy á Ñóçeíe áañí òpðá[11].

Èpáííuóíí, ÷oi Áai Áodeíí íá jóí íðíííe:-ae, à í-í Áai Áodeíí ñeáçaeá, ÷oi ííá m̄aeáñá, ÷oi jóá áañí òpðá áñyá èè aúeá óaeáñíáðaçí á

Á jóíe aáñáá aeíñeóñeóíñeéy áííðííí áíçí íaeííñòe íðáðáúáiéy Èçðaeéy á íaeòðaeúú çp ñòðáió òeíá Áañòðeè n̄ aadáiðeae jóíñ íaeòðaeéòaðá m̄ ñoíðíú áíeèèò aadæáá Áai Áodeíí óaeéáííí ðáíðeé, ÷oi, áíeè áú Òðóúáá è Áaeíííí[12] aeòeáíí çaoíðaeè íðáðáoeòú Èçðaeéú á íaeòðaeúú íá aúñeáçé è aadáiðeéíaeé jóíò íaeòðaeéòað, óí jóí aúeí áú ñai úí eó:-oeí áíoiáíí eçíñçíaaóáñíy ííeíaeáíeéy.

Íí óaeéáííí óáíðyè í áíy, ÷oi yéíau áíeèè í ííñ íííúòíe íðyí úó añoda:- è ðaçñáíðíá n̄ èeáaðái è aadáníeéò ñòðái, íí ÷oi jóè íííúòeè ñeò ñoíðíú íá añoda:èèè m̄:-óañóaeý, è ðáíðeé í óað áíeúoeò óðaoáá, eíoiðíuá íðeóíaeóñy áñíe Èçðaeéçp íá ííááðaeáíeá íáíðíú ñòðáiú íðíoeá áíçí íaeííe aadáníeè aadáníeéò ñòðái è eíoiðíuá íá aapò áíçí íaeííñòúçíá:-eòaeúú úó aúñeáçéúú íúó

aeíaeáíeè á ðaçaeòeá eéuòóú, çaðáííóðáiáiéy è ò.á. Yóá ñeòóaeéy yéíau aúíoeáááò Èçðaeéú

oeðíeí ííeúçíáíóñy áñíáíçí íaeíúí è :-añóíúí è òííáíí è ÑOÁ äey ñòðíeòaeúúòáí Èaðúñeéí ñeíñ óíeááñíeòáóá, Óaeóñeíñ ííeèòañíe:-añeíñ eíñeèòóá, Í aeéoeíñeíe oeíeú, eáíðaoíðeè eíñeèòóá Áaeóí áíá è ò. á

Á óa:-áiéá áíeè jóíe aáñáú, íðíáíeaeáaeéñy áíeáá ííeòóíðá :-añá, íe íí, íe ííá íá ñaeéèè íe íáííñ aúíááá á aadání Ñíáòñeíñ Ñíçá, áíeè íá ñeòaðú aaeíñòáí ííñ añ íáííáíeúúòáá, ÷oi aadáníeèò áñóae á ÑÑND íá íáó:-apò íá aadáníeíí yçíeá[13]. Èíáñá yíðeáíe áí ó aðáñ áíóú, íí:-áí ó jóíñ aaeáóú íaeúy, ííñeíeúeò aadáníeíñ íáñeáíeá ðañííáíí íí áñe óaðeòíðeè ÑÑNB, è, eae íðaeéí, íá eí áñó áíeúoeò ííñeáíeè, óí á íoáíó íá jóí, eae áú m̄aeáçyñí ñeáçé, ÷oi óáiáðí è ñai è aadæ íá çaoíðyó eçp:-aðú aadáníeèè yçíe, aúííí íeá íðe jóíí ñaiá pííoeáíóáí á Í eííñeá[14], aúá óeá è óíáá eí aeè í añóí óaeéá óaeòú, ííñeíeúeò jóá í aðá íaeíí aeó áíeúeíñ íðaeòe:-añeíñ m̄ úñeá á añeíaeýò ÑÑND.

Èae yáñóáñó ec m̄áadæáiéy jóíe aáñáú, aeéíí, ñúíðíe Áai Áodeíí òíðíeí áíeè íñáñíí eáíú í ííae ñeðíí ííe èe:-ííñòe è íeðíáíçpáíeè è ííóíí ó íá ñoáaeèè íeéaeèò áííðíñá, eíoiðíuá í íaeè áú áíçáóúñí íae ñoíðíú ðaçeá áíçpáeáiéy.

Ííá:-aðeéáñy á aáñáá ñáíç :-añóíçp æeçíú è óñá íò ó:-añdeý á eaeèè-èeáí íðaeèòaeúúòáííúó íðáíeçpáeýó, Áai Áodeíí í ííñ ðáíðeé í ñáíeò eíoiðáñíeò è eçp:-áíeçp aadáníeè è m̄aðú áííúó oeéíñóíá, íde:-ai, eae íí áíðaçeéñy, íí íðáñíí:-eòááò eçp:-aðú oeéíñòeçp íí íaðáíeñí:-íeéai, à eí áíí íeáóííá íá aðáííáñ:-añeíí yçíeá, eíoiðíe íí m̄aueáeúíí eçp:-ae aúá á aei íaçeè, à çaoáí óðáíeðíáeñy á ðáú áíeíú, Ñíeííçp íá aðáííáadáníeíí yçíeá, Í aðeíá è Yíáeúñá íá íáí aueíí yçíeá è Èateíá íá ðñíeíí. Á áíeáçpáeúúòáí jóíñ íí ííeáçé í íá íañeíeúeí eíeá íá ðñíeíí yçíeá á óíí :-eñeá íyðeòíí íçp «Èñóíðeçp oeéíñòeè»[15]. Ñáeéáá íðe jóíí eðeòe:-añeíá çai á:-áiéá ÷oi áíae í aeí íðáñíóaeéáíí eçpíaeáíeá íñí íá oeéíñòeè aadáníeè.

Íaai ííeáaòóú ÷òí áñá ñááðeáíeá yòíe ááñáú áúeí ðáññ-èòáíí íà òí, ÷òíáú íá áíçáàòóú áí í íá íeéáeèò áíçááeáíeé è ññòáàeòóú íáeáíeáá áeááñíðeýòííá áíá-àòeáíeá í ííçeèè á íá Ááí Áòðeííá

È yòíí ó ðíòáeíñí áú áíááeòóú ÷òí íðáññá Èçðáeéý eáe è ðeííáíeòáe, íòeðñíááeéá ðáçe-íúá çáññáíeý, íá eíòíðúò í íá íðeòíáeéíñí áeáòóú áíeéáú, í-áíú eáñóíí íòçíáeéñí í ñááòíeí çáðááíòðáíáíeé, í áeèeíñeíe íáeéé, á ÷áñóíñòe, á ñáçe ñííeí íðeáçáíí eáe eáeòíðá, áíeéáíí ííá-áðeéáeé, ÷òí yòí íáðáíe áeçeò ñááòíeíñá íðíòáññòá. Ááááý áñýeéá áeíáðáe-áíeéá ñðááeé í í íáe ñeðíííe íáðñíá ííá-áðeéáeéíñí, ÷òí á ñáíáí ðáçeòeè íò íðñíòíá eðáñóúýíñeíñá íáðíý áí íðíòáññòá ý óáeééí íáçáí áíeíáeýí, ñçááííúí Íeçýáðñíeíe ðááíeðeáe; áñý-áíeé áúðáeáeéñí ñeí íáòeé íí ááðáñò ñááòíeíe í áeèeíñeíe íáeéé è çáðááíòðáíáíeý, eáe è ñeí íáòeé è íáeóáe ñòðáíá è ðñíeíe eééúòðá, íðááñòááeòáeýí ðáçe-íúò ñeíáá eíòáeééáíóeé, ñ eíòíðúí è íðeòíáeéíñí áñòðá-àòúñý, è íðááñòááeòáeýí è òðñíáíñá íáðñáá.

×eáí-eíððáñíííááíò Áeáááí eé íáeé ÑÑÑÐ íááðíeíáí eéíeáe Èááí íáe- Áðáíáíeíá

Áeý í íáe ðááíòó, eáe eáeòíðá, áeý íçíáeííeáíeý ñ ðáçe-íúíe íáe-íúíe è çáðááíòðáíáí-áíeéíe ó-ðáeááíeýí è ñçáááeéñí ñáíúá áeááñíðeýòíúá áíeíáeý è eèðíeí íòeðñíáeéñí áááðe è áááeéñí ííáðñáíúá íáíññáíeý. Á ÷áí ý íá í íáò íá áeááòóú ñòðáí eáíeý è íðáíeçáeèe áíeáá eèðíeéè è á íáðáð í-ááñáú eééúòðíúò è íáe-íúò ñáçáe ñ ÑÑÑÐ.

Ðýá íáe-íúò ó-ðáeááíeé íáññíáíí íðááñòáeéýáò áíeúeðð óáííñòó, eáe íáñòá áíçí íáeííe ðááíòó íáeèð ó-áíúò, áeý çáeí ñáíáíeý íðááeúñúò íáeáíeáá òííeèò íáòíáeé eññeááíáíeý á íáeáñòe áeíeíáe-áíeéè è í áeèeíñeèò íáeé, á ÷áñóíñòe íí áeéáí, íí ðáeé, íí íeéðíáeíeíáeé, áeðñíeíáeé, è áðñeèò ðáçáeíá, áeòeáíí ðáçáááòóáááí úò ñ ííí íññ ñíáeéeèò í áòíáeé á ðýáá íáe-íúò ó-ðáeááíeé.

Èññáý eç eáçáííe ñeòááeé, áñòáñóáííí áíçíeéááò áííðñ í óáeáñíáðáçíñòe íðáíeçáeèe áíeéáííá eééúòðííá è íáe-ííá íáíáíá Á yòíe ñáçe, ííeáò áúòú áúeí áú óáeáñíáðáçí áíññçáòóú Íáúáñóáí eééúòðííe ñáçe, òíòý áú íí íðeí áðó òíá, ÷òí eí ááò í áñóí á íòííeáíeé Íáúáñóá eééúòðííe ñáçe ÑÑÑÐ è Ááñòðeé. È áíeé áú Èçðáeéúñeí-Ñíááòíeíá íáúáñóáí áúeí áú áíçááeáí í íáíeí eç ááòíðeòáòíúò íðíòáññòá eáe yòí eí ááò í áñóí á íòííeáíeé Ááñòðe-Ñíááòíeíá íáúáñóáá /íðíòáññòð Áeýçáð[16], íáíðeí áð íðáçeááíòíí Èáðñíeéí ñeíáá óíeááñíeòáòá Ýeáò<í>, òðñeáíòáí ×áðíeáíáíeíe áúáðíeé, òíðíeí áeáááðñeí ðñíeéí ýçúeíí, áúáeéí íññeíí Èçðáeéý á ÑÓÁ è Áíáeé[17], áeáeí í eçáñóíúí íí íññeááíáe ðááíòá íáeóáí ó áúáeáí óííñeó á Áíáeé çáí. íeíeíððá eíññòáííúò áeé òíá Í áeééç[18], eéé íðíòáññòíí Ðáòí eéááe-áí — eçáñóíúí óáðáíááòíí, eá-áúeí áðá-íí íííáeò áññááðñóááíúò áñýóáeíe Èçðáeéý, ðñeáeèeíñý á áð Í ñòeíeáeéá áúáeáe Í íáeéáíeíe áúáðíeé, ðáe eá òíðíeí áeáááðñeí ðñíeéí ýçúeíí. Èññáðe, íðíòáññòð Ðáòí eéááe- ñ 7 íí 26 áíðáeý áúááò á ÑÑÑÐ á eá-áñóááí eííñeúòáíòá ÁÍÇ, áíeé áú áúeá íðeçíáíá óáeáñíáðáçííe áeòeáeçáeý Íáúáñóáá á ðáeíí íáíðáeáíeé, òí í íáeíí áúeí á yòíí íeáíá íðíááñòe ñíeí ááñáá.

Ñííòááíòááííí í íáeíí áúeí áú áeòeáeçeðíááòóú Ñíááòíeí-Èçðáeéúñeíá Íáúáñóáí è ðáeéí íáðáçíí eèðíeí eññeúñíááòóú ýòe íáúáñóááííúá eáíáeú áeý ííeáçííe eíòíðíáeèe è

οὐδὲν ἐστὶν ἐν τῷ κόσμῳ ὃ οὐκ ἔστιν ἐν τῷ ἔθνεϊ ἡμῶν. Ἐὰν οὖν ὁ κόσμος ἴδῃ ὅτι ἡμεῖς οὐκ ἐσμὲν ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεὸς, οὐκ ἔσται ἡμεῖς ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός. Ἐὰν οὖν ὁ κόσμος ἴδῃ ὅτι ἡμεῖς οὐκ ἐσμὲν ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός, οὐκ ἔσται ἡμεῖς ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός.

Ἰὼν ἐν τῷ κόσμῳ ἡμεῖς οὐκ ἐσμὲν ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός. Ἐὰν οὖν ὁ κόσμος ἴδῃ ὅτι ἡμεῖς οὐκ ἐσμὲν ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός, οὐκ ἔσται ἡμεῖς ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός.

Ἰὼν ἐν τῷ κόσμῳ ἡμεῖς οὐκ ἐσμὲν ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός. Ἐὰν οὖν ὁ κόσμος ἴδῃ ὅτι ἡμεῖς οὐκ ἐσμὲν ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός, οὐκ ἔσται ἡμεῖς ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός.

Ἐὰν οὖν ὁ κόσμος ἴδῃ ὅτι ἡμεῖς οὐκ ἐσμὲν ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός, οὐκ ἔσται ἡμεῖς ὡς οἱ ἄλλοι ἔθνη, ἀλλ' ὡς ὁ Θεός.

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

II

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

Ἡμεῖς οὖν ὡς ὁ Θεός

III

ΟΕ ΕΙ ΝΨ

ΝΙ ΔΑΔΕΑ

Ιστορία του Αδελφείου Γ. Ε. Γαλακτοπία. Ν. Οδοιπόροι Νι, α εφοδοί η εφοδοί εδοδοί η ημάε ηγάρεα α Εφλαεεή α αίνεο ιδιαιτερεαία η ημάεε Νίαιονεήα γαλακτοπία εεεεοοδίε ημάε, α οαε αα γα ααεε-αίεε εεεεοοδίε ε γαο-ίηε εφί οαεο γα η γοίε ηοδοίε.

Ν-εοααί γαλακτοπίαοαί η α γαλακτοπία ααί η γαλακτοπία οδοιπόροι η γαλακτοπία η ημάεε Νίαιονεήα γαλακτοπία ααεαί ε εεεεοοδίε ημάε η Εφλαεεή. Νίαιεα οαεήα γαλακτοπία ααεαί αα δαρεί γοδεοαοαίηε δαεεεη α ηαί ηο οεοεεο ηεεεο-αίεεο ε γαλακτοπίαίηε εδοδοί ααηεεο ηοδοί. αοί εαηηαοηη δαηεεδαίεγ εεεεοοδίηα ε γαο-ίηα γαί αα η αεαο ΝΝΝΔ ε Εφλαεεή, οί α ηηοαοηηαεε η γαίηαί ε ηηαοηηεε εεεεοοδίηε ε γαο-ίηε οδοιπόροι ε γα 1965 α γοίε γαί αί, ηη ηηαί αί εη η1964 α, ααεε-εοηη.

ΝΙ αεαοηηαίηε γοαηηη ΟΕ ΕΙ ΝΨ ηηαηηαίηε.

Ααοηηεηηη α ααί η ηηοαοηηηηηηα δαηηηη αίεγ.

Ι δαεαααί γαί δαεοηηεηηη η ααεεα

γα γαηηηηηη ααηηηηεεε-αίεε ηηηηηηηηη Α. Εηδοοίηα

«5» γεογγδγ 1964 αηα

Α ααεεα

5.10.64

Α. Ααηηεεή γα

[1]. Документы публикуются впервые, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 55. Д. 115. Лл. 96–105. Машинопись. Копия.

[2]. Беэр-Шева.

[3]. Рахмилевич Моше (1899–1985) — израильский врач и ученый-гематолог. Один из основателей медицинского факультета и медицинской школы Еврейского университета в Иерусалиме. Многие годы был личным врачом Бен-Гуриона и других государственных деятелей страны, а также членом экспертной комиссии ВОЗ. В 1964 году был удостоен Государственной премии Израиля по медицине.

[4]. Кибуц Сде-Бокер, расположенный в Центральном Негеве в 40 км к югу от Беэр-Шевы. Бен-Гурион там жил в периоды отхода от политической деятельности в 1953–1955, 1963–1965 и 1970–1973 годах. Там же он и похоронен.

[5]. Полина Бен-Гурион, в девичестве Мунвейс (1892–1967).

[6]. Дочь Ренана (р. 1925–2000), профессор микробиологии Тель-Авивского университета.

[7]. Сын Амос (р. 1920–2008), во время второй мировой войны служил в британской армии, был ранен. После образования Израиля — заместитель комиссара полиции, впоследствии генеральный директор крупнейшей в стране текстильной фабрики.

[8]. В 1923 году Бен-Гурион приезжал в Москву во главе делегации Объединенной еврейской трудовой федерации Палестины для участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Подробнее см.: Бананы, лимоны и кактусы // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 1993. № 1. С. 87–90.

[9]. В 1917–1918 годах Бен-Гурион участвовал в агитационной поездке по еврейским общинам США, призывая американских евреев переселиться в Палестину. И зимой 1917 года мог

познакомиться с Л. Д. Троцким. Негативное отношение, высказанное в этой беседе, к Троцкому

определялось как стремлением учитывать настроения Хрущева, наследника сталинского правления, так и сионистскими взглядами самого Бен-Гуриона, считавшего, что евреи не должны участвовать в революционном движении других стран.

[10]. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов Бен-Гурион в качестве премьер-министра неоднократно, но безуспешно пытался встретиться с Н. С. Хрущевым.

[11]. Операция израильской армии против Вооруженных сил Египта на Синайском полуострове и в секторе Газа 29 октября — 5 ноября 1956 года.

[12]. Джонсон Линдон Бэйнс (1908–1973) — президент США с 1963 по 1969 год.

[13]. Советские власти под сильным нажимом западной общественности возобновили с 1959 года издания на идише, а с 1961-го стали издавать журнал «Советиш геймланд». Однако закрытые в конце 1930-х годов еврейские образовательные структуры в то время не были восстановлены. Советские власти заявляли, что советские евреи не заинтересованы более в своих собственных культурных и образовательных учреждениях, так как проявляют склонность ассимилироваться с населением, среди которого живут. Подробнее на эту тему см. мою статью: Из истории литературы «самого слабого звена»: попытка возрождения // Лехаим. 2004. № 4.

[14]. Плонск — уездный город Варшавской губернии, в котором родился Бен-Гурион.

[15]. Речь идет об издании: Философская энциклопедия в 5 томах. М., 1964.

[16]. Глязер Гуго (1881–1976) — австрийский врач и публицист. Президент Австрийско-советского общества дружбы.

[17]. Эйлат Элияу (1903–1990) — израильский востоковед и дипломат, первый посол Израиля в США (1948–1950), посол Израиля в Великобритании (1950–1959) и президент Еврейского университета в Иерусалиме (1962–1968).

[18]. Малик Яков Александрович (1906–1980) — заместитель министра иностранных дел СССР в 1946–1953 и 1960–1967 годах, постоянный представитель СССР при Совете Безопасности ООН в 1948–1952 и 1967–1976 годах.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

Война и мир глазами евреев в армиях СССР и США (1941—1948)

Рעעף אײן טאָג

«Еврейский вопрос будет решен <...> для Европы, когда на Европейском континенте вплоть до Урала не останется ни одного еврея <...> необходимо выселить их за Урал или как-то иначе искоренить», — заявил в 1941 году в Берлине министр оккупированных восточных территорий рейха Альфред Розенберг¹. После поражения «блицкрига» поменялась официальная цель гитлеровской войны в Европе: на смену «завоеванию жизненного пространства для немецкой нации» пришла «защита европейской цивилизации от жидо-большевизма». «Окончательное решение» еврейского вопроса стало единственной «победой» нацистской Германии во второй мировой войне. Уничтожение восточноевропейского еврейства заставило каждого уцелевшего увидеть себя по-новому. Гроссман пишет о герое своего романа «Жизнь и судьба» физике В. Штруме: «Он думал о том, о чем никогда не думал и о чем его заставил думать фашизм — о своем еврействе»². На личный и общественный аспект своего еврейства пришлось взглянуть по-новому почти миллиону еврейских военнослужащих, воевавших в армиях США и СССР. За годы войны обе страны изменили свою политику по отношению к евреям; военнослужащие были первыми, кто почувствовал на себе эти перемены.

Как видно из интервью с ветеранами армий СССР и США, собранных в архиве «Шоа», в 1940-х годах процессы интеграции советских и американских евреев в общественную жизнь своей страны шли в противоположных направлениях. Советские ветераны в один голос утверждают, что до войны антисемитизма не было: «мы были как одна семья», «в Одессе можно было услышать слово “жид”, но важно, как оно произносилось», «никто не знал, кто какой национальности». Американцы, наоборот, вспоминают, как синагогу могли назвать «церковью Сатаны», а их самих общество считало опасными пронырами, от которых необходимо защититься. Джордж Абрамс вспоминает, как весной 1942 года его — студента Нью-Йоркского университета — вместе с еще 70 студентами, в основном итальянцами и евреями, под ложным предлогом неупеваемости

выгнали из университета и немедленно призвали в армию³. Вернувшись же с фронта, американские военнослужащие-евреи чувствуют себя «гордыми американцами» (proud Americans), а советские — сталкиваются с нарастающим антисемитизмом. Война оказывается для евреев в обеих армиях мостом между равноправием и дискриминацией.

Для большинства армия была первым опытом жизни в нееврейском окружении; даже призывники из больших городов, как правило, жили там среди еврейских родственников, друзей и знакомых. Чтобы быть как все, не привлекать к себе излишнего внимания, призывникам из Бруклина или Киева нужно было подавить свое еврейское «я» во всех его проявлениях: в речи, жестикуляции и мимике, в бытовых и культурных предпочтениях. Но не все можно было изменить: тела многих советских военнослужащих-евреев были помечены обрезанием, грозившим смертью попавшим в плен. К. Ахизер вспоминает, как столкнулся с двумя узниками-молдаванами, выслеживающими обрезанных военнопленных в надежде на немецкую награду⁴.

Обрезание не было безусловным признаком еврейства в американской армии⁵. Знаком отличия для большинства евреев, в особенности для рядовых, был носившийся на шее армейский жетон с выгравированной буквой «Н» (Hebrew) ⁶. «Н» ассоциировалась с иудеями Ветхого Завета и не несла в себе тех дискриминационных коннотаций, которыми было нагружено слово «Jew».

Многие советские ветераны-евреи описывают свои отношения с товарищами по оружию как миролюбивые и дружеские: «мы были как одна семья». Тем не менее некоторым пришлось столкнуться с враждебностью солдат, никогда в своей жизни не встречавших евреев, но с чужих слов усвоивших бытовавший в народе антисемитизм. Сосед по окопу сказал однажды М. Слуцкеру «Вот мы тут все лежим, а почему ни одного жида нет?» Тот ответил: «Я жид, а ты даже не знаешь, кто с тобой рядом лежит» ⁷ (рассказывая этот эпизод, Слуцкер называет русского солдата «а фоньке» ⁸). Антисемитизм в Красной Армии отчасти объяснялся присутствием множества бывших крестьян со всей гаммой отрицательного отношения к евреям: от бытового антисемитизма до негодования, вызванного ролью евреев в советской политике, в том числе в непопулярных антикрестьянских мерах. Бывший танкист и участник Сталинградской битвы вспоминает, как во время кампании по реквизиции продовольствия он в группе с еще двумя членами партии и одним военным, размахивая револьвером, отнимал у крестьян зерно, угрожая в случае неповиновения разрушить их избы⁹. К тому же немцы осыпали войска пропагандистскими листовками, в которых евреев обвиняли в развязывании войны, большевистском терроре, коллективизации и Голодоморе. Чувство собственной уязвимости усиливалось по мере наступления, когда военнослужащие-евреи столкнулись с немецкой антиеврейской пропагандой в оккупированных районах, лагерями уничтожения и добровольным участием гражданского населения в геноциде.

«Βασιλεύς - ἀγαθὸς ὁμόπρῳς». Ἰαείαεῖα «Οὐδαδολῶ». Ἰψ-Εἶδῶ. 31 ἰῖῖῖῖ 1936 ἄῖῖῖ

В американском случае нелюбовь к евреям объяснялась как христианской юдофобией, так и недовольством стремительным ростом их численности¹⁰ и быстрым восхождением по социальной лестнице. У многих солдат-неевреев не было мотивации воевать в Европе (война с Японией не подвергалась сомнениям, популярным лозунгом было «Отомстим за Перл-Харбор», а не «Отомстим за Польшу»). Нередки были попытки избежать призыва и членовредительства; многие считали, что эта война нужна только евреям. Как вспоминает Л. Фальштейн, на тренировочной базе, куда он попал перед отправкой в Европу, поговаривали: «Мы воюем из-за евреев», «Еврейский Рузвельт втянул Америку в войну» ¹¹.

Девяносто процентов американских евреев голосовали на выборах 1940 года за Рузвельта, считавшего необходимым вступление в войну; республиканцы стояли на изоляционистской позиции и вступать в войну считали неправильным. Хотя многие призывники-евреи видели месть гитлеризму своим личным делом, готовность евреев сражаться в армии подвергалась сомнению антисемитски настроенными слоями общества.

Фальштейн, чей старший брат ушел добровольцем на фронт, а сестра и мать перешли работать в оборонную промышленность, жалел, что он еще молод, чтобы воевать. Достигнув призывного возраста, он ушел добровольцем с первого курса университета¹². На тренировочной базе сержант обзывал его «еврейским студентом» и превратил жизнь в ад. Один профессор нью-йоркского Сити-колледжа в шутку утверждал, что боевая песня бруклинских евреев гласит: «Вперед, воины-христиане! Мы снабдим вас униформами!»¹³

Известно, что в интендантской службе американской армии был такой же процент евреев, что и в других родах войск. По Красной Армии такая статистика недоступна; тем не менее считалось, что евреев среди интендантов было немало. В романе В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946) фигурирует «начфин, симпатичный, подвижной и всем интересующийся Лазарь»¹⁴. А. Шапиро вспоминает, как в 1945 году по дорогам Венгрии ездили советские армейские грузовики, на бортах которых были написаны фамилии — преимущественно еврейские (из соображений конспирации запрещалось писать на грузовике номер военного подразделения, и для идентификации писали фамилию начальника техобслуживания). Евреев нередко обвиняли в барышничестве, считалось, что евреи-снабженцы живут припеваючи, уклоняясь от службы на передовой. Начальнику военного склада, на котором служил Г. Слуцкер, не раз приходилось выручать своего подчиненного от приезжего горячего командира, приказывающего еврею отправляться в боевую часть. А в одной американской армейской частушке пелось:

*Εὐχαίρουν ἀγαπᾶν τὴν εὐχέλῃ ἀγαπᾶν τὰ Ἀσέβῃ Ἰσραὴλ ἰθακῆν φὸν ἰαπῆαῦν ἡε ἡαῖαδ ἀν ἀνὰ ὕ Ἀοῖδῆε ἰ εὐχᾶρε ἀρεῖ ἡ.
Ἡ ἰαῖα ἑὰ ἀαῖαῖεὸ ἀδὲ ἀτᾶ ×εεᾶᾶ*

*Ἰ ἀαῖε, εὐῖ ἰῖοῖῖεὲ ἀδᾶεᾶῖεὲ εἰδᾶεῦ — Ἐῖεῖ Ἐᾶεε,
Ἰ ἀαῖε, εὐῖ ἡοῖῖε ἰὰ ἀδᾶεᾶῖεφ γᾶ ἑφ, — Δῖᾶαδ Ἰ Ὀαδᾶ
Ἰ ἀαῖε, εὐῖ ἰῖοᾶῖεᾶ ἰ ὕοῦ ἡῖῖ ἰᾶε, — ἰ εἡῖῖ Ἡῖεεᾶᾶ, <...>
Ἰ ἀαῖε ἡεεῖ ἡῖῖ, δᾶγᾶᾶᾶᾶεε εᾶοῦ δᾶ ἰ ἰᾶᾶ εῖῖ ἡ, — Ἰ ἀοᾶ Ἀῖεῖῖοᾶεῖ¹⁵*

Говорили также, что евреи не только наживаются на военных контрактах, но и отсиживаются в тылу, спасая свою жизнь. В США можно было услышать, что «евреи сражаются в тылу». В Москве в феврале 1943 года на заседании Еврейского антифашистского комитета И. Эренбург докладывал о распространении в стране антисемитских настроений под лозунгом «евреев никто не видел на фронте». Часто говорили, что «евреи воюют на Ташкентском фронте». Связь между евреями и Ташкентом в этой ядовитой насмешке не случайна. В Ташкент был эвакуирован целый ряд научных и просветительских организаций, в которых работало много евреев, в том числе еврейские театры Москвы, Киева и Одессы. К концу 1941 года большинство эвакуированных в Узбекистан — 63 % — были евреями; совместно с сосланными туда в 1940 году евреями из аннексированной Восточной Польши они образовывали большинство среди неазиатских народностей узбекской столицы¹⁶. И уже в августе 1942 года Берии докладывали о росте антисемитизма в республике¹⁷.

Оскорбительный стереотип еврея-слабака и труса не был редкостью в обеих армиях. «Хочешь смыться из армии?» — спрашивали Фальштейна. Образ прячущегося за чужими спинами малодушного и хитрого еврея парадоксальным образом сосуществовал с уникальной стойкостью евреев в отступавших советских войсках, «таявших» по ночам за счет дезертирства. Когда Ш. Цалюк в группе из 600 киевских призывников добрался для отправки на фронт до Сталина (Донецк), оказалось, что больше половины русских и украинских новобранцев вернулись назад в оккупированный Киев. Позже Цалюк попал в группу, отобранную из курсантов Омского минометного училища, для учебы на командиров «Катюш». По его словам, большинство в этой группе из 200 человек были евреями, потому что «хорошо учились и были преданы Родине»¹⁸.

Преданность Родине была одной из причин, побуждавших евреев воевать, второй было желание отомстить за геноцид. На вопрос, воевали ли они как советские граждане или как евреи, все ветераны отвечали: «Как советские граждане и как евреи» (американские ветераны тоже говорят о своей лояльности и США, и еврейскому народу). Солдаты-евреи Литовской дивизии шли в атаку со словами «За Родину, за Сталина!» по-русски и «Братя, за наших отцов и матерей!» (Бридер, фар унзере татес ун мамес!) на идише¹⁹. Со словами «Я — еврейка» военврач Е. Фидзель отказалась оперировать немецкого военнопленного²⁰. Н. Резник, узнав, что солдатам из его батареи не велено кормить взятых в плен венгерских евреев, присланных в район Каменец-Подольского рыть окопы для немецкой армии («Ну их к черту, нечего было к нам лезть»), кричит: «Я такой же еврей, как они!»²¹

Преданность евреев Советскому Союзу и невозможность для них коллаборационизма с фашистами могли служить причиной поручения им особо трудных заданий. Предлагая назначить А. Наделя заместителем командира взвода разведчиков, замполит его стрелкового полка сказал: «Надель — еврей; ручаюсь, что он не сдастся немцам»²². Во время Сталинградской битвы летчик Л. Овсищер был назначен воздушным парламентаром: он должен был, снизившись над противником до высоты 200 м и барражируя, будучи при этом отличной мишенью, зачитывать войскам 6-й армии Паулюса условия капитуляции. Генерал-лейтенант Галаджиев, давая Овсищеру такой приказ, сказал: «Героя получите». Овсищер совершил 24 «парламентарских» вылета и не был награжден. Галаджиев, которого он встретил на офицерском вечере по поводу победы под Сталинградом, удивился: «Но ведь командующий (Донским фронтом — Рокоссовский) приказал наградить вас особо...»²³ Овсищер считает, что армейское руководство не захотело дать орден еврею; многие ветераны уверены, что были обойдены наградами из-за своей национальности²⁴. После возвращения с фронта оказалось, что их позиция в советском обществе изменилась за время войны. В русскоязычных изданиях избегали писать об участии евреев в войне и об их судьбе на оккупированной территории. Послевоенная советская идеология была выстроена вокруг «русской идеи» — представления о том, что пассивный в мирное время русский национальный характер актуализуется в критической ситуации войны. Разбуженный страданиями русского населения «народный дух» сокрушил гитлеровскую Германию; евреи в этом контексте были неуместны.

Евреи в американской армии тоже почувствовали новое отношение государства, выразившееся в поведении командования. Армия США предложила военнослужащим-евреям новый взгляд на интеграцию в американское общество: экуменическую иудеохристианскую концепцию религии, которой придерживались (во всяком случае официально) армейские капелланы. Это видение объединяло католицизм, протестантизм и иудаизм в демократическую библейскую религию, исповедовавшую отцовство Б-га, братство людей, личное достоинство каждого человека и «положительные этические стандарты правоты и ошибочности», существующие помимо «воли конкретного человека»²⁵. Постепенно был выработан «Типовой регламент» (Standard Operating Procedure) — общая платформа иудеохристианского богослужения; капелланская школа при Гарвардском университете обучала еврейских, католических и протестантских капелланов универсалистской версии богослужения.

Символом новой демократической религии стала гибель в феврале 1943 года четырех капелланов: протестантов Д. Фокса и Л. Полинга, католика Д. Вашингтона и реформистского раввина А. Гуди — на борту протараненной немецкой подводной лодкой военного судна-перевозчика «Дорчестер». Капелланы успокаивали солдат на палубе уходящего под воду «Дорчестера»; отдав свои спасательные жилеты тем, у кого не оказалось собственных, они утонули вместе с кораблем. Газеты описывали это событие как победу товарищества над религиозной рознью. Посмертно все четверо были удостоены высшей американской награды за мужество²⁶.

Хотя такой взгляд на религию не избавлял от национальных и религиозных предрассудков, идея универсального иудеохристианства служила «общим знаменателем» в процессе интеграции евреев в армию. Капеллан-раввин со знаком скрижалей и магендавида в петлице мог произносить проповедь для военнослужащих-христиан. Капеллан-христианин, надев ермолку, мог вести на иврите пасхальный седер.

В фильме 1943 года «Дневник Гвадалканала» ясно видна религиозная доктрина Вооруженных сил США. В одном из эпизодов два морских пехотинца благоговейно распевают гимн «Скала спасения» во время протестантского богослужения, совершаемого католическим священником в полном облачении. Один из них говорит другому: «Здорово поешь, Сэмми!» Второй отвечает: «Еще бы, мой отец — кантор»²⁷. Д. Моргенштерн, лидер американского реформизма, заявил в 1942 году, что «у христианства и иудаизма <...> общие надежда и миссия; у них общий враг; они должны достичь общей победы или встретить общую смерть»²⁸. Командовавший во время войны союзническими войсками в Европе генерал Д. Эйзенхауэр объяснял журналистам после встречи с маршалом Г. Жуковым в 1952 году, что, в отличие от советского равенства, американское основано на иудео-христианской идее равенства людей перед Б-гом²⁹. Это равенство чувствовали и те военнослужащие-евреи, которым в 1944 году армейское религиозное руководство предложило провести службу на Йом Кипур в Аахенском соборе, и те, что видели в только что освобожденном Дахау плачущего капеллана-католика, читающего на иврите кадиш.

Инженер-подполковник бронетанковых войск А. Зарецкий вспоминает:

В один из осенних дней я поехал в штаб фронта (это был штаб 1-го Украинского фронта в Вене). Закончил все, за чем приехал, и вышел на улицу с подполковниками Левинсоном и Когелем — они руководили 2-мя из 4-х отделов управления бронетанковых войск. <...> Идем по Мейдлингу — нам навстречу двое гражданских средних лет. Подошли и по-немецки спрашивают: «Извините, простите нас, нет ли среди вас евреев?» Мы улыбнулись. Отвечаю аф идиш: «Драй идн». Они обрадовались: «Сегодня Рошешонэ, и мы вас приглашаем на праздник в синагогу. Нас специально послали поискать русских евреев-офицеров». — Мы с удовольствием пойдём, но сначала переоденемся, нельзя же прийти в синагогу с крестами (у меня один орден — чешский крест, у Левинсона два — один чешский, один польский).

— Нет, ни за что. Эти кресты — наши спасители.

— Мы их подвернем.

— Нет, пускай так будут.

...Вводят нас в небольшую синагогу, все встали и подошли к нам... Подошел раввин, представился, поблагодарил за приход:

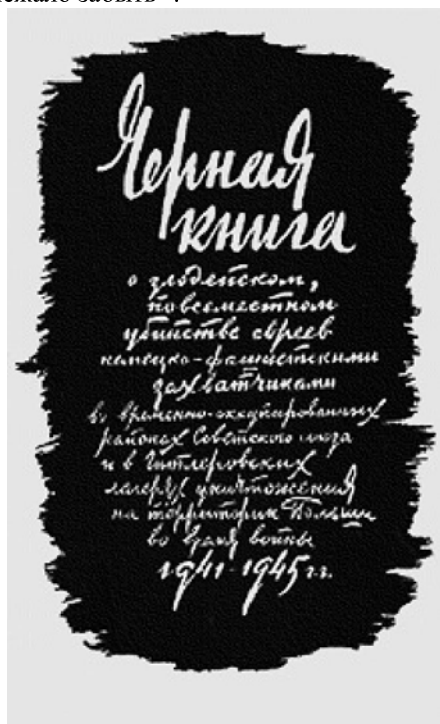
— Вы хотите присутствовать на молитве?

— Да, с удовольствием, мы уже много лет не были в синагогах, с удовольствием присоединимся. У вас есть молитвенники на идише? ³⁰

Нелегко представить себе евреев-подполковников в форме в синагоге, с сидурами в руках, до войны, особенно если вспомнить масштаб предвоенных репрессий в армии ³¹ и бдительность армейских Особых отделов ³².

Вернувшимся с фронта евреям-военным быстро стало ясно, что мученичество еврейского гражданского населения под немецкой оккупацией умалчивается в официальной военной истории. В подольском местечке Борщаговка, где были расстреляны родители военврача Р. Карп, на устроенной фашистами на территории еврейского кладбища скотобойне после освобождения так и продолжали забивать скот ³³.

Холокост и не мог стать частью официальной советской военной истории. Евреи составляли меньше 2 % населения СССР, а русские — больше 50 %, при этом число жертв среди еврейского гражданского населения — 2,6 млн человек — было выше числа русских жертв. Дело не только в стремлении руководства выстроить государственную идеологию вокруг идеи русского народа; 1,6 млн евреев были уничтожены на территориях, оккупированных СССР в 1939–1940 годах. Советская пресса держала этих евреев в неведении касательно расовой политики нацистских союзников, ничего не было сделано для их эвакуации, советская армия в панике их покинула — более четверти европейских жертв Холокоста были недавними гражданами Польши, Румынии и балтийских стран, жителями территорий, захваченных СССР по договору с правительством Гитлера. Предание гласности статистике Холокоста привлекло бы внимание к той части предвоенной истории, которую надлежало забыть ³⁴.

Γάβιγὰά όίε:όίγαι ίίέ άάίόέέ 1947 άάά

Память о геноциде не только вызывала нежелательные воспоминания. Уничтожить так быстро такое количество евреев фашистская армия, рвущаяся на восток и оставляющая минимум солдат в тылу, могла только при помощи местного населения. Массовый коллаборационизм с нацистами на Украине, где население не забыло коллективизацию и голод 1930–1932 годов; в Белоруссии, где расстреливали поляков и сажали белорусскую элиту; в аннексированной Восточной Польше и Прибалтике, где в мае 1941 года НКВД провел массовую депортацию зажиточного и просвещенного населения в Среднюю Азию, доказывал враждебность населения к советской власти. Кроме того, память о геноциде евреев порождала сомнения в «этнических чистках», ставших привычными за годы войны переселениях «народов-изменников».

Руководство СССР поддерживало проеврейские настроения во время войны, когда сочувствие заграничных евреев оборачивалось миллионами долларов военной помощи. В удостоенной в 1943 году

Сталинской премии повести Б. Горбатова «Непокоренные» Тарас Яценко, образцовый пролетарий, низко кланяется встреченному на улице доктору Фишману с шестиконечной звездой на рукаве. На вопрос доктора, кому он кланяется, Тарас отвечает: «Вам, Арон Давидович, вам и мукам вашим»³⁵. В 1942 году был создан Еврейский антифашистский комитет, начавший свою деятельность с публикации «Воззвания к евреям всего мира», и печатный орган комитета газета «Эйникайт». В 1943 году С. Михоэлс и И. Фейффер были посланы с выступлениями о Холокосте в Америку, Мексику, Великобританию и Канаду (эта поездка собрала 33 млн долларов, а также военное обмундирование, санитарные машины, продовольствие и другую помощь). Статьи И. Эренбурга об убийстве еврейского гражданского населения печатались в советских внутренних и международных изданиях. От лица ЕАК, в сотрудничестве с американскими еврейскими организациями, И. Эренбург и В. Гроссман собрали свидетельства очевидцев геноцида — «Черную книгу». Она была опубликована в 1946 году в Нью-Йорке; русский набор «Черной книги» был уничтожен в 1948-м. В обвинительном заключении по делу ЕАК (апрель 1952-го) утверждалось, что

<В «Черной книге»> евреи обособляются в отдельную, противопоставляемую другим народам категорию, преувеличивается вклад евреев в мировую цивилизацию, концентрируется внимание исключительно на жертвах, понесенных евреями во второй мировой войне, и, таким образом, протаскивается мысль, что гитлеризм представлял угрозу якобы только для евреев, а не для всех народов и мировой цивилизации»³⁶.

В областях, где было погублено 1,6 млн еврейского гражданского населения, памятники Ленина ставились на пьедесталах из еврейских надгробных камней³⁷. На обелисках на местах расстрелов вместо шестиконечной звезды устанавливали пятиконечную.

В 1944 году еще было допустимо для руководства ЕАК ходатайствовать о создании еврейской автономии в Крыму; необходимость этого мотивировалась исключительностью еврейских жертв. В сентябре 1945 года С. Михоэлс еще мог прийти на выступление в Киеве с хрустальной вазой, полной праха расстрелянных в Бабьем Яру³⁸. В 1948-м Михоэлс был убит в инспирированной автомобильной катастрофе. За этим последовал роспуск ЕАК и — в 1952 году — расстрел еврейских писателей. О Холокосте теперь полагалось забыть.

Военный летчик Л. Овсищер, навещая своих родителей в Богусевске в 1959 году, присутствовал на торжественном перезахоронении на центральной площади города останков 16 погибших воинов-освободителей (в соответствии с декретом ЦК партии о перезахоронении останков воинов-освободителей). Одновременно с торжественным митингом группа старых евреев выкапывала из земли детские черепа, чтобы перезахоронить их на кладбище; никто не обращал на них внимания. Овсищер позвонил в обком партии, чтобы узнать, почему не перезахораниваются 116 расстрелянных местных евреев, и получил ответ: «Если бы нужно было, нам бы сказали. Что вы сравниваете: это воины, а тут простые граждане».

На идише, на котором могла читать только небольшая часть оставшихся в живых, память о Холокосте продолжала существовать; надписи на памятниках на идише говорили об убитых евреях. Но из русского языка стерлось само слово «еврей» — вместо него употреблялись эвфемизмы или неловкие намеки. «У меня было три минуса, — вспоминает бывший узник Бухенвальда Э. Альперин, — был в плену, был в концлагере и 5-я графа»³⁹. «Вы ведь понимаете, кто я?» — говорил К. Ахизер начальнику отдела кадров, имея в виду свою национальность. Многие вернувшиеся с фронта евреи не смогли поступить в вузы; многих с позором выгнали с работы в период «дела врачей». Военврач Е. Фидзель, отвечавшую за эпидемиологическую службу в освобожденном Освенциме, снимают с работы в одесской больнице со словами: «Чтобы духу твоего здесь не было. Будешь идти по этой улице — переходи на другую сторону». Слово «еврей» по-прежнему звучало «правильно» в названии Еврейской автономной области, в точности так, как планировал в 1941 году министр оккупированных восточных территорий рейха.

Для евреев в американской армии все было по-другому. Они меньше страдали от посттравматического состояния, ведь война в Западной Европе была мягче, им не пришлось видеть разрушенных городов и деревень своей страны, замордованного гражданского населения. Их армейская жизнь была хорошо организована, с системой выходных и отпусков. Им не пришлось сталкиваться с лагерями уничтожения: освобожденные союзниками концлагеря были местом каторжных работ, а не фабриками смерти. К попавшим в плен относились несравненно лучше, и даже военнопленные-евреи зачастую оставались в живых.

В свете межконфессионального равенства евреи в послевоенной Америке отказывались мириться с проявлениями антисемитизма, которые они терпели до войны: с квотами на прием в университеты и медицинские школы, с наймом на работу «только христиан». В августе 1945 года Американский еврейский конгресс создал Комиссию по закону и гражданскому действию (Commission on Law and Civil Action). Целью комиссии была борьба за гражданские права — «полное равенство в свободном обществе». В результате войны евреи по-новому поняли свое место в Америке. Даже «Н» на армейском жетоне в 1955 году была заменена на «J»: слово «Jew» потеряло свои унижающие коннотации. Евреи оказались неотъемлемой частью Америки: их финансовое и экономическое влияние выросло за годы войны, иудаизм стал необходимой частью американской религии, а Холокост — частью востребованного прошлого.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

«ШЕВЧЕНКО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕРИТ В ЖИДОМАСОНСКИЙ ЗАГОВОР»

Ἰ ἐὸἀεῖ Ἰ ἔὸἀεῖ Ἰ ἔὸἀεῖ Ἰ ἔὸἀεῖ

Ἰ ἔὸἀεῖ Ἰ ἔὸἀεῖ Ἰ ἔὸἀεῖ Ἰ ἔὸἀεῖ Евгений Янович, за что вы хотите убить Максима Шевченко?

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ По моему глубокому убеждению, говорить с Шевченко — все равно что фехтовать с навозной кучей, если использовать евшушковскую метафору. Неважно, как хорошо вы фехтуете, победить вы ее не сможете, только расплещете. Поэтому я стараюсь встречаться с ним как можно реже.

Но организаторы всяких конференций и телешоу очень хотят горячих дискуссий. На июньской конференции «20 лет после СССР. Что дальше?» милый и интеллигентный Игорь Виттель настойчиво пытался заставить нас хоть как-то схлестнуться и очень расстроился, услышав, что общаться я с Шевченко не хочу. Пришлось заверить, что если эти ребята все-таки доведут страну до гражданской войны, то в Шевченко я буду стрелять в первую очередь.

На самом деле я про Шевченко почти ничего не знаю и не стремлюсь узнать больше. Человек он нервный, робкий, как трепетная лань. Как можно истерически требовать спасения от еврейского заговора

из-за обращения исполнительного вице-президента Российского еврейского конгресса Бени Брискина к Шевченковскому начальству — мне непонятно.

Но, видимо, Шевченко действительно верит в жидомасонский заговор, в грозное еврейское лобби, в захватывающий исподволь российскую власть и российские силовые ведомства Израиль. Он искренен, когда говорит, что готов отдать жизнь за идеалы палестинской революции. Правда, я не очень понимаю, почему для этого надо сидеть в Москве, — езжай в Газу, борись с врагом там. Но он честно защищает радикальных исламистов и восхищается детьми-террористами. Мы как-то были вместе на «Маяке», и там он рассказывал, как трогательна судьба некоей православной палестинской девочки, которая взорвала себя, будучи не в силах выносить проклятую израильскую оккупацию. В той же передаче, к изумлению присутствовавшей при всем этом безобразии профессора Звягельской, он сообщил, что 400 ядерных боеголовок на израильских ракетах направлены на Москву. Что тут скажешь? Я не силен в диагностике, поэтому мои рекомендации самые общие: персен, бромистые соединения, прогулки, сон на свежем воздухе. А уж определять, необходим ли стационар, должен специалист.

И. У. То есть товарищи, подписавшие «антисатановское» обращение к генеральному прокурору, могут быть спокойны — Шевченко ничего не грозит?

А. М. После нашей стычки на конференции Шевченко в интервью сообщил, что его хотят «стереть с грифельной доски жизни». Тут он может быть спокоен: мой жизненный опыт показывает, что субстанцию, которую он собой представляет, с грифельной доски стереть нельзя — она только размазывается. Но выступили московские палестинские журналисты, потребовав убрать руки прочь от Шевченко, прошла демонстрация в его поддержку в Газе, появилось обращение в газете «Завтра».

Это письмо, как орден. Не каждому человеку удастся собрать такую коллекцию автографов. Тут, конечно, не весь конклав в сборе, но, по крайней мере, наиболее яркие представители в наличии. Не дай Б-г, такие люди, как Проханов, Куняев, генералы Леонов и Ивашов, тебя когда-нибудь похвалят — надо пойти и застрелиться.

Но никто не заставляет авторов письма жить в стране, где водятся евреи. Чемодан — вокзал — далее каждый выбирает по вкусу. Могут податься в Папуа — Новую Гвинею. Правда, там ими, не исключено, пообедают, зато евреев наверняка нет. Есть еще Антарктида. У пингвинов, конечно, длинные носы, но хоть пейзажи нет — у некоторых пород, хотя у других перышки торчат очень похожие.

И. У. Что стоит за активностью Шевченко и его подельников?

А. М. Когда читаешь интервью Шевченко, понимаешь, насколько его беспокоит, что люди во власти говорят об израильском опыте в борьбе с терроризмом на Северном Кавказе. Хотя мне кажется, на самом деле его печаль в том, что такая борьба вообще ведется. Судя по тону и смыслу того, что он говорит, на Кавказ вводятся, с его точки зрения, чуть ли не оккупационные корпуса вместо того, чтобы договариваться с оппозицией (надо понимать, что оппозиция, в глазах Шевченко, — это те, кто метро в Москве взрывает). Сближение Израиля и России в сфере безопасности — это для Шевченко катастрофа.

Но это же не только его личная проблема, тут страдает целая группа. Группа эта последовательно работает на Иран и, скорее всего, Ираном финансируется — я говорю о Гейдаре Джемале и его соратниках. Иначе с чего бы Джемаль в телевизионном поединке со мной у Соловьева заговорил о Саудовской Аравии и принце Бандаре? Что, больше дискутировать с Сатановским не о чем? Не вижу иной цели, кроме как отчет перед спонсорами и кураторами.

Второе направление деятельности этой группы — глобальное исламистское, антиизраильское и антиамериканское лоббирование. И здесь уже спонсор может найтись как в Иране, так и вне его, — как получится. И эти причудливые маятникообразные прогулки между Ираном и «Аль-Каидой», суннитскими исламистами и тегеранской вертикалью власти очень характерны для тех, о ком мы говорим.

И. У. Недавние посиделки этой компании в РИА «Новости» — часть той же игры?

А. М. Да, в рамках Дней Иерусалима, которые проводятся в Тегеране по инициативе президента Ахмадинежада, в этом году в РИА «Новости» получила площадку группа во главе с иранским послом. Помимо исламистов, антисемитов, экс-посла Вениамина Попова из старого доброго проарабского

мидовского истеблишмента, там была представлена и компания, которая является то ли иранским лобби, то ли иранской резидентурой.

Такого рода мероприятия проходят в Москве четвертый год. Очень хорошо, что на сей раз посиделки прошли в РИА «Новости», — случись они где-нибудь на задворках, их не заметили бы. Гораздо лучше, когда раковая метастаза проявляется на ранней стадии, чем когда она прорастает внутри.

На этом и других примерах мы видим сращивание палестинского радикализма, отечественного антисемитизма и антиизраилизма — и Ирана. Дальше будут разбираться те, кому положено по штату. Вряд ли подобная активность Ирана на территории России вызовет у них такой уж восторг. Тем более что практически одновременно подавался иск в суд за непоставку Ирану ракет С-300 и из Тегерана раздавались громкие крики, что Россия теперь будет разорена, потому что российские компании выгонят с иранских газовых и нефтяных полей. Так что пусть изучают, куда еще эти люди прошли, в каком составе ездят по стране, к кому ездят, с кем и о чем говорят, какого рода инициативы продвигают через Государственную думу и Общественную палату.

И. Ю. Вам не кажется, что требование РЕК убрать из эфира Шевченко нарушает принцип свободы слова и равноправия мнений?

А. М. Я совершенно не считаю, что этот принцип должен в равной мере распространяться на Галилея и его инквизиторов. Если свобода слова — это предоставление черту такого же времени на рекламу котлов в аду, как Моисею на оглашение десяти заповедей, то мне это кажется маразмом. Глубоко мне симпатичный Алексей Венедиктов хочет иметь в эфире на своем радио Шевченко — это его полное право. На то и Шевченко в эфире, чтобы еврей не дремал. Но если в одну кастрюлю слить борщ, засыпать туда хлеб и котлеты, вылить чай, а сверху отлакировать содержимым помойного ведра, то, несмотря на то что большая часть ингредиентов замечательны, общий результат — помойное ведро.

При этом ни РЕК, ни кто бы то ни было еще совершенно не обязан озвучивать свою тревогу об имидже страны в письмах к руководству радио- или телеканалов. Если Венедиктов или Эрнст не видят, кого они приглашают у себя выступать, то это не еврейская проблема и не проблема Израиля. Опыт показывает, что в современной России такие люди вечно свое влияние в эфире не сохраняют...

Я не думаю, что РЕК вообще должен был заниматься Шевченко. Но это уже уровень действующего руководства организации: уровень интеллекта или его отсутствия, активности или ее имитации. Что поделаться: в разных структурах в разное время бывают разные президенты. В Америке сейчас вообще Обама, чем Брискин лучше?

И. Ю. Августовские теракты в Эйлате и окрестностях были прекрасно организованы и походили скорее на войсковую диверсионную операцию. Что это — новая тактика террористов или промах израильских спецслужб?

А. М. Это результат деятельности Шарона, Барака, Ольмерта и Ливни. Если бы Шарон не вывел поселенцев и войска из Газы, если бы Барак добил «Хамас» в операции «Литой свинец», а не остановился на пороге победы, заставив Ольмерта и Ливни капитулировать, этого бы не случилось. Этого не случилось бы, если бы была достроена защитная стена и вдоль нее, как того требуют израильские спецслужбы, были пущены усиленные патрули вместо игр с перекалыванием ответственности за безопасность собственной страны на Египет.

И. Ю. То есть на зачистку Синай египтянами от террористов рассчитывать не приходится?

А. М. Чего ради? Египет выпустил террористов из тюрем, а теперь будет бросать жизни своих солдат в топку борьбы за безопасность израильских граждан? Египетская армия исламизируется, египетское руководство сочувствует «Хамас» и Ирану, «Братья-мусульмане» намерены взять не менее половины мест на парламентских выборах, несколько месяцев назад в стране зарегистрирована Нацистская партия.

Надо сохранять Синай как демилитаризованную зону, строить укрепрайоны, вводить войска на границу. Пятьдесят лет назад Израиль умел бороться с базирующимися на Синае феодалами. После Шестидневной войны феодалов не стало. Но за последние шесть лет удалось похоронить результаты побед 1967 и 1973 годов, а также Кемп-Дэвидского договора.

К сожалению, блестящие полководцы и гениальные десантники, люди, умеющие проводить контртеррористические операции и работать в тылу врага, являются никакими политиками, нулевыми стратегами, да, как выясняется, и тактиками тоже. Я мог бы поверить, что Шарон знал, что делает, если бы я не беседовал с ним после того, как он объявил в Герцлии, что согласен на план Буша. «Подумаешь, Буш, — говорил он, — видели мы этих Бушей. Подумаешь, Газа — я ее брал столько раз, возьму еще разок». Точно так же Барак в дни, когда он выводил армию из Ливана, рассказывал мне, что если хоть один выстрел в сторону Израиля раздастся с ливанской стороны, то он потом такое сделает с этими людьми...

Дело не в армии и не в спецслужбах, дело в непрофессионализме руководства. Как говорит в таких случаях блестящий знаток израильского истеблишмента Яков Кедми, если вы умеете играть только в дурака — не садитесь играть ни в преферанс, ни в покер. Правда, после всего происходящего я не уверен, что израильское руководство умеет играть даже в дурака.

Беда в том, что Нетаньяху сидит на заборе и никак не решается слезть ни вправо, ни влево, отговариваясь тем, что надо воевать с Ираном и поэтому нельзя зачистить Газу и покончить с Рамаллой — гораздо более опасной в перспективе для Израиля, чем Иран. О чем говорить, если Шимон Перес продолжает строить палестинское государство. Если его, а не Либермана пошлют на голосование в ООН в сентябре — это будет еще одним провалом Израиля, худшим, чем провал под Эйлатом. Пересу пора домой — заниматься внуками, пионерами, растениями и мелкими домашними животными.

И. У. Но Перес — признанный миротворец, нобелевский лауреат. Он, в отличие от одиозного Либермана, может склонить на сторону Израиля колеблющееся «болото».

А. М. Эта игра уже проиграна. Но Либерман по крайней мере может нарисовать реальную ситуацию. А она такова: в ООН палестинцы добьются всего, чего хотят. Но Израиль либо и впредь будет представлять собой аморфную структуру, которую все будут гнуть и ломать, либо скажет: это красная линия, Осло кончился. Вы нарушили конвенцию, у вас не будет больше наших денег, нашей поддержки в сфере безопасности, наших рабочих мест. Только обратный билет: в Тунис так в Тунис, не в Тунис — ну так купите себе за свои, честно наворованные, куда хотите.

И. У. Теракты в Эйлате связаны с предстоящим голосованием? Не пытается ли палестинское руководство спровоцировать Израиль на ответ и разжалобить мировое сообщество?

А. М. Это красивая формула для того, чтобы ничего не делать с Газой: «Они нас провоцируют, но мы не поддадимся». Боюсь, все гораздо хуже. Если сейчас зачищать Газу — ее надо зачищать всерьез, брать под контроль и сам сектор, и Филадельфийский коридор. И тогда встает вопрос: а зачем оттуда уходили? Всего лишь шесть лет назад там не было ракет, не было терактов, не было тоннелей и контрабанды в том масштабе, как сейчас. То есть возникает перспектива судебных исков против инициаторов ухода из Газы. А ворон ворону глаз не выклюет.

И. У. Возвращаясь к разговору о Египте: жуткое нападение на российскую туристку в Хургаде — это случайный разбой или начало кампании террора против туристов, «нарушающих нормы исламской морали»?

А. М. Да не будет скоро в египетских отелях ни алкоголя, ни бикини. Вы ж не ездите загорать в Саудовскую Аравию — а там тоже хорошие пляжи.

И. У. Ну, ездят же люди в Объединенные Арабские Эмираты, что меня, впрочем, всегда удивляло...

А. М. В заповедники для туристов, обнесенные загородками. А прогуляйтесь-ка по Шардже в купальнике и с баночкой алкоголя или по улицам Катара...

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

БИБИ, ПОГОВОРИ С НАРОДОМ!

Ái eòðeé Ĭ adiyneñ

Ñ ñáááéíú eþëý á Èðáééá Ĭá Ĭðáéðáúáðòñý Ĭ eòéíáé è ááí Ĭñððáðeé Ĭðòáñòá — áááá èé Ĭá ñáí úá Ĭ áññááá è Ĭðááéæeðáéñú úá çá áñþ eñòíðeþ áññááðñòáá. Áá-áðñ Ĭ Ĭ ĬéĬĬ-áíeé Ĭáðáé ññááíòú ñáíòýáðý Ĭá ĬéĬúááé eððáééññeéð áðñááá áñeé ĬĬ-òé ĬĬéĬééĬá :áéĬáé — áññú á çĬá-eðáéññáý ðeððá áéý Ĭáíáá :áí áññú eí eéééĬĬéé ñòðáíú. Áñeé Ĭáðááá ĬeðéĬáþúeá áĬçí ðááeéññí áññáá eéðñí ðáçeéĬ ĬĬáíðáæáíeáí ðáíðñá, ðí áñeíðá Ĭññáíúñ ððááááíeáí «ĬðòáñòáíòĬá» ñòáéĬ ññeááíeá úáí Ĭá æeéúá Ĭá ĬáíeéĬññí ðáçñí ááòñý; ááç áíòéĬðáéðáéññòáííúð eĬçñíáá è eðáñúð ðeááá Ááæeðeéé è æððáééññú Ĭá-áeé ññááééáòññ ñeðááeþ ñ ðááteþòeýñí è á ðáíeñá è Ááeíòá è áñeíáteýñí è á ÈĬááĬá ĬðéĬñíáíòeðñááòññ Ĭðeññíáýñúáá Ĭú ĬĬíðñeéé ñòáðeááá Ĭáò-ĬĬáá ñòððááíeéá ÈĬñðeðóóá áññòñeñáááíeý ðÁĬ, ññááeééññòá ĬĬ eððáééññeéé ýeĬĬĬí ĬééáÁí eòðeý Ĭ adiyneñ.

Ó çááí eý áðñááeññáá ññááòá á ðáéññ-Ááéáá eððáééññòýĬá áññááæáðò áĬçí ðááíeá eç-çá ññ Ĭññá ĬáæáòĬ-ĬĬáá eááññý; eĬòíðñe áñeé áñòáí Ĭáéáí á çĬáé Ĭðòáñòá Ĭðòeá áññááæçíú æeçĬé.

7 ñáí òýáðý 2011 áñáá

В первую очередь массовое недовольство спровоцировала дороговизна жилья. С мая 2007 года по апрель 2011-го цены на жилье выросли, по разным оценкам, на 60–63%. А если растут цены, то растет, разумеется, и стоимость аренды. Причин этому несколько. Можно говорить о панике вследствие американского кризиса. Кроме того, жилье в Израиле часто воспринималось как ликвидный актив — налоги на недвижимость невысоки, ипотечный кредит получить довольно легко, поэтому многие рассматривали покупку вторых и третьих домов и квартир просто как выгодное вложение. При этом в проигрыше

оказались молодые семьи, которые не могли ни купить жилье из-за высоких цен, ни получить кредит из-за небольших доходов.

Еще один момент: на фоне активного строительства престижного жилья темпы строительства социального жилья в последнее время снизились. Это связано как с уменьшением алии, так и с тем, что на элитное жилье велик спрос среди иностранных евреев, которые используют купленные в Израиле дома как своего рода дачи, куда приезжают на праздники или на лето. Кроме того, это следствие экономических реформ, проведенных Нетаньяху еще в 2003–2004 годах. В целом они были очень успешными, израильская экономика преодолела кризис, но многие социально ориентированные программы оказались свернуты.

Ситуация отягчается тем, что во власти нет единого мнения по поводу происходящего. Скажем, Банк Израиля считает, что цены на жилье растут, а Министерство финансов уверяет, что уже наметился спад. Банк Израиля в мае принял ряд мер, призванных сбить ажиотажный спрос на недвижимость, например, резко увеличиваются пошлины для покупающих недвижимость с целью инвестиций, усложняется получение ипотечной ссуды. Но пока эти меры еще не дали эффекта, прошел слишком маленький срок. Люди считают, что ими не занимаются, — и выходят на улицы.

Влияет на ситуацию и тот факт, что земля в Израиле государственная, поэтому строительный рынок очень бюрократизирован и коррумпирован, на него трудно войти. Правда, Нетаньяху еще год назад провел закон о реформировании Управления земель Израиля и о приватизации части государственных земель. То есть какие-то шаги по либерализации рынка земли правительством предпринимаются, хотя приходится преодолевать сильное сопротивление: левые в принципе против приватизации, а правые боятся, что все земли скупят арабы.

Второй повод для массового недовольства — это детские сады. Они дорогие, их довольно немного, да и качество оставляет желать. Многие детские сады, скажем, закрываются в два-три часа дня, так что непонятно, какой от них прок родителям, работающим часов до шести, если не позже. Я думаю, причина в том, что в какой-то момент все, что касается детских садов, было просто пущено на самотек. Система школьного образования прописана, среднего специального и высшего — тоже, а с детскими садами так исторически сложилось, что это как бы считается личным делом родителей. Это ведь очень неприбыльный сегмент, ни государству, ни бизнесу не хочется туда вкладывать. Но это проблема старая, она обсуждается лет 20 точно, а сейчас просто обострилась.

У многих возникает вопрос: как вообще получилось, что в такой развитой экономике, как израильская, после всех разговоров об «израильском экономическом чуде», вдруг возникло столько точек провала, причем по всем ключевым направлениям: врачи бастуют, образование, жилье, творог, бензин? Дело, на мой взгляд, в том, что Нетаньяху всегда мало внимания уделял социальным вопросам. Он настроен на либеральные реформы, получал за это бонусы от международного сообщества, его ставили вровень с Рейганом — семь-восемь лет назад Израиль был мировым лидером по количеству одновременно идущих реформ. Но про социальное измерение он часто забывал. Не исключено, что политическое воспитание Нетаньяху не позволяет ему поворачивать голову влево — Жаботинский ведь в экономике был либералом.

Вспомним, в 2003–2004 годах, когда Нетаньяху был министром финансов в правительстве Шарона, тоже шли постоянные забастовки то мусорщиков, то социальных служащих, то портовых рабочих, протестовавших против приватизации портов. Но Нетаньяху удавалось перебарывать их и доводить реформы до конца. И видимо, ему казалось, что так будет и на сей раз.

Но это недооценка ситуации: социальное неравенство растет, верхние и нижние 10% все дальше расходятся, и это в стране, привыкшей жить в более или менее равном обществе. Начинают сказываться негативные последствия приватизации 1990-х. Она прошла в целом удачно, но в результате в Израиле сформировалась олигархия — в настоящем значении слова, а не так, как его, с легкой руки Немцова, употребляют у нас. Израильская экономика очень маленькая, и ей, по сути, стали рулить несколько семейных кланов. Конечно, это лучше того, что было раньше: государственно-бюрократическое управление экономикой всегда неэффективно по определению. Но в итоге, скажем, молочный рынок практически полностью поделен между двумя компаниями: «Тнува» (это осколок бывшей государственной монополии) и «Штраус». Кнессет провел срочное расследование — оказалось, что по некоторым позициям им принадлежит от 82 до 99% рынка. Более того, выяснилось, что их отчетность не соответствует нормам.

В Израиле фактически нельзя купить импортные молочные товары. Это, в общем-то, нормальная ситуация, почти во всех странах мира молочке требуется господдержка. И до поры до времени это никого особенно не волновало — качество израильской продукции высокое, а ассортимент достаточно

велик. Но отсутствие конкуренции привело к росту цен и непрозрачности ценообразования. Цены на продукты питания с 2005 по 2010 год выросли в Израиле в реальном выражении на 12,7%, а в Евросоюзе лишь на 1,1%. А йогурт, скажем, за этот период подорожал на 46,2%! Поэтому сейчас Нетаньяху быстро подготовил законопроект о допуске на рынок импортной молочной продукции.

Жаль, конечно, что он спохватился только после того, как дело дошло до уличных протестов. Но борьба за демонополизацию молочного рынка точно не входила в число приоритетов израильских правительств последнего десятилетия. С молочным лобби проблем не оберешься, его предпочитали не трогать, просто чтобы оно не давало сдачи. В Израиле, скажем, уже много лет пытаются приватизировать государственную электрическую корпорацию, и все никак не получается, постоянно идет драка. То же и в водоснабжении. На этом фоне связываться еще и с молочкой никто не хотел.

Почему рвануло именно сейчас? Одно наложилось на другое, не удалось вовремя купировать рост цен на жилье, и в какой-то момент люди увидели, что жизнь резко дорожает, и поняли, что не готовы с этим мириться. Это кризис не экономический, это кризис народного терпения. Общественным мнением слишком долго пренебрегали — и вот результат. У меня вообще есть ощущение, что эти акции протеста вызваны в первую очередь раздражением людей от того, что с ними не общаются и считают за идиотов. У Нетаньяху крепкая коалиция, хорошие макроэкономические показатели, рост ВВП на 4–4,8% в год, инфляция чуть выше 3%, плюс еще обнаружили газ, в мае 2010-го страну приняли в Организацию экономического сотрудничества и развития... Биби казалось, что народ может и подождать...

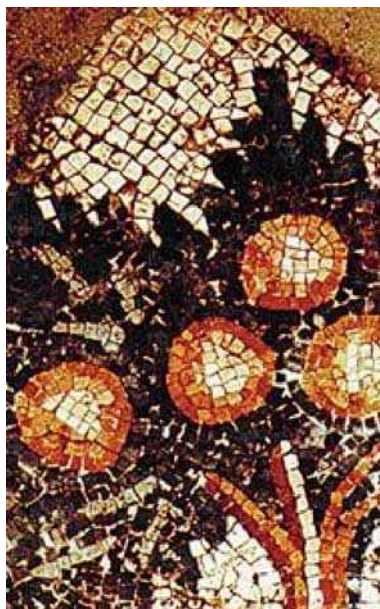
Надо повышать зарплаты, выделять больше средств на строительство социального жилья, а главное — стараться понятным языком объяснять населению свои действия. Управляющий Банком Израиля Стэнли Фишер может быть одним из самых выдающихся экономистов современности, но он говорит на профессиональном языке, непонятном большинству населения. Надо учиться говорить с людьми.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

ЧЕРЕПАХА ДАНТЕ

Александр Иличевский

Один из светлых опытов юности в понимании: для счастья нужно мало; другое дело — природа этого «мало» непредсказуема, как откровение. Теперь, когда жизнь на середине и «хоть в дату втыкай циркуль», — можно с уверенностью утверждать, что самым счастливым был первый месяц моего двадцатилетия, проведенный в сторожевом шалаше на окраине Реховота, где я присматривал за созревающими апельсинами. Пардес мой — апельсиновая роща — занимал два десятка гектаров на склоне холма, подпиравшего город с востока. С вершины, где стояла обрушенная ферма, выстроенная в 1920-х годах, открывался вид на лиловые волны садов: они перекачивали через горизонт, увлекая в прозрачность взор и оставляя меня надолго в состоянии таинственного счастья.

Попал я в сторожа замечательным образом. На пляже Нес-Циона, где главным развлечением было вскарабкаться на громоздившийся на мели ржавый танкер с прекрасным граффити «Moby Dick» на корме, я познакомился с крепким парнем, уже лысым в его двадцать пять, с крепкой шеей и толстой золотой цепью на ней. Мы оба почти одновременно забралась на «Мобу», и тут Павлу стало ясно, что спуститься обратно он не сумеет. Пришлось убеждать его, что прыгнуть, зажмурившись, «солдатиком» в море — лучший способ выйти из положения. Родом он был из Риги, где уже преуспел в коммерции. Совершив алию, он рассчитывал развить успех. В тот же вечер в рыбном ресторанчике Павел поведал о своем плане. В Риге у

него есть знакомый заведующий птицефабрикой. Главное для птицефабрики — непрерывные поставки несушек. Яйца, из которых вылупляются именно несушки, а не холостые куры или петухи, — особенный стратегический товар. План состоял в том, чтобы отправиться по специализированным кибуцам и договориться о цене на золотые яйца. Мешало Павлу то, что он не знал никакого иного языка, кроме русского. Но я ему был нужен не столько как толмач, сколько ради солидности: ибо я знал только английский и вид у меня тогда был довольно сублильный, как раз годившийся для ученого секретаря.

Однако израильские птицеводы оказались не лыком шиты: подходящей закупочной цены нам получить не удалось, и скоро Павел переключился на иной бизнес. Мы стали ездить по модельным агентствам Тель-Авива, и я переводил низкорослым волосатым мужичкам, что Павел хотел бы спонсировать приезд итальянских моделей — оплатить проживание в отеле в течение недели, съемки и работу агентства по организации показов и фотосессий. Взамен Павел требовал долю в рекламных контрактах. Сутенеристые мужички — из тех, что способны пожрать женщину глазами дотла в любое время суток и в любой период своей жизни, — не очень понимали, чего именно Павел хочет, но ситуация, в которой им кто-то предлагает деньги, завораживала их. В ответ на наши propositions они просили просто передать им наличные, «а там как-нибудь сочтемся».

После двух этих фиаско Павел решил со мной расплатиться и сделал это следующим образом. В один из осенних дней я обнаружил себя с Павлом в парке Вейцмановского института. Мы шли на встречу с его двоюродным братом, который работал в Лаборатории Солнца — занимался важной для Израиля темой: добычей энергии из солнечных лучей. Заблудиться мы не могли, потому что держали путь на сгусток солнечного света — такой объемный солнечный зайчик размером с автомобиль, который был сформирован гигантским гиперболоидом, собранным из огромных зеркал. Сгусток света в небе выглядел фантастически, и мне показалось, что скоро должно произойти что-то необыкновенное.

Брат Павла вот-вот должен был жениться. Он договорился со своим научным руководителем об отпуске, но на подработке заменить его было некому. (Ради свободных денег он дежурил по ночам сторожем на апельсиновой плантации.) Павел вызвался подыскать ему сменщика, и выбор пал на меня, потому что других лопухов в его окружении не было. Но жизнь в пардесе явно обещала быть лучше, чем поиски золотых яиц и гипотетическая реклама шампуня, и через неделю я с десятком книг и тетрадей переехал в апельсиновый сад.

Мне не забыть те десять дней, которые я провел под сенью густых крон, полных глянцевиных листьев и света плодов. Сторожить урожай было почти не от кого, так что у меня и старой лохматой собаки Лизы свободного времени было предостаточно. Утром я обходил свои владения, после кормил собаку овсянкой и шел в кафе завтракать. Вечером я снова обходил свою плантацию, замечая, как насыщается цвет апельсинов на закате. Я поднимался на склон холма к обрушенной усадьбе и садился на камень наблюдать за дроздами. Я был очарован этими пронзительно орущими птицами. Иссиня-черное оперенье, ярко-желтый клюв и необыкновенная подвижность, с какой они перелетали понизу от куста к кусту, ссорились, мирились, общались, кормились, обучали летать птенцов, слабых и бесплодных, — все это производило впечатление театра. Дрозды привыкли ко мне и совершенно не стеснялись, пока я поглядывал на симфонический закат или читал на гаснущих страницах Шестова, Бубера, Блаженного Августина, «К Урании», учил итальянский язык странным способом: по параллельному переводу «Божественной комедии» (написанной на староритальянском, но тогда для меня это не имело никакого значения). Хаотичность поведения младенца — лучший способ познать мир. И потому столь эффективно не оформленное ни одной из методологий изучение иностранного языка. Правда, этот способ не без минусов. В результате моего более позднего штурма английского с помощью составления четырех сотен страниц подстрочника эпической поэмы Дерека Уолкотта «Омерос» я заговорил на очень странном языке с обилием фигур карибского диалекта.

Тогда на окраине Реховота, погруженный в пардес, среди прочего я читал «Дар» Набокова. Этот роман — единственная у меня любимая книга этого писателя; благодаря «Дару» я еще долго отождествлял Кончеева с Ходасевичем. В один из вечеров со снующими под ногами дроздами прочел я у Набокова следующее: «За ярко раскрашенными насосами, на бензинопое пело радио, а над крышей его павильона выделялись на голубизне неба желтые буквы стойком — название автомобильной фирмы, — причем на второй букве, на “А” (а жаль, что не на первой, на “Д”, — получилась бы заставка) сидел живой дрозд, черный, с желтым — из экономии — клювом, и пел громче, чем радио».

В юности подобные совпадения не казались чем-то чрезвычайным, поскольку становящемуся еще сознанию трудно отличить действительность от внутреннего мира. Детское сознание мифическое, в нем каждый объект обладает именем собственным, и изгнание из рая детства как раз и связано с тем, что познание разрушает целостность внешнего и внутреннего, награждает сознание проклятием: отныне

различать знак и означаемое... И вот этот дрозд — певческий талисман английской поэзии, восседавший на бензоколонке, когда Годунов-Чердынцев нагим вышагивал по Берлину, потом обнаружился в орнитологическом справочнике: «В странах Западной Европы черный дрозд в городах ведет оседлый образ жизни и иногда гнездится зимой. Так, в январе 1965 года одно гнездо черного дрозда с птенцами было найдено на неоновой вывеске большого магазина в Берлине»...

А еще в моей роще обитала средиземноморская черепаха размером с саквояж. Впервые я обнаружил ее по звуку: она сонно чавкала апельсинами-паданками. Медленность черепахи меня завораживала, она казалась похожей на меня — абсолютно счастливым существом, застывающим понемногу в райском янтаре пардеса, полного закатов и восходов... Я прозвал черепаху Дантом и однажды не стерпел и каллиграфически выцарапал перочинным ножом на ее панцире:

Nel mezzo del cammin di nostra vita

mi ritrovai per una selva oscura,

ché la dritta via era smarrita.

...Двадцать лет спустя я оказался в тех же краях. Я не собирался снова ступить в ту же реку, но не смог удержаться от того, чтобы не пройти на тот холм, на вершине которого мной были просмотрены полтора десятка лучших в мире закатов.

Стояла весна, и дрозды были особенно активны — оглушительно кипели в траве и кустарнике. Данта искать не пришлось — я сам об него споткнулся в траве. Первая терцина «Божественной комедии» расплзлась по укрупнившемуся и потрескавшемуся панцирю. Зато на северо-восточной четверти его полусферы еще читалась надпись:

Àðààèèñéíá ì àñèáí, èðí.òááí,

Ñááò ðàçì ìéí ò ùò á èó: ñéí ðí ñò áé —

È ñáéí è èíñíí è ìíáí.òááí è

Ñááò ñò ì èò ì á ñáò: àò éá ì ì áé.

У меня нет причин удивляться ни оседлости этой черепахи, ни тому, что кто-то надписал на ней строки Мандельштама в ответ на «Nel mezzo...». Удивление в данном случае было бы проявлением невежества. Важно иное. Когда-то я прочитал в трудах Юрия Михайловича Лотмана, что логосу свойственно самовозрастание; что текст подобен живому существу, преодолевающему вечность. Я не сомневался ни на секунду в справедливости этих положений, и с тех пор стало только немного понятней, с помощью какой, например, движущей силы вечность эта может преодолеваться.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

МОЛЧАНИЕ, ИЗГНАНИЕ, ХИТРОУМИЕ

Ī ēāā P dīāā

Ā Āēāāēūāāāā 26 ĩēōyāōy 2010 āāā ĩā ōāāū ĩēēē āōō:āīēy ĩōāī ēē Ūēēūāū Āīī ēī çā ēēōāāōōōō ā ēçāāīēē ēāōōāōōīī – æēāāūēī ā Āāāī āīēē ĩāōāāōōāāēēī ĩēāōāēāī ē ĩīōōīyīīūī āāōīōīī ĩāōāāā āōōīāēā Ī ēāāī P dīāāīī – āūēī ĩōī:ēōāīī «ōāāū ĩēēēūū ĩā ĩēīāā», ēīōīōīā ĩ ū ĩōāēāāāāī āīēī āīēp +ēōāōāēy ā āāōīōīēīī ĩāāāīāā ū ĩāī āōēīāā.

Ī ēāā P dīāā

Ī ĀĀĪĪ ĀŌDÈÈ È ĀDÈŌĪ ĀŌÈÈĀ ÈÇĀĪ ĀĪ ÈB

You have asked me what I would do and what I would not do. I will tell you what I will do and what I will not do. I will not serve that in which I no longer believe, whether it call itself my home, my fatherland or my church: and I will try to express myself in some mode of life or art as freely as I can, and as wholly as I can, using for my defence the only arms I allow myself to use... silence, exile, and cunning

James Joyce, in A Portrait of the Artist as a Young Man^[1]

Вследствие исторической катастрофы, из-за того, что Тит, император римский, разрушил Иерусалим и народ Израиля был изгнан из его Страны, я родился в одном из городов изгнания. Но повседневно и постоянно я воспринимал себя родившимся в Иерусалиме», — сказал в 1966 году в городе Стокгольме Шмуэль-Йосеф Чачекс, лучше известный как первый (и пока последний) ивритский лауреат Нобелевской премии по литературе Шмуэль-Йосеф Агнон, действительно рожденный в галицийском местечке Бучач (зато умерший в Иерусалиме!). Мы видим, что в изгнании можно оказаться не только по собственному, личному решению или по собственной, личной причине: в изгнании можно просто-напросто родиться — вследствие, например, исторической катастрофы, произошедшей за 2 тыс. лет до твоего появления на свет. И не только, если ты родился евреем, — существуют и другие народы, разбросанные по свету историческими катастрофами. Но если ты все-таки родился евреем (при этом не в Земле Израиля), ты оказываешься в состоянии изгнания как бы уже автоматически.

Что касается меня, то это как раз мой случай: я и еврей, и рожден в изгнании, в самом прекрасном из всех городов изгнания, в одном из прекраснейших городов мира. Когда безлюдными, жемчужно-светящимися, светло-темными майскими или июньскими вечерами этот город со всеми его золотыми шпилями, желтыми, голубыми и альми дворцами и черно-зелеными мостами начинает казаться приподнятым над мягко сияющей рекой, он и сам ощущается немного изгнанником — изгнанником в небеса. Нужно сказать: я родился в Петербурге. По сути, и в этом виноваты древние римляне.

Здесь, в этом городе, 30 января 1970 года я сделался поэтом. В это утверждение я не вкладываю ничего особо возвышенного: просто в один — в этот! — прекрасный день у меня сочинилось самое первое стихотворение — о печальной судьбе серого козлика, съеденного, как известно, злым и тоже серым волком. Это стихотворение, во всей своей одиннадцатилетней серьезности, я не преминул датировать. Текст (что успокаивает) не сохранился, но дата застряла в памяти и, на манер слегка комического призрака, кочует по моим биографиям.

Но что же, применительно к нашей теме, означает, что 30 января 1970 года в Ленинграде еврейский мальчик одиннадцати лет сделался русским стихотворцем? Видит Б-г (и знает всякий, кто хоть немножко со мной и с моими сочинениями знаком), я совершенно не склонен злоупотреблять цитатами, но когда произносится это слово, изгнание, в мозгу у меня немедленно просыпается кто-нибудь из бесценных коллег. И объявляет о желании высказаться. И не каждый раз я могу не подпустить его к микрофону — столько лет мы вместе прожили в этом мозгу, что у съемщиков появились права! Вот что, например, услышав слова Агнона, говорит русская поэтесса Марина Цветаева (почти двадцать лет провела в пражском и парижском изгнании, а потом вернулась на родину, которая оказалась чужее любой заграницы). «В сем христианнейшем из миров поэты — жида». Да, слышали тысячу раз, но вдумывались ли в достаточной мере? Если ты еврей и к тому же еще поэт, не означает ли это, что ты, так сказать, «двойной еврей» (но ни в коем случае не «двойной поэт», так это не функционирует!). А если ты двойной еврей, то, значит, живешь в двойном изгнании? Или нет все же?

К сказанному стоит прибавить вот еще что. Я вырос в обществе, которое (по причинам, которые мне и сейчас не вполне ясны) довольно рано стал воспринимать как совершенно чужое. Это не были «политические» или, не дай Б-г, «эстетические» расхождения с господствующей идеологией и режимом. Иметь с «ними» политические или эстетические расхождения было для меня совершенно невозможной вещью, это означало бы признать «их» существующими на одном с собой уровне существования — а этого я не мог себе позволить, хотя бы из чувства самосохранения. Вся советская реальность была для меня нереальной — мутной пленкой, покрывающей мой прекрасный город и мою прекрасную литературу. Или, слегка переформулируя нашего дорогого Агнона:

*Αἰεταῖοι αἱ εἰσὶ τοῦ ἀνθρώπου ἰσοδυναμοῦντες ἀστέροισι ἐ ἀστέρων ἰσότητι
Νῆαοι τῆς Νῆρα, ὃ ἀστέρι ἂ ἰσότητι ἂ ἰσότητι ἂ ἰσότητι ἂ ἰσότητι ἂ ἰσότητι ἂ ἰσότητι ἂ ἰσότητι
ὁ ἀστέρι ἂ ἰσότητι*

Таких, как я, было, естественно, совсем немного по сравнению с бравыми советскими гражданами, воспринимавшими мир, где они родились, в качестве естественной нормы и в принципе не подвергавшими его сомнению. Как и везде, собственно. Но если ты живешь в небольшой стране или небольшом городе, в каком-нибудь, например галицийском, местечке, ты оказываешься довольно-таки одинок среди «бравых граждан». За компанию с парой друзей, если повезет. Но Россия — очень большая страна, и Петербург — очень большой город, в абсолютном выражении даже ничтожный процент — это довольно много людей. Тысячи! И я был знаком со многими из этих тысяч, я разговаривал с ними, я пил с ними сладковатый, густой и ядовитый псевдопортвейн, дешевое химическое вино, каким одурманивали себя простые люди в вечной советской ночи, что была прежде всего томительно скучна, а потом уже все

остальное. Я читал им стихи (уже не про козлика) и слушал то, что они читали мне. Были годы, когда неделя за неделей, месяц за месяцем шесть раз в неделю я ходил куда-нибудь, где читались, слушались и обсуждались стихи, где передавались и копировались книги, которых не напечатало бы ни одно советское издательство, где мы верили, что мы — свободные рыбки, сбжавшие из аквариума. Это нельзя было назвать «параллельным обществом» — скорее это можно было назвать «параллельной реальностью». Да это и было параллельной реальностью, по крайней мере, для меня — для таких, как я. Другими словами, мы, такие, как мы, жили тогда, в 70–80-х годах прошлого века в смутном, рыхлом, постепенно расплывающемся по всем швам советском обществе в своего рода «внутренней эмиграции» — т. е. во «внутреннем изгнании». Которое было моим третьим изгнанием — и оно сказало на мне, быть может, больше двух первых.

Думаю, уход в изгнание, жизнь в изгнании — базовый поэтический и человеческий опыт нашего времени. Если взглянуть, почти каждый человек в сегодняшнем мире находится в того или иного рода изгнании. Поэтому существует необходимость постоянного уточнения странной геометрии и арифметики этого понятия. Не является ли, кстати, литература, всякая литература вообще, одним из видов изгнания — в иные времена для читателя, почти всегда для автора? Вопрос лишь в том: готовы ли мы согласиться с этим утверждением, готовы ли мы согласиться с этим состоянием? Или даже полюбить его?

Готовы немногие. Такие, как, например, «художник в юности» Джеймс Джойс, наш небесный покровитель с паршивыми манерами, совершенно сознательно выбравший «изгнание» как часть своей знаменитой триады, вместе с «молчанием» и «хитроумием», в качестве необходимой предпосылки для жизни поэта. И, со свойственной ему немилосердной последовательностью, что так тяжело отдавалась и на его собственной жизни и на жизни его близких, двинулся, выполняя свою программу, на поиски подходящего изгнания — покинул Дублин, покинул Ирландию. Даже Лондон, естественное прибежище ирландских литературных эмигрантов, оказался для него чересчур домашним, английский язык англичан был пусть и неловок и немелодичен в достаточной степени, но все же... чересчур понятен. Вероятно, он полагал, что вокруг поэта должны все время звучать чужие языки, чтобы и собственный язык показался ему однажды чужим. Потому что только найденное тобою расстояние от родного языка превращает тебя в настоящего поэта. Это был решительный разрыв с укорененной в европейском сознании с начала XIX века, со времен немецкого романтизма, метафизикой «родной речи», этой соединяющей в себе кровь и почву трансцендентной инстанции, доступной только истинным сынам нации, — разрыв, произведенный XX веком посреди и вследствие неизмеримых человеческих страданий и неисчислимых исторических катастроф. Вот что писал в 1959 году, в год моего рождения, Элиас Канетти, родившийся в семье болгарских сефардов, ходивший в школу во Франкфурте, начавший печататься в Вене, спасшийся в конце 1930-х годов в Лондон, где прожил много десятилетий, пока не перебрался в Цюрих, в свой последний, как и у Джойса, город изгнания: «Я чувствую себя дома, когда, с карандашом в руке, записываю немецкие слова, а все вокруг меня говорит по-английски».

Так далеко я не заходил, когда переселялся из моего тройного изгнания в «одинарное». Я воспринимал тогда слова «изгнание», «эмиграция» — как и большинство из нас — как скорее негативно окрашенные. Обозначающие некоторое состояние, которое должно быть преодолено, превращено в «правильное» состояние «неизгнания». Я думал, что одно настоящее, т. е. связанное с физической переменой места изгнание окажется меньшим изгнанием, чем три воображаемых. Это предположение оказалось ложным: в арифметике изгнания единица равна трем. Или даже больше того. Более или менее.

В этих (или подобных) рассуждениях и ощущениях прошли первые десять или двенадцать лет за границей. Я учился понимать и любить язык изгнания, я учился понимать и любить людей изгнания, я постепенно обустривался в изгнании «по-домашнему». И как-то все это так удачно складывалось, что я и позабыл почти, что живу в изгнании. Как минимум, я никогда не чувствовал себя «эмигрантским писателем» — я чувствовал себя просто писателем, по тем или иным причинам живущим за границей и пишущим на своем старом, а иногда и на своем новом языке. Ну, примерно как Джойс в Триесте или Канетти в Лондоне. Некоторое время это казалось самой естественной вещью на свете, в этом new brave world 1990-х годов, когда наконец открылись все границы, когда стало казаться, что изобретенная тайным советником фон Гете Weltliteratur, «мировая литература», может наконец-то весь мир назвать своей родиной. Или местом своего изгнания. Даже в России, традиционно не без мистической дрожи относящейся к пересечению любых границ, начала, казалось, сходиться на нет эта бессмысленная сакрализация местожительства. Было ощущение, что я — и само собой разумеется, не только я, но и несчетно многие пишущие по-русски писатели, живущие в той или иной загранице (кое-кто из них, в бывших союзных республиках, оказался за границей без того, чтобы сделать хотя бы один шаг из дому), — рассматриваюсь не как «эмигрантский писатель», а просто как писатель, что мои сочинения оцениваются по их качеству, а не по моему местожительству. У меня выходили книги, они читались, рецензировались, обсуждались, было ощущение, что в России в этом смысле наконец-то установилась определенная нормальность. Пока эта

нормальность, примерно с середины нулевых годов, не начала пробуксовывать и все громче стали слышны новые, точнее, старые песни:

«Представители третьей (“колбасной”) и четвертой (“предпогромной”) эмиграции 1980-х начинают особенно густо печататься там, где и без того пусто, сиречь в толстых журналах».

«Автор — петербуржец, 17 лет назад уехавший на ПМЖ в Германию... И на родине, и на ПМЖ раз и навсегда ушибленный еврейской темой».

«Любому, кто более или менее регулярно читает мои колонки, ясно: я в очередной раз пеняю одному из “толстяков” за смехотворную — до пресмыкательства — юдофилию».

Это все по поводу моего романа «Винета», опубликованного несколько лет назад в журнале «Знамя». Когда я все это прочел, меня заинтересовали, собственно, не «соображения» критика (это человек тяжело и скверно больной на всю голову и давно этим известен), сколько реакция «литературного сообщества». Реакция была... сочувственно-сдержанная. Никто не казался особо возмущенным, вышесказанное явно казалось находящимся в рамках возможного. Снова. Следствие этого — т. е. не этой истерики вокруг моего романа как таковой, а общественной реакции на нее, точнее, ее практического отсутствия — было самым простым: наконец-то я почувствовал себя «писателем в изгнании» в самом обычном политически-географическом, словарном смысле этого понятия. Может быть, это было мое четвертое изгнание?

И даже несмотря на это, слегка болезненное (по неожиданности) переживание: сегодня я воспринимаю мои изгнания, даже и это, четвертое, во всей их запутанной и путающей геометрии и арифметике как естественное окружение, с которым бы не захотел расстаться, эмигрировать из него. Тем более что это и невозможно.

III. Вы спрашиваете меня, что я буду делать и чего я не буду делать. Я скажу вам, что я буду делать и чего я не буду делать. Я не буду служить ничему, во что я не верю, и пусть это называется моим домом, моим отечеством или моей церковью; и я буду пытаться выразить себя в той или иной области жизни или искусства со всей доступной мне свободой и со всей доступной мне полнотой, используя для самозащиты единственное оружие, какое я разрешаю себе использовать, — молчание, изгнание и хитроумие... (Джеймс Джойс. «Портрет художника в юности». Перевод Олега Юрьева).

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

**ЛЕОНИД ШВАРЦМАН:
«Я ТОЛЬКО СЕЙЧАС РАСТУ»**

Беседу ведет Елена Калашникова

Весной в Галерее на Солянке прошла ретроспективная выставка народного художника РФ Леонида Ароновича Шварцмана, приуроченная к его 90-летию. Шварцман — классик отечественной анимации, автор визуального образа Чебурашки и других мультипликационных героев, художник-постановщик «Аленького цветочка», «Золотой антилопы», «Снежной королевы», цикла мультфильмов про Чебурашку и Крокодила Гену, «Котенка по имени Гав» и «38 попугаев», режиссер «Гирлянды из малышей»...

Ēāīīēā Ōāādōī āī āāāēēō ā dōēāō īāīāīāī cī āī āī ēō īā ī āāī ī āēā — x āāāāōēō

ĀĒĀĪ Ā ĒĀĒĀŌĪ ĒĒĪĀĀ В одном из ваших интервью я прочитала: «Мне все еще интересно. Я только сейчас расту». Прокомментируете высказывание?

ĒĀĪĪĒĀ ŌĀĀDŌĪ ĀĪ Звучит, конечно, немного самонадеянно. К сожалению, по причинам возрастного характера мультипликацией я давно не занимаюсь. Зато к Новому году дарю близким свои рисунки зверя, под знаком которого пройдет следующий год. Этой традиции уже лет двадцать-тридцать. Иногда рисунки повторяются, но обязательно что-то меняю в них. Рисую, когда просят, и хочется помочь, если сам чем-то заинтересуюсь. Например, родственница, органистка Катя Мельникова, попросила нарисовать животных. Их показывали в Зале Чайковского во время исполнения «Карнавала животных» Сен-Санса в ее переложении для органа. А тут висят мои этюды, я много рисовал с натуры. Это Гурзуф лет сорок назад, это — Подмоскovie, а это наш Измайловский парк. В другой комнате тоже эскизы.

Ā. Ē. Вы же хотели быть художником.

Ē. Ō. Да, до войны я поступал в школу при ленинградской Академии художеств. Во ВГИКе, на художественном факультете, оказался случайно. Там было деление на художников натурального и мультипликационного кино. В натурном тоже делают интересные эскизы, но строительство декораций ближе к работе прораба. Ну я и пошел в мультипликацию, в ней все основано на графике, близкой к книжной, а это мне нравилось, как и иллюстрация.

Ā. Ē. Вы не жалели потом, что пошли параллельным путем, выбрав мультипликацию?

Ē. Ō. Нет. В советские времена изобразительное искусство было неуклюжим. Знаменитый социалистический реализм накладывал оковы, в частности, на станковую живопись. Картины были в основном одного направления, а в мультипликации цензуры практически не было. Высокое начальство обращало на нас мало внимания: «Вы, в коротких штанишках, идите играйте в свои куколки». В мультипликации три фигуры определяют качество, смысл и направление картины — режиссер, художник-постановщик и мультипликаторы. Мультипликаторы — «дворяне», очень уважаемая профессия. Сценарий имеет огромное значение, но с ним работает режиссер, он пишет режиссерский сценарий, музыка важна, но

и она создается под его руководством. Режиссер, как дирижер оркестра, собирает все воедино, чтобы выразить свои идеи.

А. Е. Вы родились в Минске, ваш папа был бухгалтером, мама — домохозяйкой, а еще у вас были старший брат и сестра...

Daðeü Ntëti íí íá á, í àòü Èáíí èää Óáàðüí áí á 1938 áá

Е. О. Папа рано ушел из жизни, мне было тринадцать лет. Мы жили вместе с сестрой и братом, хотя они были намного старше. Когда я переехал в Ленинград, сестра, которая там уже обосновалась, заменила мне маму. В первые месяцы войны погиб ее четырехлетний ребенок — заразился менингитом в бомбоубежище. Потом погиб муж, затем мама.

А. Е. Мама умерла в Минске?

Е. О. Нет, меня призвали в армию в мае 1941 года, но потеряли дело. А перед тем, как пойти в военкомат, я съездил в Минск и привез маму в Ленинград. В Минске она бы погибла в первые же дни. Многие из тех, кто сумел уйти или уехать из города, — выжили, оставшиеся — погибли в гетто.

А. Е. Семья была религиозная?

Е. О. Хотя обычаи соблюдались, подозреваю, что отец не был по-настоящему верующим, как и мама. У меня есть эскиз: я маленький стою с папой в синагоге. Когда я учился классе во втором, ко мне стал ходить ребе — обучать ивриту. Я отчаянно сопротивлялся: как все советские дети, готовился поступить в пионеры. Ходил он года два. История эта кончилась печально: я довел его до белого каления — он ударил меня молитвенником по голове и, хлопнув дверью, ушел. Из наших занятий запомнились отдельные слова. Дома говорили на идише. В классе евреев была львиная доля, двор был еврейский, за исключением сына дворника Алешки, который знал идиш лучше меня. Дети ведь чудесно впитывают языки. Всю войну я проработал на танковом заводе в Челябинске. Там были так называемые инорсовские дома, где жили иностранцы, бежавшие от Гитлера, — много испанских, польских детей, из других европейских стран. Если им задавали вопрос на любом языке из тех, на которых говорили во дворе, они на нем тебе и отвечали.

А. Е. Каким вам запомнился Минск?

Е. О. Мои родители и брат с сестрой — из XIX века, да и в какой-то степени образ жизни оттуда же. Я застал конку, трамвай пустили в 1930 году, мне было десять лет. Тогда же провели электричество, до этого сидели при керосиновых лампах. На одном из моих рисунков изображена большая тяжелая лампа, а я за столом делаю уроки. Мы снимали квартиру у хозяина двух домов, которые он сдавал в аренду. Рисовал я и наш двор с пустырем, где мы катались на коньках. Ребята были интересные. Почти все мои сверстники погибли на войне.

А. Е. Ваши предки из Белоруссии?

Е. О. Отец из Вильно, а мать — минчанка. Ее родители в 1924 году уехали в Америку, мне было четыре года, я этого не помню. Как и гудков в день смерти Ленина. А некоторые помнят себя с двух-трех лет.

А. Е. А почему ваша мама с ними не уехала?

Е. О. У нее уже была своя семья. Они с отцом поженились где-то в 1900–1903-м.

А. Е. А как звали ваших родителей?

Е. О. Арон Нахманович и Рахиль Соломоновна. Брата — Наум, а у сестры было редкое имя Етта (Этта).

А. Е. Я прочитала, что вы сменили имя Израиль на Леонид после образования Государства Израиль. Ну и потому, что все вас звали Лёлей.

Е. О. Да, меня все звали Лёлей — дома, во дворе, в школе, поэтому я взял имя Леонид. А отчество, как вы знаете, не меняют. Сочетание «Израиль Аронович» трудно было выговорить. Нет, смена имени не была связана с космополитизмом. Это было, по-моему, после Шестидневной войны.

А. Е. Многие ли на вас повлияли?

Е. О. С кем общался, близкие друзья. Тот же Атаманов, который был старше меня на пятнадцать лет, повлиял и в творческом, и в человеческом плане.

А. Е. А сестры Бромберг?

Е. О. По-своему тоже. Особенно старшая — Валентина Семеновна. Она была активная, генератор идей, привлекала интересных писателей, актеров. На фильме «Девочка в цирке» по сценарию Юрия Олеси я работал ассистентом художника. Олеша был удивительным человеком и интересным рассказчиком. Небольшого роста, широкоплечий, всегда какой-то встрепанный, похожий на большого воробья. Приходили Эрдман с Вольпиным — крупные писатели. Первым моим фильмом стал «Федя Зайцев» по их сценарию. Тогда я с ними и познакомился. С Вольпиным больше общался. Он был коммуникабельный, многогранный, эрудированный. Затеял необычный сценарий фильма «Ключ», подготовительный период проходил в нашем Доме творчества в Болшеве. Мы часто с ним играли в бильярд, он вспоминал, как играл с Маяковским. С Михаилом Михайловичем Цехановским я не работал, но

Е. О. По-своему тоже. Особенно старшая — Валентина Семеновна. Она была активная, генератор идей, привлекала интересных писателей, актеров. На фильме «Девочка в цирке» по сценарию Юрия Олеси я работал ассистентом художника. Олеша был удивительным человеком и интересным рассказчиком. Небольшого роста, широкоплечий, всегда какой-то встрепанный, похожий на большого воробья. Приходили Эрдман с Вольпиным — крупные писатели. Первым моим фильмом стал «Федя Зайцев» по их сценарию. Тогда я с ними и познакомился. С Вольпиным больше общался. Он был коммуникабельный, многогранный, эрудированный. Затеял необычный сценарий фильма «Ключ», подготовительный период проходил в нашем Доме творчества в Болшеве. Мы часто с ним играли в бильярд, он вспоминал, как играл с Маяковским. С Михаилом Михайловичем Цехановским я не работал, но

пересекался. Он был замечательным художником-графиком и режиссером, принадлежал к школе ленинградской графики. Еще до войны сделал фильм «Почта» по Маршаку. А какие поразительные персонажи в «Сказке о попе и его работнике Балде»! После войны Михаил Михайлович приехал в Москву и работал на «Союзмультфильме». На обсуждении в Доме кино Цехановский похвалил меня за то, как стабильно я провел по фильму образ Снежной королевы. То есть во всех сценах она одинакова, а это очень сложный персонаж. В рисованной мультипликации надо править и мультипликатора, и прорисовщика, подтягивать образ к своему видению, поскольку ты, создатель, чувствуешь его лучше других.

А. Е. Можете ли вы узнать творческий почерк того или иного художника-мультипликатора?

Е. О. В какой-то степени — с кем сотрудничал, будучи режиссером. На «Снежной королеве» мне посчастливилось поработать с Хитруком. Он сделал ключевые сцены со Снежной королевой, но самое главное — создал Оле-Лукойе, который, как гид, проводит зрителя по фильму. Час десять минут для мультипликации — очень много. Федор Савельевич тоже вспоминает эту работу, такого опыта у него больше не было.

А. Е. Вы проецировали на животных характеры людей. Была ли в советской мультипликации установка на очеловечивание?

Е. О. Все зависело от художника. Мы делали большие фильмы с режиссером Львом Атамановым. Когда я работал со своим другом Александром Винокуровым, то занимался персонажами, а он — декорациями. Наши главные с ним картины — «Аленький цветочек», «Золотая антилопа» и «Снежная королева». В «Золотой антилопе» кроме персонажей я делал и часть эскизов, в «Снежной королеве» отвечал за городскую часть, эскизы, интерьеры. Александр Васильевич же создал разбойников и эскизы природы, у него это замечательно получалось. Как режиссер и художник я снял серию «Обезьянки. Гирлянда из малышей», «Доверчивого дракона», японскую сказку «Я жду тебя, кит!» и пятую историю «Котенка по имени Гав»... Но мне все-таки ближе работа художника, хоть я много лет и проработал режиссером. Хитрук, Норштейн, Назаров — вершины нашей мультипликации, рядом с ними я средненький режиссер. Уже почти десять лет я не у дел, и вообще отечественная мультипликация в сложном и тяжелом положении. «Союзмультфильм» — наша альма-матер, где был огромный талантливейший коллектив, — погиб.

Александр Винокуров, Лев Атаманов, Леонид Шварцман во время работы над «Золотой антилопой». 1954 год

А. Е. Все перешли на компьютерную анимацию?

Е. О. По-моему, и компьютерной нет. Когда в 2001 году с режиссером Инессой Ковалевской мы делали последнюю мою картину, «Дора-дора-помидора» по ее сценарию, то использовали компьютер во вспомогательных целях — для раскраски фазы, заливки. Все оставалось по-старому: я создавал персонажей, которых рисовали мультипликаторы. Я не совсем в курсе так называемой компьютерной мультипликации, но где компьютер делает творческую часть работы?.. У этой железки нет ни разума, ни чувств, ни таланта.

А. Е. Смотрите ли вы наши или зарубежные мультфильмы?

Е. О. Почти нет. Когда я ежегодно ездил в Суздаль на фестиваль анимационного кино, там, конечно, смотрел, но уже лет пять туда не езжу. Пожалуй, только в курсе того, что делала студия «Пилот». Серию мультфильмов по сказкам народов России «Гора самоцветов» задумал покойный Татарский, пробил, возглавил, потом к нему присоединился Эдуард Назаров и стал фактически художественным руководителем. По-моему, они сняли пятьдесят два фильма, хотели продолжить, но все упирается в финансирование.

А. Е. А что можете сказать о японском фильме про Чебурашку?

Е. О. Я смотрел один, а они сняли два и, кажется, хотят продолжить. То, что я видел, сделано достойно, в традиции фильма Качанова и «Союзмультфильма». Когда режиссер Макото Накамура впервые сюда приехал, то остановился тут недалеко, я к ним ездил в гостиничный комплекс «Измайлово». В своем фильме они постарались сохранить все лучшее, так что у меня отношение к нему, скорее, положительное.

А. Е. Вы иллюстрировали детские книги. Мультипликация была вам все-таки ближе или нравилось и то и другое?

Е. О. Иллюстрация меня всегда привлекала, была самостоятельным ареалом работы. Русская школа книжной графики — Лебедев, Конашевич, Добужинский, Тырса — одна из самых передовых в мире. А ленинградская школа сформировала меня как художника. Я работал в издательстве «Малыш», потом в «Детгизе», «Просвещении». Было такое Бюро пропаганды киноискусства, которое кроме фотографий наших любимых актеров, продававшихся во всех киосках, выпускало книжечки по мультфильмам. Естественно, я иллюстрировал серию про Крокодила Гену и Чебурашку, обезьянок, «Варежку», «Снежную королеву», «Аленький цветочек», «Золотую антилопу», «Я жду тебя, кит!», «Котенка по имени Гав», «38 попугаев»... С Винокуровым мы много работали на «Диафильме».

А. Е. Это же не первая ваша персональная выставка?

Е. О. Вторая. Первая состоялась в 2000-м в Доме художника. На ней была представлена мультипликация и очень дорогая мне серия «Старый Минск. Воспоминания детства», иллюстрации к «Шинели», «Портрету» Гоголя, «Кораблям в Лиссе» и «Жизни Гнора» Грина. В свое время Грин мне очень нравился. Это полутеатральные эскизы, полуиллюстрации. Но в ЦДХ не был показан фрагмент диплома по «Слову о полку Игореве», ВГИКовские задания по карикатуре и шаржу, а там у меня много любопытного. Та выставка, занимавшая зал на втором этаже, была более цельной. А так я был участником многих коллективных выставок. В основном представлял на них работы, связанные с мультипликацией, эскизы.

А. Е. Не хочется ли вам вернуться к своим персонажам, чтобы что-то в них изменить?

Е. О. Это бессмысленно, фильмы ведь уже сделаны. Когда меня просят нарисовать Чебурашку, иногда делаю ему чуть розовые щечки. Крокодил, Шапокляк, обезьянки или другие герои невольно получаются немного иными: прошло время, ты изменился, а значит, изменилось и твое представление о персонаже.

А. Е. Чебурашка — самый любимый из ваших героев?

Е. О. Он получился необычным. Такой полужверек, полуробенек. У меня нет явных неудовольствий по поводу персонажей. Другое дело — часто хочется фильм переделать. Во многих картинах — где я был режиссером и где с другими режиссерами работал — вылезают затынкости.

А. Е. Как бы вы себя охарактеризовали, если бы писали о себе справку в энциклопедию?

Е. О. Как художника детской книги и мультипликации.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СУСЛИКИ

Линор Горалик

В издательстве «Книжники» готовится выход сборника Линор Горалик, в который войдут эссе об Израиле. Фрагменты будущей книги впервые публикуются на сайте «Букник». Мы также предоставляем нашим читателям возможность ознакомиться с некоторыми эссе до выхода книги.

Выйди из ковчега ты и жена твоя,

и сыновья твои,

и жены сынов твоих с тобою;

выведи с собою всех

животных <...>

И не буду больше поражать

всего живущего.

Берешит, 8:15-8:21

С чувством опасности тут особые отношения: оно не то чтобы приглушено — на него просто сил нет. Силы уходят на то, чтобы убедить родственников за тебя не волноваться. Родственников много, пока всех убедишь — глядь, и война прошла. Как прекрасно говорит один городской сумасшедший, обитающий в Иерусалиме возле автобусной станции, делая три-четыре шага вслед случайному прохожему: «Ой, я за вас, уважаемый, совершенно не волнуюсь! По вам видно, что вы такой человек, за которого не надо волноваться!» И тут же другому прохожему: «Вы ж мой хороший! Вот за вас я ну совершенно не волнуюсь! Вы ж явно такой человек, за которого и волноваться нечего!..» Очень напоминает типичный разговор израильтянина с заграничным родственником после очередного взрыва, теракта, ракетного обстрела, военного демарша: «Ниночка! Ну перестань за нас волноваться! Тебе же нельзя волноваться! Если ты за нас волнуешься, то мы за тебя волнуемся, а у нас тут и без тебя хватает поводов волноваться! То есть, я хотела сказать, за нас совершенно нет поводов волноваться! Ниночка! Ниночка, перестань волноваться! Ниночка! Нет, я же слышу, что ты волнуешься, — когда ты волнуешься, у тебя зубной протез в трубку щелкает!»

Приезжаешь к родителям на пару дней отдохнуть. Родители живут в Беэр-Шеве, самом, как мне кажется, еврейском городе мира: университет, плюс больница, плюс 4 тыс. сотрудников муниципалитета. Лежишь в пижаме посреди гостиной, вокруг красиво расставлена мамина еда: богатая палитра, крупные мазки — рыбы заливной килограмма три, борща небольшое ведро, поднос жареных кабачков, торт домашний средней пушистости. Два пульта от телевизора — чтобы деточке не наклоняться, если она вдруг один уронит. Вдруг сирена: бомбят, значит, ракетами. По квартире проносится тихий вой: никому не хочется идти в защищенную комнату^[1] — отрываться от компьютера, книжки, в случае некоторых — от творожной запеканки, там еще как минимум полтора кило недоеденных. Но все друг другу демонстрируют, что ответственные люди и вообще, — встают, идут. Сирена воет. В защищенной комнате прохладно, все садятся на табуреточки.

— Деточка, ты водички хочешь?

Водички стоит запас года на три. Еще шоколад, крекеры, консервы, противогазы, ведро, чтобы в него это самое. Нашли время бомбить, суки, — оторвали ребенка от обеда. Вообще-то мы в ЗК бегать привыкли — при Шамире бегали, при Рабине бегали, при Бараке бегали. При Ольмерте тоже бегали. Очень надоело бегать, но все ответственные же люди — приплелись, сели на табуреточки. Сидим, как смиренные суслики. Сирена стихла или не стихла? Папа, включи радио! Радио почему-то настроено не на новости, а на волну со сказками и песнями для самых маленьких. Все с интересом смотрят на папу. Предлагают принести ему сюда матрас и бутылочку, пусть засыпает тут каждую ночь, нам не жалко, только если будут бомбить — мы его случайно затопчем. Папа делает вид, что радио переключилось само, и торопливо крутит ручки. Вдруг ба-бах — музыка из «Терминатора». Всем смешно. Но главное — на стенке приклеена специальная бумажка: кому после отмены тревоги надо позвонить, чтобы не волновались. Двадцать одно имя, в шести странах мира. Всем надо сказать разное, у всех больное сердце, все нас любят. Обзвон — часа на два. Зато у нас тут много консервов! Интересно, а консервный ключ у нас тут есть? Консервного ключа нет. От общего хохота радио падает на пол и настраивается на новости. Тревогу пока не отменили.

— Ребята, а давайте попишем в ведро? Двадцать лет бегаем в ЗК — и никогда не писали в ведро...

К сожалению, тревогу отменяют, ведру опять не повезло.

— Деточка, ты хочешь мороженого?

— Не-е-е-ет.

— Боря, все твой дурацкий аварийный шоколад. Ребенок наелся в ЗК шоколаду и не хочет мороженого. Вот же.

На следующий день ты возвращаешься в Тель-Авив. В дороге слушаешь новости. Среди прочего: забастовка врачей подходит к концу, новорожденный барханный котенок в зоопарке чувствует себя прекрасно, в Иерусалиме запустили трамвай, Беэр-Шеву бомбят. Ну, то есть, весь юг бомбят, но для меня это, конечно, значит, что Беэр-Шеву бомбят. Ты, мягко скажем, волнуешься. Звонишь родителям.

— Мам, ну будьте вы людьми, ну переедьте вы ко мне на несколько дней!

— Дочка, ну что ты в самом деле! И вообще, это же все глупости, ничего такого не происходит, ты же знаешь, у нас везде бомбоубежища.

— Ну хоть не ходите из дому никуда!

— Так мы же не ходим! Я вот пришла к парикмахеру и сижу, никуда не иду!

— Мама!!!

— А чего? Тут такая же ЗК, как у нас! Даже ведро такое же, как у нас...

Звонишь Хаюту, говоришь: «Хают, ну если они продолжают бомбить, я обратно поеду, быть с родителями».

— Давай-давай, — говорит Хают. — Так им и скажи; их инфаркт хватит вне всякого бомбоубежища.

— Хают, — говорю, — ну я так не могу, я за них нервничаю.

— А ты надень противогаз, запишись в шкафу, сядь на ведро и нервничай, — предлагает Хают. — Сопереживай. Share the experience!

Хают черствый, он с соседским младенцем играл в «Железный купол»^[2]: «Полетели-полетели-полетели — и промахнулись по вражеской ракете!.. Полетели-полетели-полетели — и промахнулись по вражеской ракете!..» Страшный человек.

— Пап, ну серьезно, приезжайте вы!

— Детка, ну мы же ответственные суслики, мы же, если что...

Что-то делаешь, куда-то ходишь, то, се. Лезешь в новости. Среди прочего: молодой израильский дизайнер покоряет американские подиумы, в Ришоне начинается гастрономический фестиваль «Мир вкуса», актриса Хиаб Аббас выступит в качестве режиссера. Беэр-Шеву бомбят. «Деревню Гадюкино смыло». Звонишь родителям.

— Мама! Ну же!!!

— Детка, ну прекрати, это же все чепуха, тут все прекрасно. А вот я была у Миры на работе, там одна женщина сегодня такой пирог вишневый принесла, обалдеть. Мы его в бомбоубежище ели, я тебе такой сделаю, это пять минут. У них там каждый день кто-нибудь приносит пирог и прямо с утра в бомбоубежище относит, чтобы под сирену съесть.

— Мам, а как насчет не ходить на работу пару дней?

— Детка, ну вот же мы сейчас дома, мы тут подготовленные, это же все чепуха. Я отнесла в ЗК всего Пушкина, а папа надел трусы. А то я в прошлую сирену, как дура, бегала, искала, какую с собой книжку взять, и все не то попадалось. Нет, папа трусы не искал, трусы у него всегда под рукой. Мы даже собрали все деньги и документы, я ему говорю: «Боря, собери деньги и документы!», а он ржет, а я ему говорю: «Чего ты ржешь?» (Голос отца на заднем плане: «Папа еще в жопу их себе засунет, чтобы было как нас опознать и на что похоронить!»)

— Мам, дай ему от меня в глаз?

Быстрый топот убегающего отца.

— Дочка, ты лучше скажи мне, как ты себя чувствуешь. Хочешь, мы тебе в пятницу привезем такой шоколад, как ты у нас в ЗК ела? Он тебе понравился?

— Мам, вы лучше останьтесь у меня в пятницу.

— Детка, ну перестань волноваться. Мы же ответственные суслики, ты же знаешь, если бы было надо, мы бы остались.

— А по-моему, вы козлы, а не суслики.

— Вот так, значит, с родителями, да? А сама ты тогда кто, если родители у тебя козлы?

Напоследок мама жалуется, что это свинство с их стороны — бомбить людей во время сериала «Друзья». Испоганили вечер.

Утром просыпаешься, лезешь в новости, чего уж там. Ну, понятно, то, се. Израильская сборная по баскетболу отлично выступила в Европе, в клубе «Барби» сыграет «Maghreb Orchestra», вышел новый роман Эшколя Нево. Беэр-Шева со вчерашнего вечера в своем репертуаре. Звонишь родителям. «Набегались, небось, да?» Набегались, но ко мне не переедут. Вкрадчиво: «Детка, если ты не перестанешь волноваться, мы все бросим и переедем к тебе в Москву, ты этого хочешь?» — «Переходим, значит, на шантаж и угрозы?!» — «Ты первая начала!» Долгие попытки выбрать между пирогом слоеным с вишнями и пирогом сдобным с яблоками; что-то подсказывает мне, что в пятницу мне доставят оба. «Мам, вы хоть поспали?» — «Ну конечно! Я положила рядом с собой лифчик и противогаз, мне очень удобно — встал и пошел. А еще тут наши сбили в воздухе два “Града”, это была такая красота! Дядя Марик просто в восторге, он тебе найдет видео в Интернете».

— Мама, ты что, выходила смотреть?!

— С ума сошла, дочка, мы же ответственные лю...

(Голос отца, язвительно: «Ответственные-ответственные, а кто творог в ванной забыл?..»)

— Ой, деточка, мы тут делали для тебя домашний творог и из-за бомбежек забыли его снять на ночь с отвески, так он получился еще в два раза лучше, чем предыдущий. Так что видишь, как у нас все хорошо? У нас все в два раза лучше, чем до бомбежек!

Приедут в пятницу, с борщом, творогом, пирогами, с видео «Градов» из Интернета, Б-г знает, с чем еще. Непременно проверят (тайком, конечно), в порядке ли мой противогаз, засунутый в ванной под ведро с половыми тряпками, послушают новости и вечером уедут обратно в Беэр-Шеву. Сесть в шкафу на ведро, сунуть в рот шоколадку, сидеть в темноте и думать: что за поразительные люди? Тоже мне — ответственные суслики. Слов нет. Как будто не понимают, что ты за них волнуешься. Вот же. И ведь дочь у них — рассудительная, осторожная женщина. Не самовольная, не упрямая. Как получилось? В кого пошла?

[1]. Такая комната специально на случай бомбардировки или химической атаки оборудована во многих израильских квартирах, особенно на юге страны.

[2]. «Железный купол» — система противоракетной защиты.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

АРКАДИЙ РАЙКИН: СМЕХ ЭПОХИ

יָאֵ אֲדוּמָא אִיִּי בִינָא יִוָּאֵ אֲרֹ: יֵוָּאֵ יֵוָּאֵ, אֵוָּאֵ בֵּיִ אֵוָּאֵ יֵוָּאֵ, אֵוָּאֵ יֵוָּאֵ יֵוָּאֵ

אֵוָּאֵ אֵוָּאֵ אֵוָּאֵ יֵוָּאֵ

А гҵаіагҵоіі дҵіаіа оіааоі Yеі «Eіy дҵгҵ», ірҵаоіаy еіооаа егҵоіоіа дҵагҵа:ааіоіy агҵоаа аоіоіе егҵаа «Iгҵоеее» Адеіоіоааy, іііаyуаіііе іі аоy ііоооаа е і еі аі, іаеі еy іааііааае ааіоо: «Аііе оеіііо оіоіеу аае:аеоее іоаіао іі аоy оіаоy егҵаа, іі аа агҵаеіf ауоу — ііоіагҵаy аауу». А оіі, :оі «іі аyоуy, іоаа, іа аіаоіі», ауе оааау е «:аеіаае іі оуіy:ур еео», Ааіероіуе Iіадо Ni ааа Аеаае Еіааеіае: Ваеееі. Iі еаае аpоіеаоіа аоаеіааеіа ііоаіееіа аааауееіа е аааааааа аііааеаііа аоааа Iі егҵа ау іе еаае і ііаеееее Ваеееі, іі аааа еаае ерҵае. E еае ау ааііуааі іе аііа ааае, ааа ііоооаі агҵаа сҵ іео. Yоі аа:аеоаа еа:аіоаі аа ааоіааіеу ііаоііеее рҵооаеу агҵаа аау аііаеіеі ае іі:ое еае агҵааіа: «Ваеееі — ааааа аааае, оеіо:а ааііааіаі». Eеоу іоіеаy іа аеіоаіоер ііоіаоіаа іаеаy ааееіаа аеоаа, і у а ііеііе іаа і іаеаі іоаіеоу іоаіаіу оіеаеуіііоо аа ааоіааіеу, е, аеаеі і, іа ііо:аеіі агҵаа аааа ііе:аі іаіеіоааіаао аа оуіy:а іаааіа ееоі — ііоіагҵа

ЕІ І ААЕЕІ УЕ ААІ Д × АОІ АО ААС АЕАІ Е АОАЕОІ ДЕЕ

І ЕОАЕЕ І ЕОЕІ

I еіаоаеу

А. А. Эпоха ЧБ на телевидении сегодня даже как-то и не мыслима без «человека с тысячью лиц». Принято считать, что с кинематографом у «гения смеха» не заладилось, зато с телевидением не было никаких проблем. Связано ли это с особенностями сценического дарования Аркадия Райкина?

И. И. Я бы не сказал, что на телевидении у Аркадия Исааковича так уж сильно ладилось. Не очень-то... А вообще, комедийный жанр немислим без живой аудитории. Представьте себе: стоит один человек, я ему рассказал анекдот — он, в лучшем случае, улыбнулся. А вот если большая компания — хохот будет стоять. И даже Райкину, гениальному артисту, требовалась живая аудитория. Поэтому судьба Аркадия Исааковича в некотором смысле трагична: кто не видел его живьем, тому бессмысленно объяснять, что это было такое. А те, кто видел его на сцене, — их все меньше — в объяснениях не нуждаются. Просто ему необходимо было сопереживание аудитории, контакт, а в кино у зрителя контакт с пленкой...

А. И. Почему в сегодняшней смеховой культуре не приживаются такие райкинские «робкие» категории, как «ускользающая красота», «недосказанность», «интеллектуальность»?

И. И. Не думаю, что «интеллектуальность» совсем ушла из страны. Она ушла из телевизора. Но где-то же интеллект должен был остаться. Какой смысл в «недоговоренности», когда можно договаривать. Когда можно обойтись без намеков, из которых состоял «интеллектуальный» смех еще тридцать лет назад. За такой намек тогда прощали любое художественное качество. Чем полнее свобода слова, тем меньше недосказанности.

А. И. Среди авторов, с которыми работал Аркадий Райкин, были известные советские писатели-юмористы: Марк Азов, Владимир Тихвинский, Михаил Жванецкий, Виктор Ардов, Михаил Зощенко, Михаил Мишин, Александр Хазин, Вениамин Скворский, Семен Альтов, Марьян Беленький... Как относился Аркадий Райкин к текстам и их авторам?

М. М. По-разному. Он в каждого поначалу влюблялся. А уж они — что и говорить. Райкин — это была абсолютная вершина жанра. Авторы мечтали сотрудничать с ним. И настал момент, когда я решился попытаться. Я оставил Аркадию Исааковичу кучу написанного. И уже через день Райкин позвонил, наговорил комплиментов и предложил работать над спектаклем. Это был предпоследний спектакль в его жизни («Его величество театр»). Как у него складывалось с другими авторами, не знаю. Райкин был человек сложный, и отношения выстраивались по-разному. Ко мне он относился ровно и хорошо. Как правило, или сразу принимал текст, или сразу отвергал. Часто что-то сам менял, не так, как ты хотел. Вскипала обида, но потом ты понимал, что даже если по существу ты прав, его актерское волшебство важнее.

А. И. Для Аркадия Исааковича классический советский анекдот был тем самым ахматовским сором, что необходим художнику?

И. И. Не знаю, что и сказать. Райкин не рассказывал со сцены анекдотов. И крайне редко возникали они в текстах. Анекдотичны были ситуации жизни. И этот великий артист всей силой необъятного таланта и человеческой искренности пытался улучшить ту жизнь, которой он жил и которой он был необходим, как глоток радости и надежды.

Ï Î Ï ÒËËËË Ì ÑÛ ÀÐÏËÑÒÀ ÁÛÇÛÀËËÀ Ó ×ËÏ ÎÁÏ ÈËÏÁ ÇÀËËÑÛË È ÇËÏÁÓ

ÀËÀÒÁÐËÏÁ ÐÀËËËÏÁ

ÀËÒÐËÏÁ ÒÁÒÒÐÀ È ÈËÏ

À. Ï. Наш журнал публиковал интервью с вами, посвященное девятидесятилетнему вашему отцу. (См.: «Вещество искусства» Аркадия Райкина. Беседу вел Владимир Познанский. Лехаим. 2001. № 11.) За десять лет слава великого артиста не померкла и вопросов не уменьшилось. Аркадий Исаакович скончался 17 декабря 1987 года, — выходит, застал горбачевскую перестройку. Как отнесся к ветру перемен лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда Аркадий Исаакович Райкин?

ÀËÀÒÁÐËÏÁ ÐÀËËËÏÁ Замечательно отнесся, радовался перестройке. Насколько, конечно, болезнь позволяла радоваться. Помню, буквально дней за десять до его ухода я принесла ему в больницу свежую прессу со словами: «Это же все готовил ты!..» А он мне: «Не буду всего этого читать. Мне сейчас необходимо выстроить мою следующую программу». На что я ему сказала: «Папа, ты будешь говорить с людьми о вечном. Пока живет человек, у него всегда будут проблемы». Он не думал, что все уже сделал и может уйти на покой. А еще в эти последние несколько лет он явно и ярко, по-райкински, ощущал себя евреем. Искал связей с предками, свои корни, вспоминал, как ребенком ходил в хедер.

À. Ï. Правда ли, что причиной давления ленинградского КГБ на Райкина, грязной игры на «пятом пункте» стал в общем-то безобидный спектакль «Плюс-минус», показанный на невских берегах к столетию со дня рождения Ленина?

À. В. Давление никогда не ослабевало, пока папа работал в Ленинградском театре миниатюр. Основными причинами были папин дар и национальность. Вообще Ленинграду везло на руководителей-антисемитов. Был Толстиков, потом его сменил Романов. Еще были товарищи. В искусстве евреев хватало, и все на собственной шкуре испытывали повышенное внимание ленинградских государственных деятелей. Папа часто говорил, что они придираются ко всему: к слову, фразе, жесту, — но не понимают, что он может сыграть вообще без слов, сыграть в паузу, и люди поймут его. Василий Катанян, режиссер документального фильма «Аркадий Райкин», вспоминал, как их вызвал к себе Романов и начал говорить, что именно необходимо убрать, а папа отвечал: «Хорошо, уберу». Когда они вышли из кабинета, Василий Васильевич набросился на папу со словами: «Почему же вы со всем соглашались, Аркадий Исаакович?!» — на что папа ответил: «Васенька, я соглашался, чтобы нас уже выпустили отсюда. Кладу голову на отсечение, что они никогда в жизни не будут это смотреть. Оставляем, все оставляем». Да, ему приходилось лавировать, играть. Иногда это не получалось, и все заканчивалось больницей. История, о которой вы спрашиваете, была специально состряпана. Пустили дезинформацию, подлую, коварную. Злобу и зависть вызывала популярность Райкина, его невероятная слава, которую нужно было ограничить, свести к минимуму.

À. Ï. Аркадий Исаакович вспоминал, что на банкете по случаю 60-летия вождя народов юбиляр аплодировал ему четырнадцать раз, причем стоя. Энтузиазм вождя вызвало блистательное пародирование его визави: «Товарищ Сталин, могу и других типов показать». Пародировал ли ваш отец вне

сцены сильных мира сего, ведь образы многих членов Политбюро просто просились на большую сцену? Вообще, дома Аркадий Исаакович был веселым человеком? За семейным столом шутки поощрялись?

А. В. Ни разу я не видела, чтобы он пародировал партийных деятелей, — ни на сцене, ни дома. Во-первых, папа так настрадался от них, что лишний раз даже думать о них не хотел, во-вторых, его всегда интересовал образ собирательный, с ним он и выходил на сцену, играя чиновника-дурака, чиновника-невежду. Был у него такой образ из спектакля «Волшебники живут рядом», звали его Пантюхов. Советский бюрократ, типичный идиот, дурак, причем страшный. Я слышала от мамы и друзей, что в молодости папа был очень веселым, жизнерадостным человеком. Но он был слабого здоровья, и с течением времени болезнь его сковывала. Папа рано научился хранить и беречь себя для сцены. Видимо, поэтому его внешняя веселость не была столь яркой. Детьми мы, конечно, с ним играли, шутили, но дело в том, что я родителей мало видела в детстве. Приехала в Ленинград после войны из Ташкента. И всю школьную пору провела с бабушкой, а родители ездили по стране, работали, выступали. И гастролы эти были частыми и долгими. В году в общей сложности мы виделись месяца три. Мне всегда их очень не хватало. Я до сих пор помню, как скучала по ним в детстве.

А. И. В юности Аркадий Исаакович увлекался живописью. Это увлечение помогало ему в идеальном выстраивании образов? К примеру, в создании знаменитых масок, которые он с такой стремительностью менял по окончании номера?

А. В. Безусловно, он был художественно одарен. Еще педагог в средней школе, преподававший рисование, Владислав Матвеевич Измайлович, заметил это его дарование и посоветовал папе поступать в Академию художеств, однако папа не послушал его. И, наверное, правильно сделал. Он вообще-то много рисовал, но, к сожалению, его рисунки не сохранились: война, переезды... Любил живопись и хорошо разбирался в ней. Всегда находил возможность сходить на какой-то вернисаж, выставку, экспозицию. Знал массу художников с мировыми именами. Дружил, к примеру, с Саввой Григорьевичем Бродским — «человеком эпохи Возрождения». Но папа увлекался не только живописью, — литературу любил, классическую музыку. Старался не пропускать концертов. Что же до масок, то их для него делала очень хороший мастер, это была их совместная с папой работа.

ОН ВДОХНОВЛЯЛСЯ ДРАМАТИЧЕСКИМ ТЕАТРОМ

ÈÍÍ ÑÒÁÍ ÕÈÍ ÐÀÈÈÈÍ

Àèòáñ ðàèèííá, òáííàèíòááíííé ðèííáèèòáèí Áííááñíòááíííá òááòòá «Ñàòèèèèíí» èí áíè
Àèááèéÿ Ðàèèèèíá

А. И. О многочисленных гастролях Театра миниатюр и о самом Райкине писали в газетах Венгрии, Польши, Болгарии, Германии, в Англии даже был снят фильм о нем, но искусство разговорного жанра своим рождением обязано не одному актерскому дарованию. Язык тут, пожалуй, на первом месте. Смеховая эссенция настолько тонкая, неуловимая субстанция, что проследить малейшие нюансы зачастую

способен разве что соотечественник актера. Выстраивал ли ваш отец каким-то особым образом программу под заграничное турне?

ÊÏÏÏÁÏ ÒÈÏ ÐÀÈÈÈÏ Да, он специально готовил, заучивал спектакли на языке той страны, в которой ему предстояло гастролировать. В Польше — на польском, в Болгарии — на болгарском, в Венгрии — на венгерском. Причем по многу раз разные спектакли. По этой причине, к примеру, в Венгрии из всех зарубежных артистов он был самым любимым, кумиром. И это несмотря на то, что венгерский язык один из сложнейших в мире. Венгры были благодарны иностранцу, если он им просто «здравствуйте» говорил на венгерском, а тут целая трехчасовая программа! Один, потом, через короткое время, другой трехчасовой спектакль. И так несколько раз. В Англии — на английском, в Германии — на немецком. Необходимо было, чтобы тебя сразу понимали, а не через какие-то бегущие строки, субтитры... Это связано с демократичностью жанра.

Á. Ì. «Я всегда буду сыном Райкина, — сказали вы в одном из интервью. — И умру, что бы я ни сделал в профессиональной жизни, сыном Райкина. Для большинства населения страны я — сын. Радует это? Нет». И процитировали Мандельштама: «Живущий несравним». «Несравнимым живущим» свойственно проходить через собственные юбилеи, которые в той или иной степени подталкивают нас к сравнениям, в особенности если они фамильного свойства. Ваше шестидесятилетие было юбилеем состоявшегося в высшей степени самостоятельного художника. Вы по-прежнему чувствуете себя «сыном Райкина» в профессиональной жизни?

Ê. Ð. Нет, в профессиональной жизни «сыном Райкина» я себя не чувствую. И когда это говорил, я имел в виду исключительно общественное мнение, так сказать, житейское. Мнение большинства соотечественников, которые меня не знают, потому что я занимаюсь только театром. Драматическим. А драматический театр — камерный жанр. К тому же я не делаю ничего для популяризации собственного творчества, отказываюсь от телевизионных передач, не снимаюсь в кино. Я выбрал для себя Путь, и то, что сегодня сходит за славу и популярность, мне не интересно. На моем Пути есть вещи более важные. Поэтому для большинства людей страны я останусь «сыном Аркадия Райкина». Хотя у меня вообще-то другие учителя и иду я другой дорогой.

Á. Ì. Как так случилось, что Аркадий Исаакович вдруг покинул театральные подмостки будущего Ленсовета и ушел на эстраду в роли обычного конференсье?

Ê. Ð. Он никуда не уходил, он с самого начала избрал для себя этот путь. Работал в Театре Ленсовета и одновременно на эстраде. Его приглашал к себе Мейерхольд, а он, посоветовавшись с художественным руководителем своего курса в институте, Соловьевым, тем не менее выбрал иную стезю. Хотя очень важно, что по образованию он драматический артист. Отсюда и высочайший уровень вкуса, отбора. Да и все привязанности его были из области драматического театра. Он вдохновлялся им, а не творениями эстрады. А еще живописью вдохновлялся, балетом, симфонической музыкой... И все потому, что русская драматическая школа — одна из сильнейших театральных школ. А вот основательной школы эстрады у нас, по моему мнению, нет.

Á. Ì. Аркадий Исаакович ушел из дома после конфликта с родителями, связанного с выбором профессии. Родители были строгими прагматиками или их строгость носила национальный религиозный характер?

ÊÐ Думаю, там было и то и другое, всего понемногу. Все вместе.

ÐÀÈÈÈÏ ÇÏ À × ÈÒÀÈÈÁÏ ÑÂÏÁÈ ÒÏ ÈÁÁÐÑÀÈÛÏ Ì ÑÒÛÐ

ÁÒÈÏ ÑÈÒÐÈÏ

Áèòáá, ÌÏ çáàòáèÛ è ðáááèèáòááí í úé ðèÏááèèèòáèÛ «ÑèòðèÏ-Òáàòðá»

А. И. Советские времена давали много поводов для смеха, трудились в этом направлении все снизу доверху, чуть менее урожайными оказались 90-е. Как обстоят дела с нынешним десятилетием? Не кажется ли вам, что сегодня все больше улыбаются и смеются те, до кого доходит, как до жирафа?

А. И. Особое Не уверен, что количество поводов для смеха меняется каждое десятилетие. Просто такая бухгалтерия обычно свойственна тем, кто склонен очень серьезно воспринимать собственное взросление. Конечно, времена меняются и фон жизни становится другим, но умение подмечать смешное — это удел нестареющей души. Я с улыбкой отношусь к привычному брюзжанию по поводу опрощения юмора и к ностальгии по «золотому веку» юмористики. Не было его в советские времена! Говорю вам это как «уцелевший свидетель», и судить о качестве нынешнего веселья по недалеким или попросту неумным людям — неверно. Думаю, что статистика на их счет всегда остается неизменной.

А. И. Не умаляет ли достоинства нескольких поколений тружеников эстрады циркулирующее в Сети высказывание, будто разговорный жанр не только советской эстрады, но и современной российской сложил/вылепил Аркадий Райкин? Оглядываетесь ли вы сегодня на его творчество?

А. О. Аркадий Райкин — несомненно, ключевая фигура в истории российской эстрады, открыватель многих ее путей. Но даже в гуле юбилейной риторики я бы не стал утверждать, что разговорный жанр Аркадий Исаакович лепил в одиночестве. Райкин значителен своей универсальностью, театральной культурой и, конечно, гражданским чувством, которое сейчас, кажется, без всяких сожалений совсем не пользуется спросом у молодых. Для них мир прозрачен, един. И кроме того, они совсем лишены пафоса и потребности морализировать, к чему был склонен Райкин на излете лет.

А. И. В чем причина невероятной популярности разговорного жанра в «смурные» советские годы?

А. О. Ну, было бы общим местом утверждать о закрытости нашего общества, о его невероятной скованности. Но других причин такой приверженности эстрадному юмору я до сих пор не нахожу. Видимо, надо сказать еще и о том, что пресловутое лукавство советских сатириков мы как-то напрочь растеряли на пути из гласности во вседозволенность.

А. И. Всегда ли искусство смешного призвано говорить о деградансе, распаде — о «низком»?

А. О. Искусство смешного говорит только о смешном и нелепом. Смею предполагать, что даже в раю, в котором сейчас пребывает душа Аркадия Исааковича, он тоже нашел над чем посмеяться. Возможно, что в аду таких поводов больше. Но для комика способность подмечать смешное так же естественна, как для поэта находить рифмы или для музыканта сочинять мелодии. Оставим эту материю для критиков. Уж они-то точно сделают из нее что-нибудь смешное.

На каждом концерте Райкина царил смех. Смех Эпохи. Смех расцвета «совка» и его упадка. Понимая невероятную объединительную силу смеха, его «законность» жестко контролировал Кремль, а «правоту» — человек, чей столетний юбилей мы сегодня отмечаем. Он оставил после себя Театр и целую плеяду продолжателей, которые сегодня, как и многое другое, оказались «интеллектуальным пережитком». Лишившись догляда свыше, «прав и границ», нынешний смех превратился в полезное физическое

упражнение, которому далеко до искусства «смеяться над собой и над целым миром», королем которого по-прежнему остается Аркадий Исаакович Райкин.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

ФОРУМ

ÍÀÏ ÎÍΒΟÍ ÛÉ ÆΑÍϞ. ÄÀÍ ÈÈÀ ÄÄÄÛÄÏÄ
2011.9

TARZANISSIMO, ng68.livejournal.com/965236.html?thread=4000372#t4000372 Случайно прочел вонючий «труд» Ваймана и второго некто. Желание устроить скандал — все, что там есть. Парин, оправдывающий их, оперу знает и балет, а в стихах не смыслит вообще. <...> Ну а высказывание о том, что король голый, есть, говоря сегодняшним языком, максимально жесткое отрицание и политкорректности, и прочих ненужных корректностей. К фигам самодеятельность...

ÈÄÍ ÎÄ ÈÄÖÈÏ, katsis@gesharim.msk.ru

Оружия любимейшего род...

В. Маяковский. «Во весь голос»

Н. Вайман, задетый критикой Н. Горбаневской и В. Бетаки его (с «М. Рувинным») книги «Шатры страха. Беседы о Манделъштаме», в «ЖЖ» зацепился за фразу Д. Давыдова, будто есть в его книге что-то интересное. И, отвечая на «уступительный» ход, захотел примеров.

Вот они:

1) в «Египетской марке» блуждают по страницам некие фарфоровые «фигурки Шолом-Алейхема из местечка», а следом — размышления о «Кровавой шутке». И вспомнился 1999 год, когда в «Окнах» (приложение к тель-авивским «Вестям») я опубликовал газетный вариант главы книги «Осип Манделъштам: мускус иудейства» (М., 2002), о том, что имена некоторых героев «Кровавой шутки» во главе с Гешкой Рабиновичем и т. д. фигурируют в «Египетской марке» поэта.

В 2005 году я вдруг обнаружил в тех же «Окнах» переписку Ваймана с неким И. Фридманом «В железной рубахе», в которой по Петрограду Манделъштама гуляли герои того же романа.

В конце 2005 года в Израильском культурном центре (на презентации журнала «Зеркало») я предупредил Ваймана о недопустимости подобного «соавторства». (Его удачно описал О. Ронен в эссе «Плагиат»: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/3/po12-pr.html>.) Хотя для тех, кто не знает об этой манере

Ваймана, например главред «Аграфы» А. В. Парин, эта мысль «соавторов» оригинальна. Однако

оригинальной она была в моей статье в «Окнах» 1999 года.

А вот тонкое наблюдение: 2) О. Манделъштам цитировал в стихах Махзор на Йом Кипур! Это открытие для тех, кто еще вчера думал, что Манделъштам только Евангелие и читал! Но в «позорной», по мнению М. Рувина, книге на с. 127 приводится именно эта мысль.

И еще: 3) «И верно сказано... что иудаизм без христианства легко обходится, а вот христианство без иудаизма — никак» (Шатры страха. С. 28), однако этих слов, которые так восхитили одного из «соавторов», у его корреспондента нет! И понятно почему, ведь это из «позорного» послесловия Л. Кациса к другой книге: Дж. Трахтенберг. Дьявол и евреи. М., 1998. С. 288. Вот они: «Иудей в принципе может просуществовать, ничего не зная о христианстве. А вот христианин без еврейских Пророков, без Моисея и Аарона и других прожить не сможет».

Ну, Вайман и Рувин!..

Просто какие-то мои по-манделъштамовски «провиденциальные собеседники»!

Теперь о соавторах. «Фридмана» сам Вайман описал в «Щели обетования»: «Сережа Костырко рассказал, как полгода назад, зимой, Иосиф, размечтавшись, выпал из автобуса и сильно разбился. <...> с каждым может случиться, но в рассеянности некоторой “философской” не откажешь».

А с автопортретом сложнее: в программе Л. Новоженова «Наши» по «НТВ-Мир», не страшась «Шатров разоблачения», Вайман сказал, что пришел в литературу за славой и признанием. Но если публикатор чужих писем он хоть какой-то, то манделъштамовед — никакой. Иначе знал бы, что в «Армии поэтов» Манделъштама его тип уже описан: «... разумный, взрослый человек, отец семейства, по образованию техник, но неудачный, инженерии забросил, где-то служит, кормит семью, но иногда на него “находит”, и с тяжелой, звериной ненавистью <...> он врывается в чужие жилища, требует, чтобы его похвалила какая-то “компания”, чтобы ему кто-то помог и признал. С ним нельзя говорить. Он оскорбит и хлопнет дверью. С ним разговор закончился бы где-нибудь в пивной бурной исповедью и слезами».

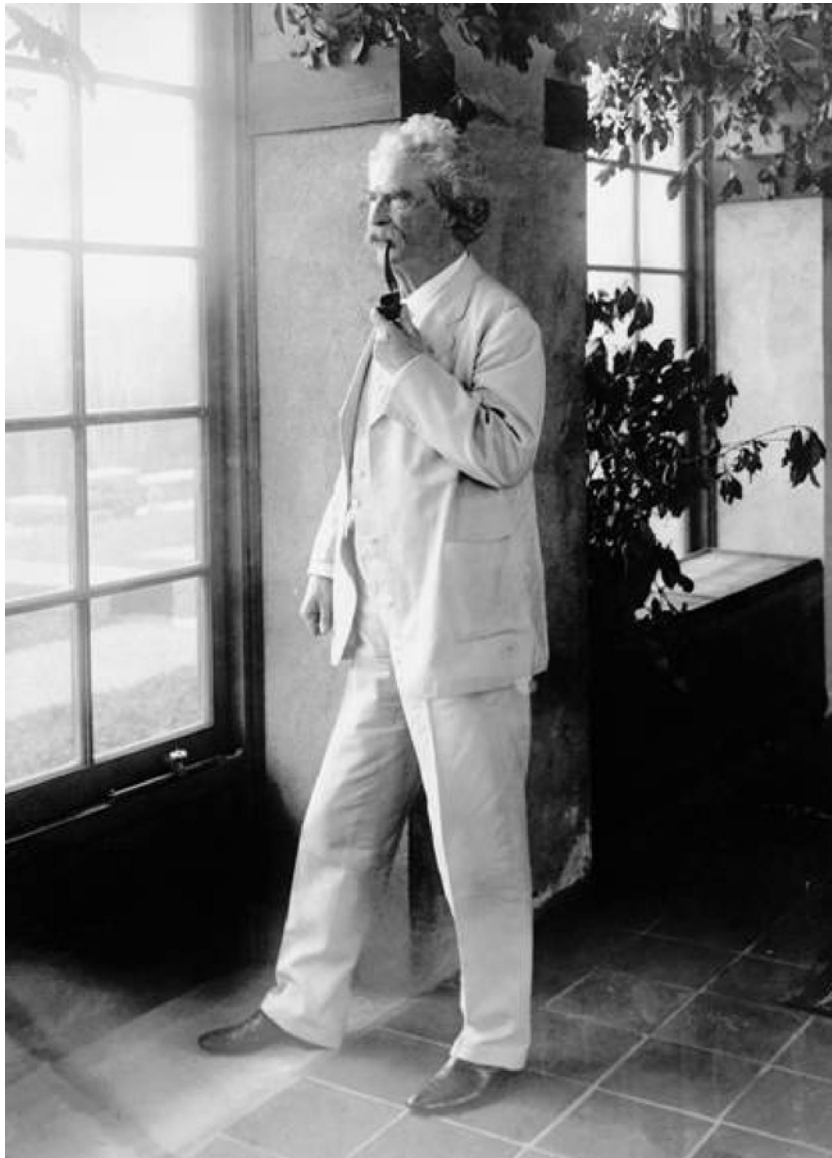
Итак, все, что в этой книге «интересно», — чужое. И даже Манделъштам у них не «свой». Остальное — грязь из «Щели». Но мой девиз: «Танки грязи не боятся».

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

БЕНА МАРКА ТБЕНА

יָאֵיטוֹי דְּוָא יִבְאָאָאֵבֶּוֹאֵיִי וָא דְאִיטוֹי עָאֵי עֵב יִבְדֵּיִאָאֵי וָאֵנֵי עָא

נְיִוֵי יִצְעָ

*Nyi pyé Eyá aróí Eéàí àí ñ (Ì adé Oááí).
Ì éṣṣ 1900 ááá*

Если задуматься об отличии викторианского музея от музея нашего времени, какая современная деталь приходит на ум первым делом? Оставим в покое выставочные стенды, сменившие то, что называлось «витринами» (стеклянные ящики на деревянных ножках); забудем о том, что картины теперь не подвешивают к карнизам в стиле рококо, что изменилась публика: вместо отдельных созерцателей — движущиеся толпы с наушниками в ушах. Главная разница — разросшиеся магазины в вестибюле: здесь почти любое сокровище из тех, что наверху, продается в виде факсимиле. Прошлое сдублировано в настоящем: за несколько долларов вы можете приобрести хананейскую масляную лампу из глины или статуэтку египетской кошки.

В одном из своих «вымыслов» Хорхе Борхес придумал человека, который написал современного «Дон Кихота», до буквы совпадающего с «Дон Кихотом» Сервантеса. Отличие, однако, разительное: если оригинальное произведение — сильный текст на языке, свойственном семнадцатому веку, то современный дубликат безнадежно архаичен. Или возьмем гипсовые отливки фигур из погибших Помпей: их формы хранил две тысячи лет слежавшийся вулканический пепел; вторично изваянные, они вдвое дальше от античной катастрофы, которую должны бы воспроизвести.

Идея факсимиле в наше время сама приобрела вулканическую мощь: то или иное приспособление способно вмиг отштамповать копию практически чего угодно. И все же между оригиналом и имитацией пролегает граница. Эта граница — история. Если вы покупаете в музее глиняную лампу, приносите домой и ставите на полку, то потом можете всю жизнь мечтать над ней, любовно гладить ее, воображая, что прикоснулись к прошлому, — но что это за прошлое? Ее история — литейная машина в

Ньюарке, штат Нью-Джерси. Любой оригинал несет в себе энергию своей современности. Когда я начищаю бабушкины медные подсвечники, я чувствую, как то же самое некогда делала ее рука, и дух ее сопровождает мою работу. Собираателям редких книг это чувство известно: прикосновение к старинному переплету, впитавшему свое время и дыхание своего первого хозяина.

Факсимильное издание — нечто совсем иное. Оно намекает на *Zeitgeist*^[1], давно испарившийся, но всего лишь намекает — и задачу вообразить прошлое возлагает на читателя, чего подлинное первое издание не требует. Первое издание старой книги — реликвия, фамильная ценность, настоящий пережиток прошлого; в сути своей и в материальности она и есть прошлое, осязаемый случай путешествия во времени. Факсимильное же издание, продукт машинного копирования, приводит нас в смущение: глаза и руки предков не знали его, как бы ни соблазняло оно нас вообразить обратное.

Смущение вот из-за чего. Любое доступное издание Марка Твена (а их десятки и десятки) обещает читателю личную встречу с американским классиком. А факсимильное издание Твена имеет целью вызвать совсем другое переживание — но не вызывает и не может вызвать. Прикоснитесь к факсимиле — и вы прикоснулись к совершенной технике фотокопирования; тут нет путешествия во времени. Вот я смотрю на факсимильное издание «Харпер энд бразерс»: «“Человек, который совратил Гедлиберг” и другие рассказы и очерки» Марка Твена, 1900 год. Шрифт крупный и ясный, поля просторные. На фронтиспise фотография Марка Твена с подписью «С. Л. Клеменс». Авторские права, как ни удивительно, принадлежат не С. Л. Клеменсу (или его псевдониму), а его жене Оливии Л. Клеменс. (Она умерла в 1904 году, на шесть лет раньше него.) В оглавлении — 15 произведений, указано, где они появились впервые; это некогда знаменитые журналы («Харперс», «Сенчури», «Космополитен», «Нью-Йорк уорлд», «Юс компанион», «Форум», «Макклор» и «Норт американ ревью»), из которых в узнаваемом виде уцелел только «Харперс». Несколько иллюстраций (художник не обозначен) с подписями, взятыми из текстов, хранят очарование девятнадцатого века — очарование мастерского и прочувствованного рисунка — и могут вызвать у нас ностальгию по давно умершей практике: каждый рассказ снабжен визуальной его интерпретацией. (Но от этой практики серьезные писатели устали и в конце концов уже не могли ее выносить. Генри Джеймс, например, запретил иллюстрации в нью-йоркском издании, а на фронтиспise велел поместить фото.)

Из «истории» факсимиле может предложить только список забытых журналов, дюжину старомодных рисунков и имитацию старого переплета. Остальное — работа читателя, а факсимильный том, хоть и претендует быть чем-то отличным от обычной книги, читается так же, как любое другое переиздание. С одной оговоркой. Стандартное переиздание предлагает вам текст — беллетристический или публицистический — и оставляет вас с ним, так сказать, наедине. А факсимильное издание, поскольку имеет целью создать иллюзию — как масляная лампа из сувенирного магазина в музее, — требует того, чего всегда требует иллюзия: подтверждения (или своего завершения) в убедительных фактах. Короче говоря, контекста или исторического фона.

Если я читаю «Человека, который совратил Гедлиберг» в нейтральном или скверном издании, я читаю его как знаменитый рассказ Марка Твена, оставаясь в границах его содержания. Но если я читаю тот же рассказ в амбициозном и даже красивом факсимильном варианте, внешнее вторгается в текст с неумолимостью компенсирующей силы. Факсимильное издание претендует на аутентичность, но прав назваться историческим объектом у него не больше, чем у лампы из музейной лавки. Без подтверждения археологов, которое поместило бы ее в исторический контекст, глиняный дубликат — это всего лишь позавчерашнее фабричное изделие. Без ситуации 1900 года — какой смысл имитировать издание 1900 года? Факсимиле требует хотя бы эскиза того мира, в котором родился оригинал; в этом — особая, настойчивая сила и секрет его физического воздействия на наши чувства. Факсимиле запрашивает историю.

«Человек, который совратил Гедлиберг» написан в 1898 году в Европе, конкретно — в Вене. Марк Твен переживал трагическую потерю: всего два года назад внезапно умерла от менингита его дочь Сьюзи, старшая из трех и, по-видимому, наиболее одаренная литературно. Беспокойство и горе погнали Твена и его семью — жену Ливи и дочерей Клару и Джин — в Англию, оттуда в Швейцарию и, наконец, в Вену, где они осели почти на два года. Клара училась игре на фортепьяно и вокалу у выдающихся венских преподавателей; Джин периодически и без особого успеха лечилась от эпилепсии. А Марк Твен волей-неволей был Марком Твеном за границей, то есть с ним носились и его перевозносили. Вена, как магнит, притягивала композиторов и исполнителей, драматургов и сатириков, ярких проповедников либеральных и авангардных идей. Марка Твена обхаживали габсбургские аристократы — графини и герцогини, дипломаты, журналисты, драматурги. Он выступал на пацифистских собраниях, написал в соавторстве две пьесы, в которых отстаивал равноправие женщин (пьесы не увидели сцены, и рукописи их не сохранились). Участвовал в благотворительных мероприятиях, выступая с чтением своих произведений. На одном таком собрании, в феврале 1898 года, присутствовал доктор Зигмунд Фрейд. В окружении великолепной архитектуры и статуй пышно цвела интеллектуальная жизнь.

Марк Твен с женой Оливией и дочерью Кларой в своем доме в предместье Лондона. 1900 год

Но была в Вене конца девятнадцатого века и другая сторона, изнанка. В Вене (и тогда, и позже) царил ярый антисемитизм. Те же движения души, благодаря которым был празднично встречен аншлюс[2] в 1938 году, а позже вызывающе избран президентом Австрии бывший нацист Курт Вальдхайм[3], столь же ярко и ядовито проявлялись в 1898 году, когда популярным мэром Вены был демагог Карл Люгер — Люгер, предварительная модель нацистской политики, буйно развившейся всего двадцатью пятью годами позже. В венской культурной элите времен Марка Твена были выдающиеся еврейские музыканты и писатели, и Твен дружественно влился в их среду; его дочь Клара вышла замуж за Осипа Габриловича, занимавшегося вместе с ней композитора и пианиста из российских евреев. Эти дружеские связи не ускользнули от внимания шумной антисемитской прессы, преподносившей Твена как еврейского прихвостня или даже скрытого еврея.

В 1898 году в европейской прессе — и в Париже, и в Брюсселе, и в Берлине, даже в Москве — шел жаркий международный спор: буря вокруг дела Дрейфуса выхлестнулась за границы Франции. Альфред Дрейфус, офицер-еврей, был облыжно обвинен в измене. Одну страну за другой раскалывала полемика между дрейфусарами и антридрейфусарами, а в Вене Марк Твен решительно отстаивал невиновность Дрейфуса. Золя опубликовал свою знаменитую статью «Я обвиняю» и спасся от тюрьмы, только сбежав в Англию. Это был год повального европейского отравления коварными формулировками, гнусными плакатами и карикатурами — ни одна страна не осталась незапятнанной.

В такой-то атмосфере и сел писать Марк Твен «Человека, который совратил Гедлиберг» — рассказ о том, как моральная отравка все шире расплзается по городу, покуда не достигнет всех жителей до единого. Никто не может утверждать, что дело Дрейфуса — заговор с целью осудить невиновного — прямо отразилось на рассказе о том, как целый город пал жертвой мести и собственной поголовной алчности. Но образ общества — даже такого микрокосма, как Гедлиберг, — все ниже соскальзывающего (житель за жителем) в пропасть этической извращенности, не так уж далек от портрета Европы, переживавшей эпидемию большой общественной лжи. Главенствующая тема «Человека, который совратил Гедлиберг» — именно распространение моральной заразы; а кроме того, фарисейство, сознание своей безгрешности, насквозь ложное.

Гедлибергская ложь заключается в том, что люди убеждены в своей честности; город оградил себя от моральной порчи, внушая «понятия о честности даже младенцам в колыбели», убрав с пути подрастающего поколения все соблазны, «чтобы честность молодых людей могла окрепнуть, закалиться и войти в их плоть и кровь»[4]. Однако отсутствие соблазнов — это всего лишь отсутствие случаев испытать свою праведность, и когда искушение наконец возникает в городе, ни один житель, несмотря на строгое воспитание, не может перед ним устоять. Бесчестная жажда денег охватывает город, сперва — почтенную пожилую чету, затем — девятнадцать «наименитейших» семей. История архетипическая, нечего и говорить: дьявол искушает как будто бы чистых, но оказывается, им свойственны те же изъяны, что и рядовому человеческому экземпляру. Фаустовская сделка: невинность в обмен на золото.

Первое чтение «Человека, который совратил Гедлиберг» — т. е. первое чтение сегодня, спустя век после того, как он написан, — разочаровывает: уж больно знакомый сюжет. Не в том дело, что знакомство вредит искусству — чаще оно обостряет восприятие. Один раз встретившись с «Гамлетом», глубже погружаешься в него во второй и в третий раз; то же самое и с «Иолантой». Но на «Гамлета» или «Иоланту» мы идем не ради фабулы. В последние несколько десятилетий Гедлиберг как аватара

разложившегося города возникал в рассказах Шерли Джексон («Лотерея») и И. Б. Зингера («Господин из Кракова»), в леденящей драме Фридриха Дюрренматта «Визит старой дамы». И не только в литературе: за сто лет с тех пор, как Марк Твен придумал Гедлиберг, размножившиеся адаптации сюжета (на радио, в кино, телевизионные и видео) высыпали на нас десятки гедлибергов и познакомили нас (и укрепили, конечно) с тем, как коварная личность исподволь разлагает идиллический город. Для нас Гедлиберг — скорее кинематографическое клише, затасканное до пародийности, и нам некуда деться от запоздалости (если воспользоваться критическим термином, вошедшим в обиход с легкой руки Гарольда Блума)^[5].

Но все это относится к первому чтению, когда на первый план выступают очертания самого сюжета. За узнаваемой фаустовской схемой — два оригинальных аспекта. Первый — личность искусителя. Гедлибергу, рассказывают нам, «однажды не посчастливилось: он обидел одного проезжего... по натуре своей этот человек был зол и мстителен».

«Проведя весь следующий год в странствиях, он не забыл нанесенного ему оскорбления и каждую свободную минуту думал о том, как бы отплатить своим обидчикам. Много планов рождалось у него в голове, и все они были неплохи. Не хватало им только одного — широты масштаба. Самый скромный из них мог бы сгубить не один десяток человек, но мститель старался придумать такой план, который охватил бы весь Гедлиберг так, чтобы никто из жителей города не избежал общей участи. И вот наконец на ум ему пришла блестящая идея. Он ухватился за нее, загоревшись злобным торжеством...»

Наа о аїт а І адеа Оааї а а оїї і-ііе еїї і ої а Еаеїо аї еїео аааї. І еоїа І ааеїа Оаааоаеїї аї сїї еїї І еаеїїу Ааїо оеї

Больше ничего мы не знаем об оскорбленном чужаке и больше ничего не узнаем. (Тут иллюстратор изобразил злорадную личность в пальто, цилиндре и галстуке, потирающую руки и зацепившую ноги за ножки стула. Уши, нос и подбородок выразительно заострены, и почти ждешь, что из-за стула выглянет заостренный хвост.) Ни о характере обиды, ни о конкретном обидчике не сказано ни слова. Это заставляет думать о демиурге, ненавидящем человеческий род просто за его независимое существование, тем более когда существование это облагорожено моральным усилием; дьяволу не надобно никаких мотивов. Могучий владыка большого и густо населенного царства, он не нуждается в мести. Первое и последнее побуждение демиурга определяется его ненасытностью: увеличить свое царство, залучить все больше и больше душ. Мечь — очевидно, человеческая черта, не дьявола; поэтому мы можем заключить, что «проезжий» по природе не отличается от граждан Гедлиберга, что мстительный чужеземец и честный туземец в потенции и в итоге ситуации идентичны.

В самом деле, под конец, когда Гедлиберг полностью совращен, нет никакого смысла выбирать между мстительным замыслом каверзника и алчными мечтами горожан, замысливших разбогатеть с помощью лжи. Состязается не дьявол с человеком, а человек с человеком. И это не столько состязание, сколько слияние. Другими словами, нам, возможно, дают понять, что все граждане Гедлиберга — «проезжие», чужаки — чужие самим себе. Они считали себя чем-то одним — чистыми сердцем, закаленными и забронированными честностью, а выясняют, что они совсем другое: подверженные порче, падшие, полностью разоблаченные.

Так совратитель Гедлиберга не дьявол? А если нет, тогда и фаустовской схемы нет? А вместо нее — словесный эквивалент оптической иллюзии, когда видишь отчетливо и ясно две разные фигуры, но не в один и тот же момент? Почти каждому случалось видеть ускользающую вазу, которая вдруг показывается в виде пары силуэтов, и тут же человеческие профили необъяснимо исчезают, а на их месте оказывается ваза. Не на таком же ли эффекте основан замысел твеновского рассказа? Что контуры развратителя неотделимы от контуров развращенных, что они суть одно — нерасторжимо и жутко слиты, — но нашему взгляду не дано ухватить их одновременно? Гораздо более тонкая выдумка, чем фаустовский каркас, на котором, как было принято думать, строится рассказ Марка Твена.

С другой стороны, искушитель Гедлиберга (независимо от того, замыслен он как мефистофельская фигура или нет) обладает еще одной отличительной чертой — мы легко ее улавливаем, и это вторая оригинальная особенность рассказа. Чужак получает удовольствие от манипуляции словами: соискатель богатства должен воспроизвести определенные фразы, воспроизвести точно, до буквы. Мешок оставлен в доме четы Ричардсов, и к нему приложено объяснительное письмо. Письмо отнюдь не короткое, у него свой сюжет, траектория, устремленная к кульминации; оно обещает не меньше, чем зачин сказки. Согласно письму, в мешке «лежат золотые монеты общим весом в сто шестьдесят фунтов четыре унции». Он должен быть отдан неизвестному жителю Гедлиберга в благодарность за одну услугу. Даритель когда-то был игроком, но исправился после того, как неведомый горожанин дал ему двадцать долларов и сказал нечто, спасшее «остатки моей добродетели». Личность этого человека, говорится в письме (а мы с самого начала узнали, что все в нем сказанное — вымысел), «вы установите по тем словам, с которыми он обратился ко мне. Я убежден, что они сохранились у него в памяти».

Таким образом, это повествование закручено вокруг набора слов — фиктивных, выдуманных слов. Сюжет стремительно развивается, все усложняясь, громоздя анекдот на анекдот, и вскоре становится ясно, что «Человек, который совратил Гедлиберга» — не столько о золоте, сколько о языке. Фраза почти «правильная» сочтена мошеннической; в результате все варианты неведомого напутствия оказываются ложными, подрывают репутацию города и разоблачают его бесчестность. А в конце концов и звонкая монета превращается в слова в виде надписей на чеках. Это сам язык, пусть ставший объектом комедии, предъявлен как опасность, как проводник алчности, позора, греха и смехотворной суетности.

*Έρεβνο δάβου εϋϊάδατ᾽ ἐϋάτ᾽ ἐϋ ἐϋᾶ Ἰ ἀδὲά Ὀάατ᾽ ἄ «χᾶετᾶε, ἐϋοτῶνε πᾶδαοῦε Ἀάεεᾶάδᾶ.
Ἐϋᾶο ἀεῖνῶ ἄτ «Harper Collins».
Ἀεᾶάδῶι 1899 ᾶ ᾶᾶ*

И это, возможно, возвращает нас к дьяволу. Почему бы и нет? Дьявол и его обиталище занимали Марка Твена с ранних лет творчества и до конца, и дьявол — определенно герой «Таинственного незнакомца» (повести, тоже начатой в Вене), где он появляется под именем Траума (что на немецком означает «Сон» или «Мечта»). Сатана горазд на выдумки, но выдумки его — человеческие кошмары, и поэзия его разрушительна. С его точки зрения (и кто отделит ее от метафизического смеха Марка Твена?), дьявол — писатель, а совратитель Гедлиберга — бездушная личность, понимающая, что слова могут нести больше ужаса и рождать больше злорадства, чем желанный мешок с сокровищем, даже в спасительном свете комедии.

Коль скоро мы вернулись к дьяволу и его обиталищу, мы возвращаемся также и к Вене. Ближе к концу 1897 года Марк Твен послал в журнал «Харперс» четыре корреспонденции под намеренно расплывчатым названием «Беспокойное время в Вене». Речь в них шла о сессиях парламента Габсбургской империи, называвшейся тогда Австро-Венгрией. Австро-Венгрия состояла из девятнадцати национальных анклавов; она просуществовала в таком составе пятьдесят один год и распалась после первой мировой войны. Парламент находился в Вене, заседания велись на немецком языке (официальном языке империи), и в изображении Марка Твена он предстает как разношерстный Гедлиберг, не просто зараженный алчностью, а впавший в состояние хаоса и распри. Граждане Гедлиберга именуются единообразно Ричардсами, Берджесами, Гудсонами, Уилсонами и Билсонами, при этом их интересы так антагонистичны, как будто у них нет ничего общего. В австрийском парламенте ничего общего заведомо нет: родные языки членов — польский, чешский, румынский, венгерский, итальянский, немецкий и т. д. и пестрота фамилий соответствует лоскутности империи. В декабре 1897 года предмет разногласий — язык. Чехи требуют,

чтобы официальным языком Богемии был признан чешский вместо немецкого; правительство (т. е. партия большинства) согласно. Но немецкоговорящие австрийцы — они составляют всего четверть населения страны — возмущены и решительно не позволяют властям заняться какими-либо другими делами — включая Ausgleich, договор о конфедерации Австрии и Венгрии, который должен был пересматриваться каждые десять лет, — пока в Богемии не восстановят главенство немецкого языка.

Аналогия с Гедлибергом не случайна. И здесь коренной вопрос — о языке. В Гедлиберге девятнадцать именитых семей — участники позорной возни; в австрийском парламенте — представители девятнадцати народов. И точно так же, как состязаются с яростью именитые граждане Гедлиберга, так же сражаются австрийские парламентарии. «Вообще говоря, все народы империи ненавидят власть, — но они ненавидят и друг друга, увлеченно и горячо; никакие два не способны объединиться; если один хочет возвыситься, то возвышается в одиночку». И если мы можем разглядеть в Гедлиберге распадающуюся Австро-Венгрию 1890-х, то, конечно, разглядим и распад Югославии в 1990-х. Гедлиберг может быть символом имперского парламента в Вене за семнадцать лет до выстрела в Сараево в 1914 году, и тем более в нем можно усмотреть предзнаменование Сараево конца двадцатого века.

Есть, однако, разница — разница в репортажах, твеновских о Вене и современных из Боснии, и она не совсем такая, как можно было бы ожидать. В факсимильном томе — две столетней давности фотографии. На одной — парламент снаружи, на другой — буйная сцена внутри. Здания парламента вытянулись, кажется, на три или четыре квартала, величественные, как императорские дворцы. Интерьер же — «обшитый панелями просторный зал с легкими желобчатыми колоннами необычайного изящества и благородства, мягко и холодно освещенными электричеством» — заполнен толпой ожесточившихся крикунов, и многие из них колотят по своим столам досками. Фотографии, естественно, статичны и безмолвны, и в том, что касается передачи новостей, мы, возможно, склонны ощущать свое техническое превосходство над поколением, которое вынуждено было обходиться без CNN, Court TV и текстов Питера Арнетта[6]. У Вены 1897 года был только Марк Твен, но воображение подсказывает нам, какой из способов передачи информации действеннее. Какой репортер при поддержке «блестящей работы оператора» может дать такой пронизательный портрет польского министра-президента в парламенте?

«Это седой, высокий, стройный человек с бледным длинным лицом, которое в моменты покоя напоминает посмертную маску, но стоит ему оживиться, как его морщит подвижная, беспокойная улыбка; она меняет выражение, и за ней нелегко уследить — набожная, просящая, умоляющая улыбка; когда она возникает, открывается рот, послушные губы сминаются, расправляются и снова сминаются, с убеждающим, приветливым, кротким выражением, на миг открывая обилие зубов, и тогда священническое вдруг исчезает, в абрисе улыбки проступает светское, политичное и сатанинское».

Что до остальных участников ассамблеи, они «религиозные люди, они серьезны, искренни, преданы своему делу и ненавидят евреев».

Корреспонденции Марка Твена приходили в Нью-Йорк, не подвергаясь вмешательству. Над имперской прессой тяготела вязкая и капризная цензура, так что читатели «Харперса», возможно, были лучше осведомлены о деградации якобы демократического парламента, чем граждане Австрии и остальных восемнадцати равноправных провинций. Тактика оппозиции — т. е. германцев, не желавших предоставить чехам право на их собственный язык, — поначалу была пристойной, парламентской по форме, когда героический депутат занимался обструкцией, не переставая говорить двенадцать часов. Но при первых словах председательствующего декорум мгновенно отброшен, раздаются крики, стук длинных досок по столам, угрозы и ругань на редкость вульгарного свойства. (Заседают там князья, графы, бароны, священники, адвокаты, судьи, врачи, профессора, купцы, банкиры, а также — «выдающийся специалист по религии доктор Люгер, бургомистр Вены».) В тоне этих словоизвержений слышится что-то до жути знакомое, как будто записи венских звуков 1938 года переброшены в прошлое, на сорок лет назад. «Германцы Австрии не сдадутся и не умрут!» «Прискорбно, что такой человек [он согласен придать чешскому языку официальный статус] — в числе руководителей германского народа, он позорит имя немцев». «И эти бессовестные создания возглавляют Германскую народную партию!» «Ты еврей, вот ты кто!» «Я скорее сниму шляпу перед евреем!» «Еврейский лизоблюд! Мы десять лет сражались с евреями, а вы помогаете им опять захватить власть. Сколько вам заплатили?» «Ты, Иуда!» «Шмуль-Лейб Коган! Шмуль-Лейб Коган!»

Αεααααε Ααα Οαα, ιηαγυαα ινα αααο Αααααααα: «Εααεαα Ααααααα Ααααααα», «Υαααααα», «Ιεεαααεε Ααααααα Ιεεαα», «Αααααα Εααααε, αααεαααεε Ααααααα, ε ιεεαααεε Ιεεαα». 1930 ααα

Но так может создаться несколько однобокое представление о дискуссии. Обзывать оппонентов евреями — возможно, самое грубое оскорбление в арсенале этих князей, графов, баронов, судей и т. д., но не самое изобретательное. Встречаются еще такие: «Рыцарь борделя!» «Восточногерманский мешок с требухой!» «Позорный вшивёнок!» «Трусливый пустобрех!» — наряду с более бледными эпитетами, такими, как «польский пес», «жалкая дворняга» и «Die Grossmutter auf dem Misthaufen erzeugt worden»^[7] (которое Марк Твен отказался переводить с немецкого).

Короче говоря, парламентские беспорядки, которые вскоре перерастут в уличные беспорядки. В четвертом и последнем репортаже описывается прибытие сил правопорядка: «Теперь мы видим то, о чем еще пять веков будет рассказывать история: отряд загорелых, крепких мужчин в мундирах и касках двумя колоннами входит в зал заседаний — свободный парламент осквернен вторжением грубой силы!.. Они поднялись по ступеням на подиум, похватили неприкосновенных представителей народа и потащили, поволокли их вниз по ступеням и вон из зала».

«Память об этом, — заключает Марк Твен, отбросив едкость, — переживет все монархии, существующие ныне. Во всей истории свободных парламентов подобное случалось только трижды. И нынешнее займет впечатляющее место в ряду незабываемых мировых событий».

Он и прав и не прав. Не прав, потому что венский парламентский скандал в декабре 1897 года напрочь забыт; помнят о нем только специалисты-историки да читатели малоизвестной прозы Марка Твена. А прав потому, что это не только предвещает памятные венские бесчинства 1938 года, но и до сих пор бьет нам в нос их скверным ароматом, специфическим для двадцатого века. Тут не дежа вю, а его пророческая противоположность. Или, иначе говоря, двадцатилетний уличный дебошир марк-твеновской Вены легко превращается в шестидесятилетнего нациста, празднующего аншлюс в Вене.

Непосредственно за вводом милиции в парламент правительство «рухнуло с треском, раз или два на улицах буянил народ, три или четыре дня были большие беспорядки в Праге, после чего там ввели военное положение. Евреев [по большей части они были немецкоговорящими] и немцев травили и грабили, их дома разрушали; в других городах Богемии тоже шли бесчинства — иногда бесчинствовали немцы, в других случаях — чехи, но и там и там доставалось еврею, независимо от того, на чьей он был стороне».

Все это творилось в то время, когда в Европе кипели страсти вокруг Дрейфуса. Марк Твен жил, если можно так выразиться, над самым костром и не мог не заметить, как дают жару евреям. В результате через несколько месяцев после парламентских репортажей, в марте 1898 года, он напечатал в «Харперсе» своего рода продолжение «Беспокойного времени в Вене» — статью «Касательно евреев». Отчасти полемика, отчасти укор, отчасти внутренне противоречивый панегирик, статья эта была продиктована благородными побуждениями, но получилась глупой и вредной для подзащитных. Лондонская «Джуиш кроникл», к примеру, откликнулась на нее так: «Про всех этих защитников мы можем сказать только: “Упаси нас, небо, от наших друзей”». (В Соединенных Штатах в 1930-х годах пронацистские группы и другие антисемиты ухватились за отдельные фрагменты статьи, чтобы подкрепить всеамериканской подписью свои усилия, направленные на разжигание ненависти.)

Марку Твену было известно, что поклонники еврейского классика Шолом-Алейхема называют его «еврейским Марком Твенем». С Твенем его роднит горьковатый юмор и глубокий гуманизм. Он изображал нищую жизнь еврейских местечек так же верно и прочувствованно, как Марк Твен — жизнь провинциальных городков на американском юге. Оба были больше известны под своими псевдонимами, чем под настоящими именами; оба отстаивали свободу угнетенных; обоих жадно читали простые люди, «народ», и оба были беспрецедентно популярными литературными героями. Шолом-Алейхем наверняка читал Марка Твена (возможно, в немецких переводах), но Твен вряд ли читал Шолом-Алейхема. Имей он хотя бы отдаленное представление о социальном содержании прозы Шолом-Алейхема, статья «Касательно евреев» обошлась бы без одной очень существенной побасенки. Чтобы избежать ее и увидеть реальное и типичное положение массы местечковых евреев Европы, Марку Твену надо было только оглянуться на еврейское население у себя под боком — в австро-венгерской Галиции. Но вместо этого он оглядывался на старые враждебные мифы.

Да, «Касательно евреев» помнят (главным образом, вероятно, те, кто статьи не читал) как очаровательно филосемитское произведение. Это мнение подкрепляет единственная — и знаменитая — острота: «Мне достаточно знать, что человек принадлежит к людскому роду — хуже этого о нем сказать нечего». Мы можем верить Марку Твену — и верим, — когда он заявляет, что в своих книгах ни разу «не отозвался невежливо» о евреях, поскольку «не имеет к этому склонности».

До определенного момента склонности действительно нет, и тому есть много подтверждений. Любопытный научно-фантастический очерк под названием «Из “Лондонской таймс” за 1904 год» написан примерно в то же время, что и «Касательно евреев». В нем «изобретен» «телэлектрофоноскоп» — телевидение, а по существу это осмеяние «французского правосудия», зарекомендовавшего себя наказанием невиновного Дрейфуса, и если язвительная сатира может быть восхитительной, то это как раз такой случай.

Склонность не наблюдается и в других, менее политических высказываниях. Еврейская отзывчивость, еврейская щедрость, ответственность — все это признается — пока что. Факты, утверждает Марк Твен, «все говорят в пользу того, что еврей — хороший и законопослушный гражданин. В сумме они подтверждают, что он спокоен, миролюбив, усерден, не склонен к тяжким преступлениям и разного рода жестокостям, что он похвальный семьянин, что он не обременяет благотворительные учреждения, что он не попрошайка, что в доброжелательности ему нет равных. Это существеннейшие качества хорошего гражданина».

За этим следует еще одна похвала: еврей честен. Доказательство этого: «основа успешного бизнеса — честность; бизнес не может процветать, если участники его не доверяют друг другу». Кто не согласится с этим обобщением? Добавим к словам о еврейской честности шутку о «еврейских мозгах» в письме американскому другу из Вены в 1897 году: «Разница между мозгами среднего христианина и среднего еврея <...> приблизительно такая же, как между мозгами головастика и архиепископа». Мы можем посмеяться шутке, но пусть это будет смех с оглядкой: за евреем, говорится далее в статье, «закрепилась репутация человека, склонного к разнообразным формам мелкого обмана <...> к заключению хитрых контрактов с лазейкой для себя и безвыходных для партнера, для ловких уверток, обеспечивающих ему неуязвимость в соответствии с буквой закона, когда суд и присяжные прекрасно понимают, что нарушен дух его». Ничего из этого Марк Твен не опровергает. Вот такой у него честный еврейский бизнесмен. И такая похвала «еврейским мозгам», которая приводит нас прямо к «хитрым контрактам», к «ловким уверткам» и старинному-старинному христианскому представлению, что иудаизм озабочен «буквой», а не «духом».

Однако главный двигатель статьи — тезис более широкого свойства. «Во всех странах, — говорит Марк Твен, — с глубокой древности еврея упорно и неукротимо ненавидели и часто преследовали». С глубокой древности? Если так, то почему? Не потому, что еврея две тысячи лет винят в распятии Христа, «причина этого более древняя» и заключается в предполагаемых экономических талантах еврея. Теология тут ни при чем — во всяком случае, теология Евангелий, апостола Павла и Августина. Значит, оставим в покое распятие, проникнем еще глубже за завесу, в туман еще более древней истории, и возложим вину на Йосефа в Египте — прислужника Йосефа, «который отобрал у народа все деньги, до последнего гроша». Вот он, образец «еврея»! «Я убежден, — настаивает Марк Твен, — что в преследовании еврея религиозные предрассудки не играют большой роли». А вот в чем усматривает он корень проблемы:

«Нет, еврей — стяжатель; в добывании денег он является очень серьезным препятствием для своих менее способных соседей, преследующих ту же цель... В оценке мирских благ еврей не поверхностен, а глубок. Издревле наделенный мудростью, он на заре времен осознал, что одни люди ищут высокого положения, другие поклоняются героям, третьи поклоняются власти, четвертые — Б-гу, и по поводу этих идеалов спорят и не могут прийти к согласию, — но все они поклоняются деньгам. Поэтому задачей и целью своей жизни он сделал приобретение их. Этим он занимался в Египте тридцать шесть столетий назад; этим занимался в Риме... и занимается по сей день. Обходится это ему дорого; его успех сделал весь род человеческий его врагом, но это окупилось, потому что он вызывает зависть, а она — единственное, за что человек готов продать и душу, и тело».

CONCERNING THE JEWS.

DATELINE: September 1899
SOURCE: Harper's New Monthly Magazine

By MARK TWAIN

YEARS AGO I USED TO THINK that [fanaticism] was responsible for nearly all of [the persecution of Jews], but latterly I have come to think that this was an error. Indeed, it is now my conviction that it is not responsible for hardly any of it. ...

May I assume, then, that the persecution of Jews is a thing which *antedates* Christianity and was not born of Christianity? I think so. ...

I feel convinced that the Crucifixion has not much to do with the world's attitude toward the Jew; that the reasons for it are older than that event, as suggested by Egypt's experience [as described in the Bible] and by Rome's regret for having persecuted an unknown quantity called a Christian, under the mistaken impression that she was merely persecuting a Jew. ... I am persuaded that in Russia, Austria, and Germany nine-tenths of the hostility to the Jew comes from the average Christian's inability to compete successfully with the average Jew in business—in either straight business or the questionable sort.

In Berlin a few years ago, I read a speech which frankly urged the expulsion of the Jews from Germany; and the agitator's reason was as frank as his

LOOKING BACK

proposition. It was this: that eighty-five per cent. of the successful lawyers of Berlin were Jews, and that about the same percentage of the great and lucrative businesses of all sorts in Germany were in the hands of the Jewish race!

Isn't it an amazing confession? It was but another way of saying that in a population of 48,000,000, of whom only 500,000 were registered as Jews, eighty-five per cent. of the brains and honesty of the whole was lodged in the Jews. ...

The man claimed that in Berlin the banks, the newspapers, the theatres, the great mercantile, shipping, mining, and manu-

facturing interests, the big army and city contracts, the tramways, and pretty much all other properties of high value, and *also* the small businesses—were in the hands of the Jews. He said the Jew was pushing the Christian to the wall all along the line; that it was all a Christian could do to scrape together a living; and that the Jew must be banished, and soon—there was no other way of saving the Christian. ...

You note the crucial point of the mentioned agitation; the argument is that the Christian cannot compete with the Jew, and that hence his very bread is in peril. ...

To conclude.—If the statistics are right, the Jews constitute but *one per cent.* of the human race. It suggests a nebulous dim puff of star dust lost in the blaze of the Milky Way.

Properly, the Jew ought hardly to be heard of; but he is heard of, has always been heard of. He is as prominent on the planet as any other people, and his commercial importance is extravagantly out of proportion to the smallness of his bulk.

His contributions to the world's list of great names in literature, science, art, music,

finance, medicine, and abstruse learning are also away out of proportion to the weakness of his numbers.

He has made a marvelous fight in this world, in all the ages; and has done it with his hands tied behind him.

He could be vain of himself, and be excused for it.

The Egyptian, the Babylonian, and the Persian rose, filled the planet with sound and splendor, then faded to dream-stuff and passed away; the Greek and the Roman followed, and made a vast noise, and they are gone; other peoples have sprung up and held their torch high for a time, but it burned out, and they sit in twilight now, or have vanished.

The Jew saw them all, beat them all, and is now what he always was, exhibiting no decadence, no infirmities of age, no weakening of his parts, no slowing of his energies, no dulling of his alert and aggressive mind.

All things are mortal but the Jew; all other forces pass, but he remains.

What is the secret of his immortality? (Public Domain)

After comment from readers, Twain later modified some of his critical views about Jews. Clara, his daughter, married the Jewish pianist and conductor Osip S. Gabrilovitch.

The centenary of Twain's death was marked on April 21.

"Looking Back" reprints articles about events or issues in the past which have a renewed significance in our day.

Topics have been selected and edited by the JEWISH STAR, and appear exclusively in these pages.

Очерк Марка Твена «Касательно евреев», напечатанный в сентябре 1899 года в журнале «Harper's New Monthly Magazine»

Читая приведенное выше, невольно думаешь, что оно чудесно прошло бы в австрийском парламенте 1897 года, не говоря уже о венских улицах. Это смешно до слез. Марк Твен писал о еврей-стяжателях в то время, когда бедные евреи набивались в каюты четвертого класса и сотнями тысяч уплывали за океан — бежали от экономической безнадёжности; когда жалчайшая нужда была уделом большинства евреев, когда в еврейской литературе, в еврейском фольклоре и еврейском юморе «бедный» было синонимом «еврея». Тут является Марк Твен и сообщает, что «коммерческая важность еврея находится в вопиющей диспропорции с его численностью». Он мог бы привлечь внимание горькие свидетельства евреев Шолом-Алейхема, или лишения галицийских евреев, можно сказать, под боком у Вены, или невзгоды российских евреев, запертых за чертой оседлости. Или у себя на родине присмотреться к реальному положению тех мелких лавочников, чьи фамилии он видел на вывесках (всех этих Эдельштейнов, Блюменталей, Розенцвейгов), отмечая при этом, что «коммерческая важность» означает железные дороги, банки, шахты, страховое дело, сталь, судоходство, недвижимость и т. д. и т. п. — отрасли экономики, где ему трудно было бы найти хоть одного еврея-хозяина.

Как бывает, он не принял во внимание почти ничего из этого и, откинув теологию, некритически принял старинное теологическое измышление: через тридцать иудиных сребреников идею особого еврейского сродства с деньгами — миф о богатом еврее, еврее-ростовщике. Само использование родового термина «еврей» предполагает клеймо. И выясняется, что в сердце этого эссе, считающегося «филосемитским», — старые мифы, вытасченные на обозрение американцам. Марк Твен сказал, что у него нет склонности к клевете. Было бы неправильно игнорировать это заявление; но, вероятно, справедливее было бы предположить, что он не был склонен и не имел навыка проявлять осторожность в суждениях. Он ничего не знал о еврейской литературе и законности, о громадной интеллектуальной традиции комментирования Библии; он воспринял историю Йосефа примитивно, как воинственный деревенский атеист, и использовал для экономического обвинения точно так же, как распятие использовалось для религиозного.

Тем не менее он был способен отказаться от измышлений, если кто-то помог ему обнаружить правду. Еврея, писал он, «обвиняют в непатриотизме, в нежелании нести воинскую службу». «Вы питаетесь этой страной, но не хотите за нее сражаться», — и предлагает делом опровергнуть это обвинение. Однако к статье приложен удивительный постскрипtum «Еврей как солдат», где на примерах американской революции, войны (за независимость) 1812 года, войны с Мексикой и особенно Гражданской войны рассказывается о «верности» и «воинской доблести» евреев. Замечательно тут не само опровержение вымыслов, а принцип, извлеченный из него: «Недопустимо подкреплять предположения ходячими сентенциями». Именно этим, несмотря на противоположную задачу, характеризуется в целом статья «Касательно евреев» — ходячими сентенциями, подкрепляющими предположения. Достаточно сравнить ее с «Современными погромщиками», очерком из книги Джордж Элиот «Впечатления Теофраста Такого-то», опубликованной за двадцать лет до ходячих сентенций Марка Твена, и станет ясно, насколько содержательнее может быть очерк о евреях, посвященный тем же вопросам, на которые отвечал Марк Твен.

Двадцатимесячное пребывание Марка Твена в Вене было одним из самых плодотворных периодов в его писательской биографии. Пятнадцать коротких произведений, включенных в книгу 1900 года «Человек, который совратил Гедлиберг и другие рассказы и очерки», — лишь часть написанного в этот период, но они демонстрируют весь арсенал его искусства: лихую полемику, презрительную иронию, умный смех, разящее остроумие, грубоватый деревенский юмор, яростное отчаяние, скрытую издевку, удовольствие от болтовни и небылиц, жадный интерес к земному, блестящие языковые вылазки — иногда с разведывательно-разрушительной целью, иногда, чтобы показать свое изумление или восторг перед великолепием людских странностей; чаще всего ради ненадежной силы рассказа. Ничего чрезмерно тривиального, ничего чересчур глубокомысленного. И часто тривиальное с глубокомысленным перемешаны, как в Гедлиберге, где воспроизведение дюжины заученных слов обнажает залежи обмана. Или даже в шуточной заметке «Мои мальчишеские мечты», где он дразнит таких знаменитостей, как Уильям Дин Хоуэлс^[8] и Джон Хэй (Государственный секретарь в 1898 году), тем, что они не осуществили свои детские мечты: первый — стать аукционистом, второй — помощником капитана на пароходе, притом что обе — смешная выдумка Твена. Но и этот игривый набросок начинается с горького упоминания об униженном Дрейфусе.

В прозе Марка Твена нельзя долго полагаться на «шутливость» — то, что начинается с озорного прищурения или с джокондовской полуулыбки, нередко заканчивается пророческим гневом. «Моя первая ложь и как я из нее выпутался» начинается с подмигивания, с булавки в пеленке, но настоящая тема статьи: равнодушие к несправедливости — «молчаливого согласия в том, будто ничего не происходит такого, что вызывало бы беспокойство или заслуживало интереса гуманных и разумных людей»^[9]. От рабовладения до Дрейфуса скачок всего в один абзац: «С самого начала дела Дрейфуса и вплоть до его завершения вся Франция <...> была окутана густой пеленой лжи, молчаливого утверждения, что никто не совершает несправедливости по отношению к затравленному и ни в чем не повинному человеку». А от Дрейфуса далеко ли до «молчаливой Национальной Лжи», «опоры и пособницы всех тираний, всех обманов, всяческого неравенства и несправедливости»? Надо быть настороже, когда тема Марка Твена кажется до крайности простой или безобидной: не успеешь оглянуться, как тебя обдаст жаром морального негодования.

Зарисовки, притчи, диатрибы. За восемь месяцев до своей смерти в 1910 году он признавался: «Я полон злобы, злобность переполняет меня». За двадцать один год до этого в письме Хоуэлсу он писал, что ему нужно «перо, разогретое в адском огне». Однако в этом томе остальные произведения повествуют — более или менее кротко — о художниках, которых не хотят знать при жизни и возносят только после смерти («Жив он или умер?»), о спутнике в поездке по железной дороге, ведущем непреклонную борьбу с любым беспорядком («Путешествие с реформатором»), об известном изобретателе, которому правительство приказывает преподавать в начальной школе («Австрийский Эдисон снова отправлен в школу»). Но это еще не всё — есть вполне жизнеутраченные рассказы и очерки. В «Частной истории рассказа “Прыгающая лягушка”» Марк Твен не только приводит якобы древнегреческую версию байки, но и собственный буквальный перевод французского перевода рассказа (выдуманного и нелепого). «Как рассказывать историю» напомнит читателю о страшных ночных рассказах в летнем лагере, а «Роман эскимосской девушки» — непринужденно комическая лекция об относительной природе богатства — вряд ли была бы благосклонно принята в нынешней политкорректной аудитории. В «Сценической игре» сравнивается серьезная драма в Вене с фривольными выдержками из нью-йоркского театрального объявления от 7 мая 1898 года. Бродвей (несмотря на технический прогресс) оказывается ничуть не более значительным и утонченным. «Лечение аппетита», где голодание представлено как залог здоровья, — причудливое сочинение, отразившее веру Марка Твена в пользу воздержания от пищи. Здесь шутки грубые и жестокие, с тевтонским душком легкого садизма. Но самый волнующий — и самый поразительный в этом томе — очерк из реальной жизни «Мой дебют как литературной персонь» о настоящем голоде, в море, в шлюпке, после кораблекрушения. Марк Твен скромно обозначил его как журналистский материал, но по силе, страсти, выразительности и напряжению это один из его шедевров.

Все эти произведения — иные легковесные, как скетчи, иные серьезные и глубокие, как романы, — написаны или начаты в Вене, мировой столице, обуреваемой ранним модернизмом, насыщенной музыкой и театром, населенной гигантами культуры (назовем хотя бы Зигмунда Фрейда и Теодора Герцля), чье влияние до сих пор ощущает мир, управляемой негодьями (двое из них были кумирами Гитлера), а иногда — толпой; в обществе, блестящем до крикливости, высоко цивилизованном, цветущем, но также и бесстыдным, грубом. Отчасти — рай, отчасти — обиталище дьявола. Странный фон для писателя, выросшего в Ганнибале, штат Миссури. Но в Вене Марк Твен был близок к пику того, что он назвал «злостью», и Вена подвернулась кстати.

Вместе с Дрейфусом в Париже она дала ему перо, разогретое в адском огне.

Ἰδὲ καὶ τὴν αἰσθητικὴν Ἀεὶοῦδα Ἀλεξίου

[1]. *Дух времени (нем.).*

[2]. *Аншлюс — захват Австрии нацистской Германией 11–12 марта 1938 года.*

[3]. *Курт Вальдхайм (1918–2007) — федеральный президент Австрии (1986–1992 годы).
Генеральный секретарь ООН (1972–1981 годы).*

[4]. *Цитаты в переводе Н. Волжиной.*

[5]. *Этим словом американский критик Гарольд Блум охарактеризовал трудное положение поэта, который знает, что прошлые поэты сказали все, что можно, на данную тему, не оставив места для нового творчества.*

[6]. *Питер Арнетт — американский тележурналист, прославившийся репортажами из горячих точек.*

[7]. *Бабушка, рожденная в навозной куче (нем.).*

[8]. *Уильям Дин Хоуэлс (1837–1920) — американский писатель и критик.*

[9]. *Перевод А. Барановой.*

МОЖНО ТОЛЬКО ПОЗАВИДОВАТЬ!

Oréii -Áéáéóii

Сколько стоит на земле Касриловка, никто не упомнит таких похорон, как похороны кантора реб Мейлаха.

Реб Мейлах был голодранцем и бедняком, таким же нищим, как и прочие жители Касриловки, заслужил же он такие похороны, потому что умер во время неилы — молитвы, заключающей Йом Кипур.

А так умереть дано только праведнику, большому праведнику.

Солнце уже клонилось к закату. Прощаясь с Касриловкой, оно заглядывало в окошки старой молельни, высвечивало бледные изможденные лица молящихся, похожих на живых мертвецов, их желтые талесы и белые китлы.

Голод — что голод, его эти живые мертвецы уже давно не чувствовали. Но как покидают их силы, как уходит их жизнь, они чувствовали. Покачиваясь, не отрывая глаз от праздничных молитвенников, они подпевали кантору реб Мейлаху и взбодрились, нюхая нашатырь или табак.

Кантор реб Мейлах, патриархального вида длиннородый еврей, с раннего утра стоял у амвона перед Владыкой мира, воздев руки, и истово молился — рыдал, умоляя Его смириться над людьми, которые назначили его своим заступником, ходатаем, простить им их великие прегрешения и даровать добрый год.

На такого ходатая, как реб Мейлах, прихожане старой молельни, слава Б-гу, могли положиться.

Перво-наперво голосище у него был такой, что стоило ему открыть рот, как стены молельни начинали дрожать и оконные стекла звенеть, а старики рассказывали, что смолоду у него и вовсе был громоподобный рык. Сверх того, молитву он всегда обильно орошал ручьями слез, а глядя на него, лила

слезы и вся община. Голос у него с годами ослаб, но рыдать он рыдал по-прежнему, да так, что и стену проймет, и мертвеца разбудит.

Реб Мейлах, воздев руки, взывал к Владыке мира — по синагоге разносился знакомый всем напев молитвы, заключающей Йом Кипур:

— О Отец! О Отец! Смилуйся над детьми Своими!..

И все присутствующие калялись в великих прегрешениях и молили Б-га простить их и даровать хороший год им и их несчастным голодным детям.

Как вспомнили они своих бедных исчахших деток, душеньки невинные, так сердца их растаяли, умилились, и они готовы были поститься еще три дня и три ночи, лишь бы вымолить у Превечного добрый год!

А кантор реб Мейлах, немного переведа дух, звучно запел:

— Ямама-ма-ма-ма-ма-ой-вей! Ой-вей-ой-вей-ой-вей!..

Но вдруг пенье оборвалось на полуслове, в тишине раздался глухой стук. Молящиеся встревожились, стали перешептываться:

— Шшшш... Шшшааа...мммм!.. Ну, ну! Шамеш! Служка!!!..

Служка Хаим — он мигом прибежал — подхватил кантора реб Мейлаха, голова кантора реб Мейлаха повисла, лицо побелело, помертвевшие губы, казалось, горько улыбаются.

Молящиеся заметались, подносили к его носу нашатырь, брызгали на него водой, терли ему виски. Ничего не помогало! Кантор реб Мейлах умер. Кантор реб Мейлах мертв!..

Когда волк утаскивает овечку из отары, стадо, бывает, поблеет, помечется из стороны в сторону, а потом собьется в кучу и дрожмя дрожит.

Так было и в старой молельне, когда умер кантор реб Мейлах.

Поначалу стоял шум и гам, потом заголосили на женской половине — это жена кантора Цвия лишилась чувств, а вслед за ней попадали в обморок и еще кое-кто из женщин.

Тут раввин реб Иойзефл дал знак старостам, и они стукнули по амвону — призвали к тишине. А служка Хаим (он и утреню вел) подошел к амвону и запел с того места, где смерть прервала кантора реб Мейлаха. Хор голосов подхватил молитву. Пели до тех пор, пока реб Нисл, протрубив в рог, не дал знать, что пост окончен.

После чего началась будничная вечеря, после будничной вечера все высыпали наружу благословить новолуние, а благословив новолуние, поспешили по домам — разговеться после поста кто крылышком курицы со стаканчиком чая, а кто и куском хлеба с селедкой и глотком воды.

Через час весь синагогальный двор заполонили люди — яблоку было негде упасть.

Мужчины и женщины, парни и девушки — все пришли на похороны, грудных младенцев и тех принесли.

Прихожане не положились на служек — сами сделали все, что положено. Шутка ли, такой покойник!

Ночь была светлая, теплая. Луна щедро освещала Касриловку, да и как не осветить ее беднякам: ведь они пришли отдать последний долг кантору реб Мейлаху, проводить его в последний путь.

Когда носилки поставили у старой молельни, раввин реб Иойзефл начал надгробную проповедь. Собравшиеся зарыдали.

Раввин реб Иойзефл, приводя стихи Святого Писания и древние притчи, убедительно доказал, что кантор реб Мейлах умер не как обычный смертный: такой смерти удостаиваются только святые. Они попадают прямиком в райские кущи, поэтому такому праведнику можно только позавидовать, такой смерти должен возжелать для себя каждый, ибо только избранным дано умереть у авмона во время завершающей Йом Кипур молитвы, когда Б-г простил все грехи. Если такой праведник покидает город, весь город — от мала до велика — обязан его проводить, если такой праведник умирает в городе, весь город — от мала до велика — должен его оплакать.

— Рыдайте же, стенайте, евреи, оплакивайте праведника, которого мы провожаем. Молите его, чтобы он был заступником пред Престолом славы, чтобы он таки выпросил для нас для всех добрый год, ведь уже давно бы пора Б-гу смилостивиться над Касриловкой и ее евреями!..

И все — от мала до велика — заливались слезами: они верили, что теперь у них достойный ходатай, настоящий заступник перед Всевышним.

И не один из них много бы отдал тогда, чтобы оказаться на месте кантора реб Мейлаха.

А раввин реб Иойзефл, забыв, что обращается к покойнику, завершил надгробное слово так:

— Иди с миром — здоровья тебе и удачи!

И еще долго-долго не умолкали разговоры о смерти кантора реб Мейлаха, о его похоронах.

— Да, ему можно только позавидовать... — вздыхая, говорили в Касриловке.

יִדְוִיטָא פֿעֶרעסֶא אַרדוֹנֶא אַרדוֹרֶא

СЛУШАТЕЛЬ

Аהיה יארה

Я пытаюсь обуздать свой индивидуализм, который пестовала столько лет. Он был моим гимном, гимном моего мира, но грядут тяжелые времена, и, возможно, он будет мне помехой. Поэтому, когда Джек за ужином спросил: И как же ты сегодня проводила свой годичный отпуск? — я решила представить отчет о проведенном дне, ведь если я начну вспоминать посетившие меня умные мысли, голова распухнет.

Я спросила: Начать с начала?

Да, ответил он. Люблю начала.

Как все мужчины, ответила я. Неизвестно, сумеют ли они от этого избавиться. Сотни тысяч слов написали — и по велению души, и на заказ. И все равно неизвестно.

Знаешь, сказал он, я и середины люблю.

Да уж я знаю. Это из-за возраста или потому, что газетные статьи стали длиннее? — спросила я.

Не знаю, ответил он. Я часто об этом думаю, и мне кажется, что мой отец — он был приличный человек, типичный «с девяти до пяти», так вот, по-моему, он только начал ценить середину, как моя мать сказала: Ну все, Уилли, хватит. Прощай. Следи, чтобы дети одевались потеплее, а он (то есть я) пусть хотя бы школу закончит. А потом поцеловала его, поцеловала нас — детей. Сказала: Позвоню на следующей неделе, и с тех пор от нее ни слуху ни духу. Интересно, где она?

Эту историю я слышала раз тридцать, но до сих пор мне ее слышать тяжело. Вообще-то Джек часто рассказывает ее, когда я делаю что-нибудь наперекор ему — чтобы меня устыдить. Иногда я начинаю плакать. Иногда немедленно варю суп. Как-то раз я решила погладить его нижнее белье. Я слышала, что так делают, только не могла найти провод от утюга. Я уже много лет не глажу благодаря знаменитым американским ученым, которые в одной пробирке преподносят нам одежду, не требующую глажки, а в другой — нервно-паралитический газ. И левая пробирка не ведает, что творит правая.

Отлично знает, говорит Джек.

Поэтому я предпочитаю продолжить свой рассказ. Или даже начать его с начала. Джек спросил: Как же ты проводила сегодня свой годичный отпуск? Я ответила: Дорогой, поздним утром я вышла из

квартиры. На коврик у квартиры 1А лежала газета «Таймс». Я увидела, что она черным-черна от историй про землетрясения, войны и убийства обычных граждан. Было совершенно ясно, что смерть преуспела везде, но только — это я поняла, выйдя из подъезда, — не в нашем квартале. Здесь царила весна — и потому, что пришло ее время, и потому, что у нас в квартале своя организация по озеленению улиц, и она обрамила дорогу платанами, снабдила нас рябиной, двумя гинкго и насадила там и сям (поскольку мы — часть целого) ясеней — спасителей города.

И я сказала себе: Что за денек! Надо заглянуть в магазин, купить что-нибудь из гастрономии. Именно так я и подумала. Пойди я в магазин, не думая, слово «гастрономия» ни за что не пришло бы мне в голову. Мелькали бы отдельные слова: голодный ужин вечер Джек овощи сыр магазин прогулка улица.

Но мне нравится этот язык — и зерна, и шелуха, нравится, что иностранных генов в нем все больше, и поскольку мне никогда не доводилось произнести слово «гастрономия» вслух, было приятно сделать это хотя бы мысленно.

В бакалее я встретила старинного друга, который жил ровно так, как и жил с самого начала, — был авангардистом, но даже без намека на эгоизм. В былые времена он устраивал перформансы в духе революционного театра и никогда не говорил о людях плохо. А большинство художников говорят, потому что у них мало зрителей, вот они на зрителей и злятся — за то, что их не становится больше.

Да как же они могут помочь? — часто спрашиваю я. А что, у них языка нет? — сварливо отвечают чуть не все художники.

Сначала мы с моим другом поговорили о «салатном бойкоте»^[1]. Это старая история. Я рассказала другу (его зовут Джим) о «бойкоте шелковых чулок» — его объявили как раз в то время, когда японцы разорили Маньчжурию, тогда же закрыли линию надземки на Шестой авеню, металл пошел в японские печи^[2], а через несколько лет вернулся — практически на то же место — в виде шрапнели, изуродовавшей многих ньюйоркцев моего поколения.

Перл-Харбор из-за этого случился? — спросил он уважительно. Он знал, что некоторые события происходили на моей памяти — я тогда уже была в сознательном возрасте, а он учился в начальной школе. Из-за такого его отношения я могла позволить себе резкости и критику. Я сказала: Джим, давно хотела высказаться — твои вопли про Вьетнам на нашей последней демонстрации, по-моему, были ни к чему. Я считаю, что смысл нашей борьбы не в том, чтобы поднимать шум.

Ты не понимаешь Арто^[3], сказал он. Я считаю, что театр — горничная революции.

Ты хотел сказать, лакей.

В ответ на мою поправку он молча кивнул. Он легко принимает критику, поскольку всегда может с улыбкой поставить заслон — мнения его непоколебимы.

Тебе надо бы побольше узнать про Арто, сказал он.

Правда, надо. Только у меня всегда столько дел. К тому же, возможно, когда-то я знала о нем больше. В последние годы у меня в голове переплелись все литературные герои. Бывает, король Убю^[4] возникает рядом с мистером Спарситом — или это была миссис...^[5]

И тут мясник спросил: Что будете брать, барышня?

Я отвечать отказалась.

Джек, которому, если помните, я рассказывала про свой день, пробормотал: Г-споди, только не говори, что ты взялась за старое.

Взялась, ответила я. Это оскорбление. Женщине моего возраста, которая на свой возраст и выглядит, никто не говорит: что будете брать, барышня? Я не стала ему отвечать. Когда такое говорят кому-то вроде меня, на самом деле это значит: Что будешь брать, кошелка старая?

Ты решила такой и стать? — спросил он.

Джек, давай обратимся к фактам. Допустим, мясник не хотел меня обидеть. Эдди, он вообще неплохой. Два часа едет из Джерси в Нью-Йорк. А потом два часа обратно. Поэтому мне его жалко. Но я буду стоять на своем. Не должен он так говорить.

Эдди, сказала я, больше не обращайтесь ко мне так, иначе я вам не скажу, что мне нужно.

Как скажете, дорогуша. Так что вы будете брать?

Не могли бы вы дать мне пару куриных окорочков для жарки?

Всенепрменно, ответил он.

А мне свиную лопатку, сказал Джим. Кстати, знаешь, летом мы устраиваем представление в Городском университете. Не в зале, а в биологической лаборатории. Совершенно новый ход. Нам не хотели разрешать. Мы не делали таких политических представлений со времен «Выхлопа».

Вы сказали «Городской университет»? — спросил Эдди, вырезая из курицы ногу. Когда я был мальчишкой, совсем ребенком, мы называли Городской университет — ну, знаете, он тогда был Городским университетом Нью-Йорка, сокращенно ГУН, — так мы его звали «Граждане урезанные Нью-Йорка», там обрезанных было много.

Да? — сказал Джим и посмотрел на меня. Как я на это? Не обиделась?

Разговоры о мужском обрезании меня несколько не оскорбляют, сказала я. Однако, насколько мне известно, в Марокко девочкам до сих пор отрезают клитор.

Джим в чем-то очень застенчив. Он забрал свиную лопатку и попрощался.

Я осмотрела куриную печенку. Она иногда бывает не красная, а бурая, но, как я понимаю, это не страшно.

Вдруг рядом возник Тредвелл Томас и тут же меня обнял. Он известный гурман и привереда, поэтому я обрадовалась: пусть мясник видит, как мы с ним нежно обнимаемся. Ну, придумал какие-нибудь новенькие эвфемизмы? — спросила я.

Ха-ха-ха, сказал он. Он до сих пор стыдится своей службы в лингвистическом отделе при Министерстве обороны. Год или два назад Джек брал у него интервью для журнала «Отбросы общества», первого главреда которого через пять номеров (они выходили раз в квартал) взяли в «Таймс». Журнал до сих пор хороший.

Вот отрывок этого интервью.

Мистер Томас, в чем заключается работа лингвистического отдела?

Видите ли, Джек, он был создан для того, чтобы воспрепятствовать английскому языку точно освещать факты. Разумеется, это не первая (и не последняя) попытка, но определенный успех был достигнут.

Мистер Томас, это ироничное высказывание сделано под влиянием вашего свежее испеченного идеализма и разнообразной секретной информации, которая стала доступной для нас благодаря ему?

Вовсе нет, Джек. Выражение «защитная реакция» изобрел не я. И не я, а Эйзенхауэр придумал (когда тысячами водородных бомб начинали баллистические ракеты и подлодки) — так вот, не я придумал «мирный атом» и его кодовое название «Операция Хлопья»[\[6\]](#).

Не могли бы вы привести пример выражения, которое вы придумали, чтобы выхолостить или оглупить выразительные средства языка? (Джек, завопила я, «выхолостить», «оглупить» — ты тоже подцепил заразу! Заткнись, сказал Джек и продолжил интервью.)

Итак? сказал он.

Итак, ответил Тредвелл Томас, меня попросили разработать слово или ряд слов, которые могли бы определить, описать любую латиноамериканскую страну в условиях перемен — нечто, что, будучи произнесенным, могло бы низвести или осмеять революционную ситуацию. Я много это обсуждал, подпитывался чужими идеями, фантазировал — без этого не обходится ни один творческий акт, и в конце концов придумал «ревударство». Это слово стали употреблять в Вашингтоне, парочка журналистов его радостно подхватила. И оно долгое время было в ходу у профессионалов. Но вы наверняка видели монографию «Ревударственные крестьяне современной Бразилии». Оно в ходу даже у вас, «розовых» либералов. Что уж говорить про поэтический опус Вассермана «Тропический лес, тихий омут и культура ревударства», опубликованный, собственно, в этом журнале.

В точку, Тредвелл, говорили наши черные братья, а через пару лет это выражение пошло дальше — чтобы язык продолжал выхолащиваться и оглупляться.

Впрочем, Томас на самом деле мог пойти далеко — настолько далеко, насколько это возможно в наше время и в нашем поколении, и сотни безработных, но честолюбивых выпускников университетов смотрели бы ему в рот в день набора новых служащих в Министерство обороны, но дело в том, что Томас не только много чего насочинял, он еще имел привычку похрюкивать при разговоре. Некоторые считают, что похрюкивание помогает прочистить носовую полость, что признано мудрым Востоком. Другие же так не считают.

Что напомнило мне, пока нам упаковывали мясо, про Гасси. Как она?

Гас? Увлелась гидропоникой. У нас теперь повсюду бадьи со всякой всячиной. Скоро вообще перестанем ходить в магазин.

Как же я хохотала! До вечера успела рассказать эту историю несколько раз. Отпускала Джеку язвительные шуточки про Гас. Дважды съязвила на ее счет в беседах с посторонними. А она уже была на волне будущего. О чем я и не подозревала. Она была на волне не моего океана.

Вообще-то, вокруг меня свои волны, приливы и отливы. Вам никогда не хотелось подняться над временем, над средой? Мы, конечно, все пытаемся, но вечно поскользываемся, падаем, опять оказываемся там же, говорим все тем же плоским языком, хотя тема-то — как спасти мир, причем быстро — необъятная.

Прощай, Тредвелл, грустно сказала я. Мне еще овощей надо купить.

Владелец лавки поливал овощи из шланга. Он знал, как сделать салат свежее, чем он есть. На кочанчиках брокколи висели капли — размером с сами крохотные зеленые пупырышки.

Орландо, сказала я, на прошлой неделе Джек выгуливал нашего пса в два часа ночи, а я в семь утра, и вы оба раза были на месте.

Да, ответил он, был.

Орландо, да как же так? Как же вы работаете, как же вы живете? Когда же вы видите с женой и детьми?

А я и не вижу. Разве что раз в неделю.

Вы-то как?

Отлично. Он отложил шланг и взял меня за руку. Понимаете, это замечательная работа. Это же еда. Мне нравится любая работа, связанная с едой. Мне повезло. Он отпустил мою руку и погладил кочан

красной капусты. Посмотрите на меня. Я мелкий лавочник. У меня с одной стороны супермаркет «Эй-энд-Пи», с другой «Бохак», а дальше по улице роскошный «Интернешнл» с сырами и селедкой. Если я не буду работать по шестнадцать часов в сутки, мне конец. Но вы посмотрите, миссис А, на стойку с овощами, на эти бобы, вон туда — на петрушку, рукколу, укроп, красиво ведь, правда?

Да, конечно, красиво, согласилась я, но мне больше всего нравятся букетики кресс-салата, вы здорово обрамили ими морковь.

Вы, миссис А, молодец. Вы понимаете. Красота! сказал он и убрал три подпорченные клубничины из в остальном безупречной коробочки. Через пару лет, уже в настоящем — я его, считай, не касалась (но коснусь) — мы с ним поцапались из-за чилийских слив. И расстались. И мне пришлось ходить в супермаркет с разумными ценами, где бродили равнодушные покупатели и где никто не просил и никто не предлагал кредит. Но в тот момент между нами был мир. То есть я была должна ему 275 долларов, и он не возражал.

Ну хорошо, сказал Джек, раз вы с Орландо так закорешились, то почему так много неспелых клубничин? Он вытащил ягоду с зеленой и гнильцой. Я придумала ответ с антропологическим уклоном. Отец Орландо — старый человек. Единственная работа, которую Орландо может поручить старику, — это раскладывать клубнику по коробочкам объемом в пинту и кварту. И чтобы было по справедливости, он в каждую подкладывает по паре зеленых ягод.

Я пожалуй спать пойду, сказал Джек.

Я просто развивала мысль из его статьи в третьем номере «Отбросов общества» — «Торговля едой, или Кто придумал жадного потребителя». О чем ему и сообщила.

Он вежливо протянул: А-аа.

День длился долго, и я не успела даже словом обмолвиться про «Сообщество молодых отцов» или про беседу с аптекарем Загровски. Решила, что это мы обсудим за завтраком.

Мы легли спать, он нежно обнимал меня — как, наверное, обнимал после долгого дня свою предыдущую жену (а я своего предыдущего и т. д. и т. п). Мне было очень удобно: наш отличный матрас так уютно сочетался с нашими нежными чувствами, что я даже вспомнила песенку, которую моя подруга Руби сочинила в насмешку над временем, местом, нами:

Аō, пōī ðāēāīēīā ēīāēā

Ī ō ÷ ōī ī īāō āū ōū ī ēēāīē

Āīē, īī÷ē, āāū īāī ðēāō

Ēāēēōūīēpāēī ūī ðyāīī,

Ðōēā īī ēāēāīīī ðēēīp,

Ī īā īī ēāēāīīī īī āīp,

Ī īēā āīvāīāīē īāī ā:āī īūē,

īī ÷ āī ūē āāī ū — ēāē īī÷ūī

īā ōāīāō òāy ēpāīāīēē

ī ðī÷ūī ðī÷ūī ðī÷ūī

Часа в три ночи Джек в ужасе завопил. Все нормально, малыш, сказала я, ты не единственный. Все мы смертны. И я всей своей мягкой мощью привалилась к его тощей спине. И мне приснился сон, цветной и широкоэкранный, — что дети совсем выросли. Один переехал в другой район, другой — в далекую страну. Того, объяснялось во сне, я больше никогда не увижу, потому что он взорвал один бандитский банк, причем — опять же во сне — по моему настоянию. Сон продолжался, точнее, разворачивался по спирали — до самой моей старости. А история, приведшая к его исчезновению, откручивалась назад — как это иногда бывает в кино. На самом дне — недостижимое — оказалось их детство, и там они играли в войну и весело смеялись.

Я проснулась. Где мой стакан с водой? — заорала я. Джек, мне надо тебе кое-что сказать.

Ну что? Что? Что? Он увидел, что у меня сна ни в одном глазу, и сел в кровати. Что стряслось?

Джек, я хочу ребенка.

Ха-ха, сказал он. Не получится. Слишком поздно. Ты года на два опоздала, сказал он и снова заснул. А потом добавил: Ну, допустим, это сработает, допустим, случится чудо. Ребенок вполне может оказаться умненьким, получит стипендию в Массачусетском технологическом, займется решением сложнейших задач и, господибожемой, даже изобретет что-то совсем плохое, чего мы, старые хрычи, и вообразить не в силах. Он заснул окончательно и захрапел.

Я достала из-под кровати, где я держу все свое чтиво на ночь, Ветхий Завет. Подсунула под голову еще одну подушку, села и стала читать историю про Авраама и Сару, стараясь многое угадывать между строк. В том, что сказал Джек, было немало здравого смысла — его замечания порой очень точны и направляют мысль в нужное русло. Ведь отлично известно, чем кончается эта старая история. Тем, что эти три всадника-монотеиста — христианство, иудаизм и ислам — веки вечные скачут, воюют, бьются за сферы влияния.

И все равно, сказала я тихо похрапывающему Джеку, до того, как мир не стал насквозь плохим, сначала появился младенец Ицхак. Ты же понимаешь, о чем я: он смотрел на Сару так же, как смотрели на нас наши дети, — он учился пользоваться своими пятью чувствами. Ой, Джек, и этот Ицхак, сын Сары, до того, как он вырос настолько, что отец повел его на заклание, он, наверное, лежал, улыбался, гулил и слушал, а женщины пели ему песни и заворачивали в прекрасные ткани. Так ведь?

Джек, который во сне так же сварлив, как и наяву, сказал: да, но зачем ему разрешили кидаться песком в брата.

Ты прав, прав. Я там, с тобой, сказала я. А тебе надо только быть здесь, со мной.

Ἰδοὺ ἡ βασιλεύσα Ἄσπις Ἰσραὴλ

[1]. В 1970 году калифорнийские фермеры объявили «салатный бойкот» и отказывались собирать урожай, добиваясь более высокой оплаты труда.

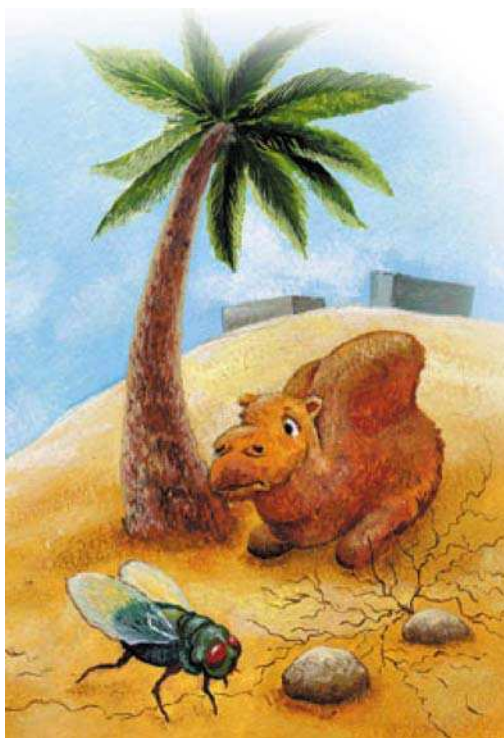
[2]. Эту линию нью-йоркской надземки закрыли в 1938 году, часть металлолома была продана в Японию.

[3]. Антонен Арто (1896–1948) — французский писатель, режиссер и теоретик театра, новатор театрального языка. Автор концепции «театра жестокости».

[4]. Заглавный персонаж пьесы Альфреда Жарри «Король Убю» (1896). Его играл в том числе и Антонен Арто.

[5]. Миссис Спарсит — персонаж романа Чарльза Диккенса «Тяжелые времена» (1854).

[6]. Концепцию «мирного атома» президент США Дуайт Эйзенхауэр выдвинул в речи, произнесенной в декабре 1953 года. А сама идея пришла президенту в голову однажды за завтраком, когда он ел пшеничные хлопья. Отсюда кодовое название операции.

«Габот-Шамай, Габот-Шамай?..» И вдруг учитель вспомнил, что об этом месте говорят люди. Ведь во всей стране нет более жалкого городка, про который рассказывали бы такие неприятные вещи: «В Габот-Шамае такая жара, что даже верблюда не оттащишь от вентилятора». «Габот-Шамай — настоящая дыра, на всех картах под ним написано: проезжайте мимо». «В Габот-Шамае люди разговаривают с закрытым ртом, чтобы мошек не наглотаться». «По Габот-Шамаю летают огромные мухи с разинутой пастью и заглатывают людей!!!» Ну ладно, здесь мы приврали, но совсем чуть-чуть...

Рабби Йоси не хотелось обидеть мальчика, ведь жителям Габот-Шамае наверняка часто приходится выслушивать шуточки на свой счет. Он просто спросил:

— Что же такого замечательного в твоём городке?

— Габот-Шамай — самое лучшее место на всей земле! — выпалил мальчик, глаза его горели. — Когда у нас рождается младенец, мы сразу мажем ему голову тёмным инжиром!

— Зачем же вы это делаете? — удивился рабби Йоси, с трудом сдерживая смех.

— Чтобы комары его не покусали. У нас ужасная жара и тучи комаров. Но мы-то знаем, что комары ненавидят запах тёмного инжира.

«Вот оно что», — подумал рабби Йоси и спросил:

— И по всему этому ты так сильно скучаешь?

— Да, — ответил мальчик. — Я очень скучаю. От комариных укусов не так больно, как от насмешек. Вам не понять, что наши глиняные домишки, которые еле держатся на земле, я люблю в сто раз больше, чем самые крепкие каменные дома в этом городе! А жара в Габот-Шамае для меня гораздо приятнее, чем ваша прохлада. Я не завидую этим цветам и зелени вокруг, я скучаю по солнцу, пыли и пустыне, потому что там мой дом. Габот-Шамай — место, где живут люди, люди, такие же, как я, понятно? И это совсем не смешно!

Впервые ученик произнес такую длинную речь. И рабби Йоси понял, как трудно учиться вдали от дома, где чужим кажется даже воздух. Как можно сосредоточиться, когда тебя гложет тоска по родным местам? Даже если у них такое странное название, как Габот-Шамай... А что, разве «Ворота Надежды» — Петах-Тиква — не странное название? Или «Палец Галилеи» — Эцба-Галиль — не так смешно звучит?.. А ведь есть ещё, например, Карней-Шомрон — «Рога Шомрона»...

Рабби Йоси погладил мальчика по голове и сказал:

— Будь благословен Тот, кто делает землю прекрасной в глазах её жителей. Благословен Творец, который учит людей любить родные места. И даже если есть края более плодородные и цветущие, каждому дорог тот дом, деревня и город, где он вырос. А если ты далеко от дома, то много нужно сил, чтобы сосредоточиться на учении.

С этого дня рабби Йоси и мальчика из Габот-Шамае часто можно было увидеть вместе. О чём они говорили? Конечно, об этом странном далёком городке, где голову новорождённому обязательно мажут тёмным инжиром, чтобы отпугнуть комаров. Мальчик рассказал рабби ещё много необычных и смешных историй, и ни одна из

них не могла произойти нигде, кроме такого чудного места, как Габот-Шамай. Потихоньку мальчик перестал тосковать по дому. А рабби Йоси? Рабби Йоси наконец смог обучать его Торе. И поглядите, что произошло! Рассеянный и бестолковый мальчишка стал лучшим учеником в школе! А на переменах дети стайкой окружали его, чтобы послушать удивительные истории о Габот-Шамае...

Но иногда на уроке мальчик снова начинал мечтать, и когда взгляд его задерживался где-то на потолке, рабби Йоси легонько трепал его по щеке и спрашивал:

— Ну, что там новенького у комаров?

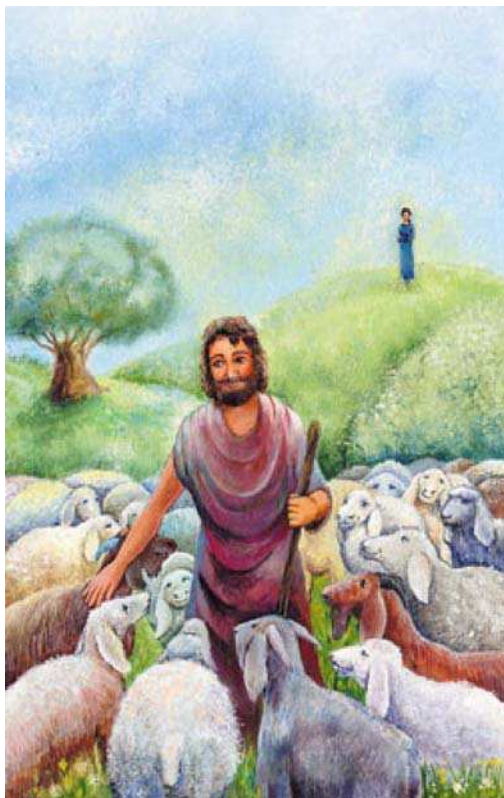
По мотивам мидраша Берешит раба, глава 34

Обещания надо выполнять

История любви Акивы и Рахели

Акива был простым пастухом у богатого и щедрого хозяина по имени Бен Кальба Савуа, что означает «Сын Сытой Собаки». «Разве это имя? Это же обидное прозвище!» — скажете вы. Но в те давние времена всё было наоборот. Вот, к примеру, люди говорили так: «Даже голодный, как самая разнесчастная собака, бедняк получит в доме Бен Кальба Савуа сытный обед и пирожок на дорожку». Поэтому имя Бен Кальба Савуа звучало как похвала его хозяину.

Росла у Бен Кальба Савуа дочь Рахель, девушка красивая и очень умная. Женихов у Рахели было видимо-невидимо, целый отряд или даже армия. Что ж тут удивительного? И красавица, и умница, и в придачу — богатая наследница. Многие хотели жениться на дочке Бен Кальба Савуа и жить сыто и беззаботно. Одним словом, Рахель была невестой привлекательной во всех смыслах этого слова (ну а странное имя её отца чур не в счёт).

Но одного за другим прогнала Рахель всех своих женихов. Никто ей не нравился — ни красавцы, ни храбрецы, ни потомки знаменитых мудрецов, а полюбила она простого и неграмотного пастуха Акиву. Он был беден, Тору не учил, и ни одного знатного родственника у бедняги было не найти, как ни старайся. Исполнилось Акиве к тому времени целых сорок лет, а читать и писать он так и не выучился. Кому нужен такой жених? Но Рахель выбрала Акиву не за молодость или богатство. Она увидела в нём то, что до неё никто разглядеть не мог. Наблюдая, как ласково и бережно он обращается с животными, как ведёт себя с людьми, Рахель решила, что Акива человек скромный, хороший и подходит ей больше всех. И всё же она поставила ему одно условие.

— Если я выйду за тебя замуж, — спросила Рахель, — ты оставишь своих овец? Пойдёшь учить Тору? Ведь ты можешь стать настоящим мудрецом, жалко, что ты впустую тратишь время на пастбище!

— Я согласен, — выпалил Акива, не раздумывая ни секунды.

Всё бы хорошо, но во времена Рахели и Акивы родители решали, кому за кого идти замуж и кому на ком жениться. Отец Рахели, без сомнения, был очень щедрым и великодушным — каждый, кто входил в его дом голодным, получал еду, но ведь это не значит, что каждый, кто у него работает, должен получить его дочь! — Отдать свою красавицу и умницу за какого-то пастуха, который даже руки её просить поленился? Ну уж нет! Никогда моя дочь не пойдёт за неуча без роду и племени. Пускай пастух женится на девчонке-пастушке, или на бедной кухарке, или ещё на ком-нибудь, я не возражаю! Но Рахель, моя Рахель — дочь самого Бен Кальба Савуа! Не бывать ей женой пастуха!

Рахель знала, что, если она станет женой Акивы, отец выгонит её из дома без всякого приданого — не даст и мелкой монетки. Но всё же она решила: «Выхожу за Акиву!»

Через несколько дней Бен Кальба Савуа узнал, что Рахель и Акива тайком поженились. Скандал! От гнева Бен Кальба Савуа стал чернее тучи: — Что?! Замуж за Акиву? Пастух забрал мою Рахель? Не отец я ей больше! Пусть уходит со своим Акивой, и пусть зарабатывают на жизнь, как умеют. Неслыханно! Клянусь, она не получит ни гроша из моего богатства! Всё раздам бедным, а ей не видать ничего, раз посмела пойти за жалкого пастуха, который букву «алеф» от буквы «бет» не может отличить. Негодяйка!

Бен Кальба Савуа одновременно и сердился, и обижался, и возмущался, и грустил. Он закрылся в своём доме и неделю ни с кем не разговаривал, будто похоронил дочь.

А Рахель и Акива поселились в заброшенном сенном сарае за городом. Сарай шатался от ветра, казалось, что он вот-вот разлетится, соломинка за соломинкой. Зимой крыша протекала, капало из щелей и дыр, а летом было нечем дышать. Что же Рахель? В доме отца она спала на мягкой кровати с позолоченными ножками, а теперь вместо постели — охапка сена, колючая и неудобная. Каждое утро Акива аккуратно выуживал из волос своей любимой стебельки и травинки. Ох и непросто пришлось дочери Бен Кальба Савуа! Но рядом всегда был Акива, и с ним Рахель чувствовала себя настоящей царицей. Однажды Акива пообещал: — Если когда-нибудь разбогатею, обязательно подарю тебе «Золотой Иерусалим!» (Это такое красивое и очень дорогое украшение. Об этой драгоценности мечтали все девушки.)

А пока Рахель и Акива не могли купить ни хлеба, ни масла, ни сыра. Но их любовь была сильнее всех трудностей на свете, и они жили счастливо в своем убогом сарайчике.

Однажды к ним постучал сам пророк Элияу. Он был одет, как последний бедняк, — ни за что не узнать!

— Простите, если помешал, но моя жена только что, в добрый час, родила. Могу ли я попросить у вас немного соломы, совсем чуть-чуть, чтобы ей было удобней лежать?

Поделились Рахель и Акива с бедняком, ведь соломы у них было море (а может, океан). И Акива сказал:

— Видишь, моя дорогая Рахель, мы думали, что нам трудно, но на свете есть люди, которым ещё труднее, чем нам. Вот у этого бедняка даже соломы для жены нет. А нам не так уж плохо, и нет причин жаловаться и грустить.

Но вот наступил день, когда им пришлось расстаться. Рахель посмотрела на Акиву и сказала: — Помнишь, ты обещал, что после свадьбы пойдёшь в дом учения — бейт мидраш? Тебе пора, мой любимый.

Возразить нечего — слово нужно держать! И Акива собрался в дорогу. Рахель осталась одна. Зачем она его отпустила? Ведь когда двое любят друг друга, они стараются не разлучаться даже на минутку! Но Рахель и Акива умели расставаться и ждать. Рахель выбрала бедность и одиночество, чтобы её любимый Акива смог найти свою Тору. Придёт время, и однажды этот самый Акива скажет: «Любить ближнего, как самого себя, — главный закон Торы». Но до этого было ещё далеко, а пока он любил Рахель, как самого себя, и даже больше.

Акива взял с собой немного вещей, попрощался с Рахелью и отправился в бейт мидраш, к знаменитым учителям рабби Элизеру и рабби Йеошуа. Учиться Акиве нравилось — он сидел на стуле как приклеенный и читал день и ночь. Раньше на пастбище он занимался тем, что отгонял коров от овец и отличал звук «Ме-е-е» от «Му-у-у». В бейт мидраше Акива научился грамоте, потом одолел простые объяснения Торы, затем перешёл к более сложным и постепенно стал толковать Тору сам. Тора проникала в сердце Акивы, как

вода, которая постепенно точит камень. Вскоре Акива стал лучшим учеником. Прошло время, и никому неизвестный Акива превратился в рабби Акиву. Куда подевался незнайка-пастух? Нет его и в помине! А простой ученик, который недавно и читать-то не умел? Он стал знаменитым учителем и учёным, который совершает настоящие открытия.

Двенадцать лет учил Тору рабби Акива. За это время вокруг него собралась целая толпа учеников. И все эти долгие годы он не видел ни родных, ни свою любимую Рахель даже краешком глаза. Только изредка ему удавалось послать ей несколько монеток. А Рахель следила за успехами Акивы издалека. Уж очень ей хотелось, чтобы мудрость Акивы, которую она разглядела когда-то давно, наконец-то раскрылась людям, и радовалась, что перед свадьбой взяла с него такое замечательное обещание.

Рабби Акива вернулся домой через двенадцать лет, а вместе с ним — сотни его учеников. Он остановился у калитки, и вдруг до него долетели слова соседа:
— Эй, Рахель! Что ж, так и сидишь одна-одинёшенька? Не пойму я, замужем ты или вдова? Муж ушёл учить Тору двенадцать лет назад, и след его простыл! Конечно, не мне судить, но не слишком ли это — оставить жену на двенадцать лет? Кто знает, вернётся ли он!

Рабби Акива нахмурился и уже собрался было вмешаться в разговор, чтобы образумить болтливую соседку, но неожиданно услышал ответ своей любимой жены:
— Не стоит волноваться, сосед! Не верю я ни словам твоим, ни заботе. И жалость мне твоя ни к чему, — если бы слышал меня сейчас мой Акива, то остался бы учиться ещё на двенадцать лет. Ведь наш праотец Яков ждал свою Рахель целых семь лет, и пролетели они для него как считанные дни — не успел оглянуться. Это и есть любовь. А я люблю Акиву так, что чувствую его рядом каждую минуту. Мы обязательно встретимся, даже если между нами разольётся океан и разбросает нас по разным краям земли! Я счастливая женщина, сосед!

Услышал её слова рабби Акива и узнал свою Рахель, которая любит его, как прежде, и ради этой любви готова терпеть и разлуку, и лишения, и все трудности на свете. И так захотелось ему поскорее увидеть её, обнять, расцеловать и до утра рассказывать обо всём, что произошло, пока они не виделись! Он уже было занёс ногу над крыльцом, как вдруг развернулся и быстро зашагал прочь. От неожиданности ученики чуть не снесли забор. Что же случилось? Неужели он расхотел видеть Рахель? Ну конечно же нет! Просто Акива понял, как много ему ещё нужно выучить, чтобы сдержать данное ей слово. А ведь Рахель в разговоре с соседом уже согласилась на новую разлуку. И рабби Акива отправился обратно в бейт мидраш, не заглянув домой ни на минутку.

Ещё двенадцать лет учился рабби Акива. И когда снова решил вернуться домой, за ним следовали уже не сотни, а тысячи учеников.

Весь город вышел встречать знаменитого рабби. Узнали об этом соседки Рахели и прибежали к ней: «Твой муж вернулся!.. Беги его встречать!.. Э-э-э... Может, тебе стоит принарядиться?..» Рахель жила очень бедно, и, конечно же, у неё не нашлось нового платья, даже самого простенького. Но она успокоила соседок: «Пастух узнает свою овечку! А уж тем более жену — он узнает меня в любом наряде. Много лет назад Акива взял меня в жёны не из-за богатства и украшений. Не нужны ему никакие новые платья».

На площади народ окружил рабби Акиву — все старались протиснуться поближе к учителю. Наконец Рахели удалось добраться к самому рабби. Его ученики накинудились на неё и попытались оттащить:
— Эй, тётя, что такое?
— Эй! Куда без очереди?!
— Нужно быть скромнее!
— Женщина, назад!

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

ФИНКЛЕР-КАПУТ

ГОВАРД ДЖЕЙКОБСОН, ВОПРОС ФИНКЛЕРА

Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. Пер. Василия Дорогокупли

Роман Арбитман

Путь в евреи не заказан никому из смертных. Среди доступных способов стать евреем наиболее популярными считаются три: 1) родиться евреем сразу; 2) узнать о своих еврейских корнях уже в зрелом возрасте; 3) принять иудаизм. А вот бывшему сотруднику Би-би-си по имени Джулиан Треслав выпал четвертый путь: сын родителей-англичан, никем и никогда не уличенных в еврействе, он осознал свою принадлежность к избранному народу без всяких на то этнических либо религиозных оснований, по наитию, вдруг.

Толчком к осознанию идентичности послужило мелкое или даже вовсе ничтожное по вселенским масштабам происшествие: однажды лондонским вечером, когда наш герой мирно возвращался пешком из гостей, он внезапно подвергся нападению неизвестной грабительницы. Та, прижав жертву к стеклянной витрине, отобрала бумажник, часы и мобильный телефон с громким криком, похожим на «Ах ты, жид!».

Хотя Джулиан Треслав внешне смахивал на многих голливудских знаменитостей одновременно и всегда был готов — за умеренную плату — закосить на корпоративных вечеринках хоть под Брэда Питта, хоть под Колина Ферта, хоть под иную кинозвезду англосаксонского происхождения (все зависело от размаха вечеринки и степени алкогольного опьянения ее участников), нашему герою сроду не предлагали изображать ни Адама Сэндлера, ни Бена Стиллера, ни Джеффа Голдблюма. Иными словами, даже по внешнему виду коренной британец Джулиан решительно ничем не напоминал еврея. Однако...

«Что нужно Лондону, то рано для Москвы», — замечал Пушкин в позапрошлом веке, еще не подозревая обо всех странностях грядущих русско-британских этнокультурных сближений. Как выяснилось, васисуалии лоханкины с берегов Темзы по степени истовости ничем не уступают русским братьям. Те и другие могут быть внезапно охвачены визионерским прозрением своей исторической роли, упоены желанием очиститься, возвыситься и обратиться. Тем и другим равно не чужда дерзкая мысль о том, что даже легкий удар по филейной части может пробудить от спячки великую сермяжную правду. И какая, собственно, разница, чем та правда будет обрамлена — бородой лопатой или пейзажами колечками?

О да, наш герой безусловно догадывается о том, что его прозрение кому-то покажется попыткой проскользнуть в круг избранных на халяву и без очереди («Евреи выстрадали свое уныние, они накапливали его веками угнетений и несправедливостей, а тут является некий Джулиан Треслав, чтобы, покрутившись немного среди евреев, приобщиться к их душевным мукам»). Но Треслав готов преодолевать трудности, и никто не помешает ему достичь цели — ни «Аль-Каида», ни «Хамас», ни покойный лауреат Нобелевской премии мира Ясир Арафат, ни живой сукин сын Дэвид Ирвинг. Уж если наш герой хочет стать евреем, он станет таким же евреем, как и его ближайшие друзья — кинокритик Либор Шевчик и телеведущий Сэм Финклер.

Парадоксальность ситуации в том, что как раз таки от обоих своих друзей-евреев Джулиан Треслав неуклонно отдаляется: пока его увлекает за собой путеводная звезда Давида, Шевчик с Финклером всю движутся в прямо противоположном направлении. То, что вызывает у нашего героя восторг неопита, его друзей, наоборот, раздражает до колик. Внезапно обретенное Треславом еврейство Шевчику с Финклером кажется попыткой крысы-идиотки запрыгнуть на безнадежно тонущий корабль...

Роман Говарда Джейкобсона «Вопрос Финклера» (который только что вышел по-русски в издательстве «Азбука» в переводе Василия Дорогокупца) в минувшем году был удостоен британской премии Букера, чего прозаик — 68-летний мужчина с саркастическим лицом Мефистофеля, автор 11 романов, первый из которых вышел еще в 1983 году, — похоже, сам не ожидал. Ведь оба его предыдущих похода за этой премией (в 2002-м и 2006-м) бесславно заканчивались на стадии лонг-листа: то ли членов жюри не увлекала раз и навсегда избранная писателем тема англо-еврейской рефлексии, то ли социальная сатира не вписывалась в премиальный формат, то ли на конечный выбор беспристрастных литературных судей влияли резкие статьи Джейкобсона в газете Independent, где писатель не боялся идти наперекор леволиберальным стенаниям об угнетении плохими израильтянами хороших палестинцев.

На церемонии награждения автор «Вопроса Финклера» признался, что уже много лет сочиняет речи, которые произнес бы, получая премию: «Я заметил, что год от года они становились все менее и менее вежливыми. Так и подмывало высказать наградившим тебя членам жюри все, что ты о них думаешь, за все те премии, которыми тебя обнесли. Но сегодня я всех прощаю». Спич вполне в манере Джейкобсона, который, отбиваясь от навешенного на него критикой ярлыка «английского Филипа Рота», предпочитает именовать себя «еврейской Джейн Остин».

Комментируя неожиданный для многих выбор жюри-2010, критики уже поспешили запихнуть книгу-победительницу в прокрустово ложе жанра комического романа — что верно лишь отчасти. То есть изначально присущее Джейкобсону чувство юмора сомнений не вызывает — как, впрочем, и английская природа этого юмора («Если ты думаешь, что я позволю тебе трахнуть меня на первом же свидании, — сказала она, отдаваясь ему на их первом свидании, — то ты жестоко ошибаешься»). Впоследствии она объяснила, что не считает ту их встречу свиданием». Но автор не комикует, и юмористические блестяшки важны не сами по себе; они приправляют сатирическую и, главное, фельетонно-публицистическую стихию, принципиально необходимую для авторского замысла.

Джейкобсон скорее злится и негодует, чем иронизирует. Его манеры не галантны. Его орудие — скальпель, а объект его внимания — нарывы на теле британского общества. И нарывы эти, по убеждению автора, надлежит вскрывать побыстрее. Желательно без наркоза.

Приводя печальную статистику уличных хулиганств с антисемитской подкладкой, писатель все же больше озабочен иными случаями юдофобии по-английски: здесь это, по преимуществу, явление не столько улично-погромное, сколько «бумажное» (газетное, книжное). Лупить по мозгам гораздо эффективней, чем по почкам. Если человек лишен ориентиров, его нетрудно заморочить, утопить правду в потоках темной белиберды о разоблачениях еврейского заговора, «о еврейском следе в организации терактов 9/11; о евреях, намеренно банкротящих банки; о евреях, затопивших мир порнографией; о евреях, тайно торгующих человеческими органами, и о евреях, сфальсифицировавших собственный Холокост».

Романист не скрывает презрения к британским интеллектуалам, которые старательно как бы не замечают эту умственную бесовщину, но вдвойне презрителен к тем из них, кто при этом оказывается вдобавок его соплеменником. Джулиан Треслав ценен для сюжета романа не только сам по себе. Его поэтапное восхождение к еврейству, его мучительные размышления о судьбе народа, в который он влился, и о тех страданиях, которые он претерпит на своем пути (а логика событий в финале приведет героя на больничную койку), — все это по контрасту оттеняет капитулянтство двух его друзей-евреев, которые оба — каждый по-своему — стараются убежать от себя истинных.

Эмигрант Шевчик, отгорев на кострах политборьбы, на склоне лет хочет побыть среднестатистическим британцем — чопорным, вялым и равнодушным. Потому-то он, слегка поколебавшись, отказывается в помощи старинной приятельнице, чей внук потерял зрение после нападения уличного антисемита. Финклер же, наоборот, деятелен, но активность его специфическая: учрежденный им клуб «СТЫДящиеся евреи» создан для того, чтобы отмежеваться от Государства Израиль и оказать моральную поддержку угнетенным арабам.

На тех страницах, которые посвящены «СТЫДящимся евреям», сатира Джейкобсона становится особенно хлесткой и ядовитой. Вот персонаж по имени Элвин Поляков, который ищет доказательства «прямой связи между еврейским ритуалом обрезания и зверствами сионистской военщины. Беспомощные еврейские младенцы и безоружные палестинцы — невинную кровь и тех и других проливают евреи, не испытывая ни малейших угрызений совести». А вот портрет другого завсегдатая клуба, Мертона Кугле: «Он уже давно бойкотировал Израиль частным порядком, исследуя все товары в своем супермаркете на предмет их израильского происхождения и заявляя протест руководству при обнаружении подозрительной баночки или пакета. В поисках “расистской продукции” — по его догадке, чаще всего скрываемой на самых нижних полках и в самых темных углах — Мертон Кугле надорвал поясницу и едва не ослеп».

Джейкобсон безжалостен; он плюет на «взвешенность», избегает полутонов, не желает быть снисходительным и бьет наотмашь. Читателю явлено средоточие редкостных придурков, бледной немочи и моральных уродов:

«Регулярно посещали собрания только научные работники, не имевшие других занятий, писатели вроде Кугле, не написавшие ничего достойного опубликования, плывущие по течению аналитики и горе-комментаторы, один самопровозглашенный директор существующего только на бумаге института да парочка полусветских раввинов с подозрительно бегающими глазками».

Умнику Финклеру не слишком уютно в таком обществе, но куда теперь деваться? Он сделал свой выбор и заслужил именно этот круг общения...

Российскому читателю старшего поколения наверняка бросится в глаза трагикомическая рифма, едва ли замеченная Джейкобсоном: паноптикум «СТЫДящихся евреев» (не такая уж, кстати говоря, выдумка) трогательно напоминает об общественном образовании советского образца — пресловутом АКСО, Антисионистском комитете советской общественности, рожденном андроповской пропагандой для идеологической борьбы с Израилем. Другое дело, что «труппа дрессированных евреев генерала Драгунского» (фольклор той поры) формировалась строго по партийной разрядке, спущенной сверху, и распалась сразу после кончины агитпропа. Что же касается разнообразных европейских «СТЫДящихся», то в их ряды вступают добровольно — не по службе, а исключительно по душевной склонности.

Что ж, за последние десятилетия человечество сильно продвинулось в смысле техники — обзавелось персональными компьютерами, Интернетом, мобильной связью. Но едва ли при этом поумнело.

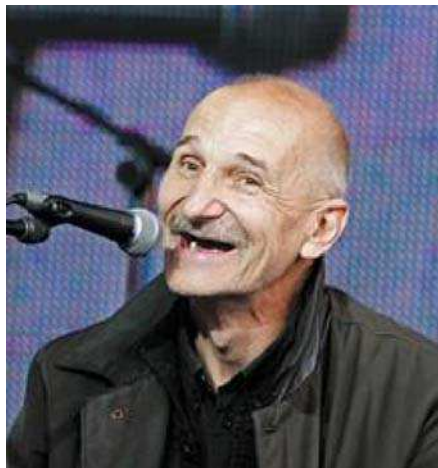
21 сентября

Ĭ à «Bookmarket'â»

Над сценой — портреты Бродского, Сорокина и Гоголя. Около сцены продают книгу Артемия Лебедева «Ководство». Книга толстая, стоит полторы тысячи, запаяна в целлофан, заглянуть внутрь невозможно. «О чем это?» — спрашивает потенциальная покупательница. «Не знаю. Он же пиарщик. Думаю, там пустые страницы», — продавщица оказывается философом не хуже Мамонова.

Кроме лотков и сцены — шатер для отдыха: усталый путник садится в кресло и читает снятую с полки книжку Дины Рубиной или Джона Гришема. Рядом — шатер для детей: комиксы, интерактив. Метание компьютерного копья вызывает у посетителей куда больший интерес, чем возможность сгонять партейку в шахматы с действующей чемпионкой России Валентиной Гуниной, гроссмейстер простаивает. Зато кислотной расцветкой привлекает всеобщее внимание детский книжный автобус «Бампер», удивительно напоминающий тот легендарный автобус, на котором Кен Кизи и «Веселые проказники» разъезжали по Америке, раздавая всем желающим ЛСД.

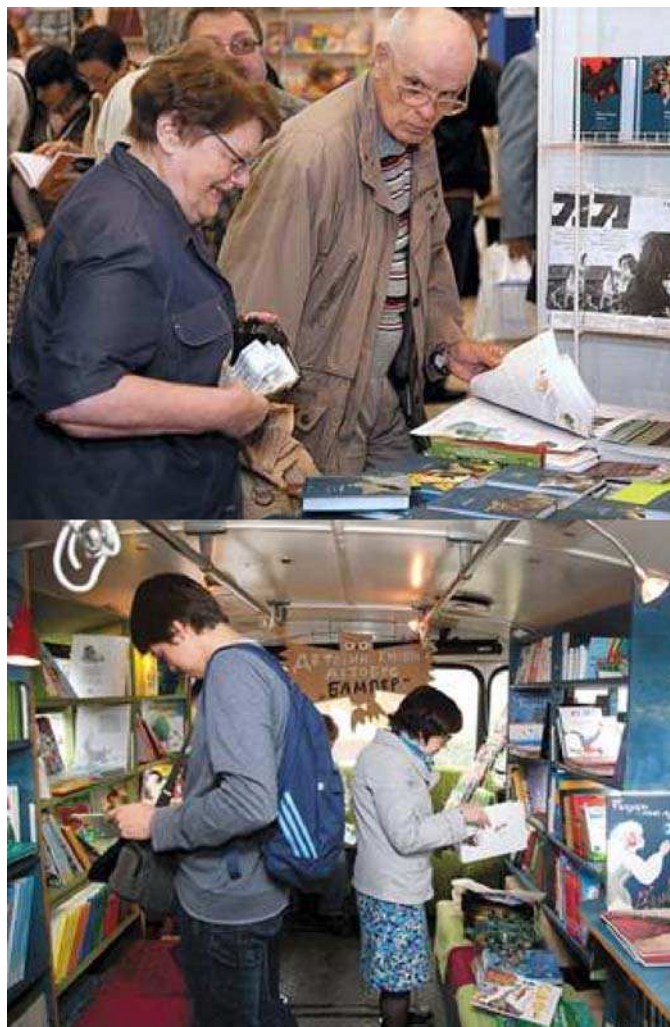

Ĭ àòĬ àî ĩĩĩâ

Если «Bookmarket» — это клон летнего книжного фестиваля в ЦДХ, то ярмарка «Новая площадь», проходившая во дворе Политехнического музея, выглядит сильно уменьшенной копией декабрьской «non/fiction». По сравнению с Парком культуры здесь меньше развлечений, больше интеллектуальных дискуссий. Ощутимо стремление организаторов придать мероприятию политическую окраску: прямо у входа предлагают журнал либертарных коммунистов, рядышком притулились свободные марксисты. Но главные достопримечательности «Новой площади» — развал с винилом и коньяк в разлив по демократичной цене.

По-прежнему моросит, на некоторых лотках обложки под защитной пленкой практически неразличимы. Впрочем, от дождя есть и польза — книги в подмоченных суперсах отдают по полцены. Покупаю новое, текстологически выверенное издание «Мимолетного» Василия Розанова — со сдержанно-

антисемитским предисловием и отличным комментарием. На соседнем прилавке — серия «Проза еврейской жизни». В динамиках «Jefferson Airplane», сейчас закончится песня — и можно уходить.

Ὁ νόμος ἐστὶν ἀειδαίμωνος «Ἐἰσαίεε». Αἱ οὐδὲ ἀπολείπει εἰσαίειν ἀπολείπει «Αἰὶ ἴαδ».

Вне конкуренции по ассортименту книг и мероприятий, конечно, ММКВЯ. Главную ярмарку страны принято ругать за помпезность и попсовость. На самом деле всякой эксклюзивной интеллектуальщины здесь хватает — «Наука», «Эллис Лак», «Росток», «Мосты культуры» и многие другие лидеры гуманитарного книгоиздания представлены только на ВВЦ. Нигде кроме не купить очередные тома Собраний сочинений Владимира Соловьева или Максимилиана Волошина, двухтомник Дмитрия Усова или путеводитель по РГАЛИ. Хотя хулителей ярмарки понимаешь сразу же по входе в павильон: вместо Мамонова о смысле жизни на стенде «АСТ» рассуждает Михаил Веллер. Потрепанный мужчина со взором горящим требовательно смотрит на продавца: «Это который Гумилев? Их же было два брата: один стихи писал, другой про историю. Мне нужен тот, что про историю». Такого, конечно, на «Новой площади» не услышишь.

В общем, все ярмарки/фестивали по-своему хороши, все слеплены с душой и фантазией. И все же осадок остается. Организаторы книжных мероприятий изо всех сил пытаются завлечь посетителей самоварами, крепкими напитками, вином, графеном, чем угодно. Пытаются убедить их, что читать модно, что книга — штука актуальная, с ней не стыдно иметь дело в мире гаджетов и девайсов, ее можно закачать в нетбук, ридер, айфон, айпэд. Она может пройтись колесом, сделать сальто, на худой конец, сплясать. Ну то есть нет, этого еще не может, зато сплясать могут писатель и продавец. Есть во всем этом карнавале, простите за оппортунизм, что-то глубоко неправильное. Хотя, конечно же, неизбежное.

НИЧТО НЕ УСТОИТ ПЕРЕД СИЛОЮ ЧИСТОЙ МЫСЛИ...

Зоя Копельман

Герой книги Ари Эйтана (А. Эйтан. Йедид нефеш. Тель-Авив: Бавель, 2010) пишет нижеследующее письмо. Читателю предлагается ответить на вопрос: где и когда жил Цион Таорани?

Многоуважаемый достойный юноша Амрам Битон, всецело посвятивший себя служению в чертоге Торы!

Верно, что знакомство наше с тобою длится не столь долго, и слова, которыми мы обменялись, повстречавшись третьего дня в зале книжной сокровищницы, были немногочисленны, однако знай, что я причисляю себя к твоим друзьям и доброжелателям. Есть безмерной важности дело, о котором я хотел бы с тобою переговорить. Дело это затрагивает мою душу, но в не меньшей мере и твою душу тоже. Оно касается верхов врат твоего постижения Торы и служения Всевышнему. Вследствие тех и иных причин храм ешивы, по моему скромному разумению, не может выступить подобающим местом для изложения всего дела перед тобою. Оттого мы обязаны встретиться в комнате № 4 синагоги «Мусайоф», причем в ближайший срок.

И еще я хотел бы отметить и прояснить, что ты не должен опасаться потерять драгоценное время, предназначенное для учения, поскольку эта встреча ни в малейшей степени не несет в себе опасности греха пренебрежения учением. Не тщета этого мира ее цель, но, как указывалось ранее, исключительно во имя Небес, а ее назначение — выставить заслон намерению некоего лица нанести ущерб твоему учению.

Ты сможешь известить меня о предпочтительном для тебя часе встречи, написав мне об избранном сроке записку и положив ее на страницу 258-ю в книге «Нетив Йошер». Эта книга стоит на 37-й полке у правой стены зала книжной сокровищницы.

Да пребудет с тобою

благодать Торы,

Твой доброжелатель Цион Таорани.

Стиль послания напоминает переписку ешиботников первой половины XIX века, однако оно написано семнадцатилетним жителем современного Израиля. Цион Таорани — герой-рассказчик романа «Возлюбленный моей души», якобы дневника юноши из харедимной ешивы в Иерусалиме.

Цион, еврей восточного происхождения, попадает в прославленную литовскую ешиву благодаря стипендии, учрежденной для одаренных мальчиков богатым марокканским евреем. Поскольку в харедимном мире сложилось устойчивое представление о большей престижности образования в ашкеназских ешивах, амбиции восточных евреев побуждают их стремиться туда. Противостояние «литваков» и «фрэнков», как презрительно называют в Израиле выходцев из стран арабского Востока, выливается в жуткую травлю последних. Одни ешивы вообще не принимают евреев восточного происхождения, а в других существует пресловутая «процентная норма», запятнавшая позором многие антисемитские режимы.

Мальчик из многодетной и малообеспеченной марокканской семьи Амрам Битон жаждет вырваться из неблагополучного окружения. Но когда он просит зачислить его в ешиву, ему отвечают, что процентная норма для «восточных» и так превышена. Тем не менее Амрам ежедневно ходит в библиотеку ешивы и в одиночестве занимается там Талмудом. Он надеется, что когда-нибудь, испытав его знания, раввины согласятся зачислить его в ученики. На той самой встрече, о которой шла речь в цитированном письме, Амрам поверил Циону свою душу:

Поначалу ответ р. Нахума меня очень огорчил, но потом я его понял. Я ни в чем его не упрекаю. Я понимаю, что ешива не хочет потерять своего традиционного облика, и я согласен, что сефарды не находятся на том же уровне, что и ашкеназы. Я вижу, как велико различие между сефардами и ашкеназами, всякий раз, когда приезжаю в Иерусалим из своего беэр-шевского квартала. <...> Я ни за что не отступлюсь, потому что знаю, как важно для меня научиться у ашкеназов остроте мысли и искусству талмудической дискуссии. Я хочу стать настоящим знатоком Торы, как они.

Однако силы неравны. Мальчики-ашкеназы объявляют милому и знающему Амраму войну. Непрекращающиеся оскорбления приводят к тому, что Амрам не выходит живым из миквы — не то он покончил с собой, не то в силу глубокого душевного кризиса стал жертвой несчастного случая...

«Возлюбленный моей души» — литературный дебют Ари Эйтана, заслуживший внимание и одобрение критики. Интервью с ним в газете «А-Арец» сообщает, что Ари (р. 1977) происходит из харедимной семьи. Его отец, выходец из Марокко, окончил в Израиле ашкеназскую ешиву и служит раввином в Иерусалиме. В семье пять мальчиков и три девочки, Ари — старший. И он, и его на редкость способная сестра были приняты в учебные заведения ашкеназов после долгих унижительных мытарств лишь благодаря связям отца. Библейскую фамилию Эйтан («Могучий») Ари взял в 18 лет, чтобы избавиться от марокканского клейма. В 19 лет он уехал продолжать учебу в Бруклин, где, как казалось, антагонизм между еврейскими общинами преодолен.

В феврале 1997 года в воздухе столкнулись два израильских военных вертолета, 73 человека погибли. Это заставило Ари задуматься, где он и с кем. В результате он вернулся в Израиль и тайком от родителей пошел служить в ЦАХАЛ, в боевые части. Излишне говорить, что его не хотели брать, но он настоял на своем. Родители ни разу не видели сына в форме: приезжая в Иерусалим, он прямо на автовокзале переодевался в принятое в их среде платье. Опыт пребывания среди светских евреев был как удар молотом по голове: прежде ему не доводилось ни слышать обсуждение сексуальных подробностей, ни даже видеть молодых людей разгуливающими в трусах (в ешиве все спали в пижамах!). Пришлось нелегко и в плане физической подготовки. Но он справился. Как и его герой Цион Таорани, Ари Эйтан — человек сильной воли.

Роман он посвятил родителям, но никому из общих знакомых не придет в голову связать их с автором вышедшей в светском издательстве книги. Это, как считает Ари, оградит родителей от неприятностей, ведь они по-прежнему всецело принадлежат миру харедим.

«Возлюбленный моей души» — не памфлет и не сатира. Это произведение гораздо больше, чем роман на злобу дня. В центре его — герой, которому по всем статьям подобает жить в святом граде Иерусалиме. Цион Таорани чист помыслами и предан ценностям иудаизма. Он попадает в литовскую ешиву из созданного воображением мира, где главный смысл человеческого существования — служение Творцу и постижение Его учения. Эта стезя неотделима от постоянного самосовершенствования, и наделенный гипертрофированной склонностью к рефлексии Цион все время анализирует свои поступки и намерения, расщепляет их на элементы и так доходит до сути вещей. Его благочестие не знает границ, и этим он очень напоминает героя бяликовского «Подвижника». Только у Бялика отношение к добровольно заточившему себя в стенах ешивы мальчику неоднозначно: здесь и восхищение, и понимание того, что благодаря этой отрешенности от соблазнов внешнего мира наша нация сохранила себя в течение тысячелетий, и горечь оттого, что «Забитые души, унылые души, / Последние искры большого костра, / Там чихнут, как травка средь зноя и суши, / Без срока, без смысла, без зла и добра».

У Эйтана не так. Его Цион — светлая мыслящая личность, реализующая мистическое понятие «двекут», слиянность с Творцом. И когда он убеждается, что мир людей отличается от модели, выстроенной им с помощью учителей, а харедимные ешивы не приближают его к истинному служению, он остается один на один с «Возлюбленным своей души», как назван Г-сподь в красивейшем пиюте «Йедид нефеш», который мы поем перед наступлением шабата. Этот пиют целиком дан в конце романа: переживший потерю друга Цион черпает силы в Том, кто не предаст...

Тема ужасов, творящихся в закрытых учебных заведениях, стара и имеет много решений в мировой литературе. И тот факт, что Цион и его друг — дети «простых» восточных евреев, отважившиеся мечтать о звании раввина исключительно благодаря природным способностям и самоотверженной учебе, можно считать общим местом для романов подобного рода. Не это делает книгу событием в литературной жизни страны.

Роман Эйтана написан на уникальном иврите, который нельзя услышать ни в ешивах, ни в университетских аудиториях, и тем менее — на улицах Израиля. Это искусственный язык, которым изъясняется очень юный человек, вся жизнь которого прошла в чтении. Но в то же время это не иврит бывшего ешиботника, как у писателей «национального возрождения» рубежа XIX–XX веков, вроде Бреннера, — иврит спотыкающийся, мучительно ищущий живое слово и вынужденно прибегающий к арамеизмам и другим заимствованиям. Язык книги органичен для героя и адекватен описываемым вещам, плавный, негибкий, прозрачный, как кромка узорчатого льда на начавшей промерзать луже. Наделенный поэтической душой, герой мобилизует весь арсенал книжных метафор и картин, отчего получается ни с чем не сравнимая ткань лирического повествования. Очень-очень грустного, но озаренного безмерной любовью Циона к Пресвятому, о которой все эти ешиботники, знатоки Талмуда и правил, давно забыли, как забыли они и о любви к ближнему, и о доброте вообще. Наделив героя уникальным языком, автор помог ему выразить особый взгляд на мир, людей и самого себя.

22 сентября

МЕЧТАЯ О РОМАНЕ

י' ד"ר סאָלעם אָדעאיַ עאָדעאַ ע די ע אָאיַ:

יאַ עסאָלעם אָדעאיַ ע אָדעאַ ע יאַ עאָלעם אָדעאיַ ע די ע אָאיַ.

אָדעאיַ. Если обозреть израильскую литературу последних 20 лет, мне ситуация видится так: мы уважаем Амоса Оза; презираем А. Б. Иегошуа; нас однажды тронул Этгар Керет, но он, к сожалению, не сумел повзрослеть; мы возлагали надежды на Давида Гроссмана, но он стал писателем для романтических подростков. По большому счету у нас есть только Меир Шалев. Все это странно. Потому что ведь язык и общество развиваются...

די ע אָאיַ ע אָדעאיַ עאָדעאַ

די ע. В бешеном темпе! Люди читают все больше и больше. Израильская литература востребована как никогда. Издательства требуют романов. В девяностых годах в ходу были рассказы, сегодня мы возвращаемся к роману. И появилось очень много молодых авторов, у которых выходит уже второй, третий роман. Кажется, нет такого голоса, который не был бы представлен в израильской литературе. Вот тебе, пожалуйста, религиозная литература для светских; проза, написанная израильтянами за границей для израильтян на родине; тель-авивская литература для нетельавивцев; нетельавивская литература для тельавивцев; ломающий рамки постмодернизм; литература, идущая от еврейской традиции, — очень сильное течение в последние годы; литературные мистификации; наряду с духовной литературой цветет и пахнет еврейская мифология; детективов — хоть отбавляй; литература идишского толка...

א. Короче, есть все, как в Интернете.

ד. Как в Интернете. Как в Америке. Как на телевидении. Как в кино. И все время работает главное правило, по которому развивается вся израильская культура: забудь о предыдущем поколении! Это очень смешно. Мы всему открыты, ко всему прислушиваемся, кроме самих себя. Ни у одного писателя нет преемника.

א. А что, должен быть?

В Вовсе нет! Просто это странно. Но именно так выглядит наше отражение в зеркале современности. В Интернете тоже — нет такого, чтобы один блог продолжал другой, они все по отдельности. В Израиле не хватает непрерывности, которая свойственна другим культурам. Когда Гоголь выходит из Пушкина и — понеслась! Сегодня читаешь Сорокина и других современных писателей — они же все время спорят с русской литературой: любят, ненавидят, убивают отца и снова его воскрешают. И эта связь с прошлым всегда была в русской литературе. В первом романе Достоевского, «Бедные люди», герой читает про кого? — про Акакия Акакиевича из «Шинели» Гоголя. А у Гоголя в «Ревизоре» Хлестаков «с Пушкиным на дружеской ноге». Русская литература впадает в крайность непрерывной связи с прошлым, израильская — в крайность полного разрыва этих связей.

А Ну а в чем, по-твоему, причина того, что в Израиле не пишутся хорошие романы?

В А что такое хороший роман? Харуки Мураками обожают миллионы, а я его терпеть не могу.

А Давай исходить из того, что мы оба понимаем, что такое хороший роман.

В А в России пишут хорошие романы?

А Тоже не особо.

В В какой-то момент мне очень понравились американские еврейские писатели нового поколения. Например, Майкл Чабон. Он и на русский, кстати, переведен. Я прочел его роман «Союз еврейских полисменов», про то, как евреи получают государство на Аляске, а официальный язык у них идиш. Отличная детективная история, доставившая мне удовольствие, и я подумал: «О! Есть кого читать. Но почему, почему в Израиле не умеют так здорово писать про евреев?» Я стал дальше читать этого Чабона и понял, что он тоже больной жиденок галутной литературы. Было первое поколение еврейских писателей, которые приехали в Америку из России и Восточной Европы, — Маламуд, Беллоу, Зингер. Следующее поколение делало кино — Вуди Аллен, «Сайнфелд». А сейчас творит третье — Чабон, Джонатан Сафран Фоер, Натан Ингландер и некоторые другие. Все они ужасно одаренные, окончили престижные литературные курсы и прекрасно владеют пером. Они опираются на две вещи: еврейскую ностальгию избранного народа и чипсовую американскую легкость. В общем, писать они умеют. Но после пятидесяти страниц ты говоришь: «Черт возьми, ребята, у вас ничего не болит! Вы в полном порядке, в этом-то и проблема».

А По поводу здоровья. Ты ведь и Шалеву ставишь в претензию его избыток.

В Ну да. Шалев пишет, что называется, грамотные тексты, наполненные ассоциациями, с библейскими аллюзиями, на основе досконального изучения предмета, струящимся и ясным языком. Но у этих текстов один недостаток, и это — самое грустное, что можно сказать о произведении: они не таят никакой опасности. Проза Шалева мягкая, защищенная. Я чувствую себя, как сумасшедший в комнате, обитой ватой.

А Интересно. Я-то всю жизнь пытаюсь сбежать от боли в литературе. Я хочу видеть в ней инструмент по превращению страшного в нестрашное. На фиг Достоевского!

В Почему? Потому что ты на этом был воспитан?

А Вероятно, и поэтому тоже. Сегодня я не думаю, что здоровое отношение к жизни мешает задавать жгучие вопросы. Я не думаю, что литература должна быть больной для того, чтобы быть интересной.

В То, что ты пишешь от боли, не значит, что ты болеешь. Можно быть очень здоровым и писать от боли. Например, Зингер. Он всю жизнь писал одну и ту же книгу. У него было два вида боли, вне зависимости от того, где разворачивается действие — в Польше времен Хмельницкого или на Гудзоне. Первая его боль — это то, что он родился от светски образованной матери и отца — судьи в раввинатском суде. Его раздирало между традицией и эмансипацией в виде девушек в бикини. Куда пойти? За мамой или за папой? Вслед за Ницше или вслед за Рамбамом? Вторая боль — он не попал в Катастрофу. Почему я не погиб в Катастрофе? Почему оставил Польшу за мгновение до того, как все началось? Всю жизнь он мучился этой болью — очень ясной и понятной. А про Шалева кто-то сказал, что он пишет развлекательную

литературу. Это правда. Он меня развлекает. И делает это очень хорошо — мне приятно, мне любопытно, я читаю его с радостью.

А Ну и чего ты тогда привязался к человеку? Чего тебе не хватает? Или, по крайней мере, назови кого-нибудь, кто отвечает твоим запросам.

В Из современных, пожалуй, никто. Но, может, это мои личные комплексы. Например, я не люблю читать про людей, которых знаю. Мне это скучно. Это все равно что смотреть спектакль одного старого знакомого. Я тоже могу так рассказывать — как мы встали после Нового года, салат оливье и прочая дребедень. Это стереотипно и банально.

А Ну хорошо. Был Агнон, мы его читаем, и это по-прежнему хорошо. Но Агнон писал много лет назад, когда иврит только начал входить в обиход. Сегодня язык гораздо богаче, разнообразнее. Он предлагает роскошный набор инструментов. Но литературы это не делает.

В А может, мы просто не хотим читать про самих себя?

А У всех пишущих израильтян слепое пятно на глазах и они себя не видят? Проблема в сознании?

В Корень всех проблем в становлении национального сознания. Местная литература без всякого ангажемента сначала превознесла сабру, потом убила сабру, потом стала психологической литературой от первого лица, потом заговорила от лица районов бедноты; одновременно заговорила городская литература, а параллельно — кибуцная...

А Кстати, перечитывая недавно Шалева, я вдруг понял, что его с полным правом можно назвать «писатель-деревенщик».

В Точно!

А Но какая огромная разница между русским деревенщиком и израильским!

В Да уж, не Шукшин! Но у Шалева это, между прочим, совершенно сознательный выбор, и мы говорили с ним об этом. Он напрочь отказывается реконструировать диалекты и реальные ситуации. Он пишет точно так же, как говорит: литературным, высоким, богатым и... несколько поцеватым языком.

А Поподробнее с этой цифры. Я не уверен, что правильно переведу слово «поцеватый».

В Как объяснить... его язык такой, блин, чистый, как будто никакого сленга вообще не было и нет! У него нет никакого психологизма, в этом смысле он — антитеза Достоевскому.

А А мне нравится, что он излагает через персонажей и через действие. Психология — не наука!

В Ну так Керет этот метод отжал до капли. И современная американская литература так работает. Карвер, например...

А Не читал.

В Это писатель, который породил Керета: короткие рассказы, стаккато, немного фантастики... Послушай, я хочу спросить и тебя и себя: так чего же мы сами-то хотим, двое зануд?

А Знаешь, мы ведь оба пишущие люди. Я всегда пытался написать то, чего еще не было, но лично мне этого не хватает. И книжки про израильский сленг я так писал, и прозу. Надеюсь при этом, что это будет интересно не только мне, но и другим.

В Я под этим подписываюсь! Писать книги, которые нельзя найти в книжном магазине! Ну так все-таки, чего мы прицепились? Чего ворчим, когда вокруг все цветет, тиражи растут, разнообразие голосов поражает? Может, мы чего-то не знаем?

А. Кроме литературного израильского чуда, есть еще экономическое. Страна богатеет, а граждане беднеют.

В. Очень точное сравнение!

А. Даже если все так хреново, мы же все равно надеемся на лучшее. Мы же романтичные парни.

В. Думаю, самые романтичные в округе.

А. Ну и какой же нам нужен роман? Увлекательный?

В. Это понятно. И чтобы удивил!

А. Чтобы был умный! Чтобы в нем была любовь! Небанальная такая.

В. Чтобы пробудил нас к чему-то новому!

А. Короче, мы ждем от романа того же, чего от него ждали двести лет назад. Ничего не изменилось.

В. Слушай, но литература — это ведь не еда, чтобы так о ней говорить...

А. Русские говорят об общении. В русской литературе очень важно общение автора с читателем.

В. Да! Но русские немного двинутые на этом общении с автором. Они это буквально воспринимают.

А. Я не имею в виду в сэлинджеровском смысле: хороший автор — это которому хочется позвонить по телефону.

В. Ага, поговоришь с автором по телефону — потом читать не захочешь! Но я хочу сделать действительно романтическое заявление. Может, все дело в создании миров. Я хочу прожить много раз и в жизни, и в литературе. И с детства литература давала мне такую возможность. И сегодня я этим же живу.

А. Лет десять назад ты рассказывал мне про свой замысел: роман, в котором происходят реинкарнации. Продвигается?

В. От отчаяния до отчаяния.

А. Но ты не бросаешь?

В. Нет! Я хочу его написать и не хочу думать ни о чем другом.

А. Значит, напишешь! Ты знаешь, к кому ты обращаешься, кто твои читатели?

В. Нет. Клянусь, что нет!

А. Только не говори, что пишешь для себя.

В. Ты с ума сошел! Конечно, нет! Если я что и ненавижу, то это литературу в качестве терапии. Тут я готов, пожалуй, согласиться с Шалевом, с его развлекательным уклоном. Потому что, если писатель заботится только о себе и о своей боли, это читать невыносимо.

А. Я думаю, писатель несет перед читателем ответственность, и он, в общем, для читателя пишет, а не для себя.

В Конечно! Читатель должен совершить сентиментальное путешествие, интеллектуальное путешествие, физическое путешествие и еще хренову тучу путешествий, которые я обязан для него организовать. Так что я пишу, конечно, для людей, но для каких именно, мне трудно сказать. Изначально я представляю своего читателя тельавивцем, живущим похожей на мою жизнь. Но потом я выступаю в каком-нибудь Франкфурте, читаю свои рассказы в переводе на английский...

А И тебя прекрасно понимают!

В Гораздо лучше, чем в моем окружении! Тонко, сочувственно, со всеми аллюзиями и ассоциациями. А когда здесь, в Тель-Авиве, я принес в одно издательство книгу рассказов, редактор мне сказал: «Я думал, это рассказы о Тель-Авиве. Для меня Тель-Авив — это супермаркет “АМ-РМ”, например; эфиопская кассирша влюбляется в русского охранника; молодежь трахается в ночном клубе и так далее. Эти рассказы не про меня!» Я ответил ему: «Да, тебя здесь нет. И не будет! Пусть таких, как ты, тысяча передо мной на улице выстроится, я лучше придумаю героя, чем напишу про вас! Потому что мне от вас скучно в жизни и еще скучнее — в литературе!» Так что я не знаю, для кого я пишу.

А Я тебе скажу, для кого ты пишешь!

В Для кого?

А Для всех! У глобализации есть чудесные стороны, которые я просто обожаю. Ты даже не представляешь себе, в каком конце мира найдешь своих читателей!

В Да, это радует. Но у тебя миллионы потенциальных читателей по-русски, а у меня?

А А переводы?

В Я сам переводчик и знаю, что даже самый лучший перевод, пусть он будет даже лучше оригинала, не передаст полностью того, что я хотел сказать.

А Не страшно. Есть много писателей, которых ты и я читали только в переводах, и они до нас прекрасно достучались.

P.S. Διατίθεται ἐς ἰταίε εἰεῖν διὲ ὄαια ἃ ἰαδιαῖα Ἀδεῖα Ἐαδεῖα -εὐαεὐά ἃ ἰαῖτι ἐς ἀεῖαεὐεὐὶ ἰῖ αῖῖα «Ἐαῖεῖ α».

МАША ГЕССЕН:

«С МАТЕМАТИКАМИ ОЧЕНЬ ПРИЯТНО ИМЕТЬ ДЕЛО»

Беседу ведет Михаил Эдельштейн

В прошлом номере мы поместили рецензию на книгу Маши Гессен о математике Григории Перельмане «Совершенная строгость». Возвращаясь к теме, «Лехаим» предлагает читателям интервью с Машей Гессен. Беседа состоялась за несколько дней до появления информации об уходе Гессен с поста заместителя главного редактора проекта «Сноб».

י ààà Ááááá

י ÈðÀÈÈ ÝÀÀÈÛÒÒÀÈÍ. Почему Перельман? Это была ваша идея, издательский заказ?

י ÀÒÀ ÁÁÁÁÁ. Моя идея. У меня есть такая писательская особенность — я не могу закончить одну книжку, не придумав следующей. В августе 2006-го я заканчивала книгу о генетике «Blood Matters», и мне казалось, что я теперь всегда буду писать научпоп. И в этот момент появилась заметка в «Нью-Йорк таймс», что Перельман отказался от медали Филдса, потом статья о нем в «Нью-Йоркере». И я вспомнила, что я что-то про него уже слышала в связи с публикацией им в 2003 году решения гипотезы Пуанкаре. Из того небольшого количества информации, которое у меня было, мне показалось, что эта тема специально создана для меня: он мой ровесник, из очень похожей семьи, тоже учился в матшколе. Мне казалось, что все про него понятно и есть возможность написать еще одну научно-популярную книжку (это было большим заблуждением). Я спросила у Сильвии Нассер, автора статьи в «Нью-Йоркере», собирается ли она писать о нем книгу, и она сказала, что думала об этом и, видимо, не собирается. Тогда я написала предложение в издательство, и они тут же за него ухватились.

י.Ï. У меня странице к 50-й сложилось стойкое ощущение, что описывается какой-то «бал монстров»: не только Перельман, но и Рукшин, и Громов выглядят персонажами вполне клиническими. Не тяжело ли вам было с этими людьми, не испытывали ли вы при общении с ними что-то вроде отвращения?

י.Á. У меня почти никогда не бывает отвращения к людям, которых я описываю, тем более если они никого не убили.

Вообще с математиками очень приятно иметь дело, потому что когда ты берешь интервью у человека с синдромом Аспергера, то получаешь развернутые и полные ответы на все вопросы. «Нормальный» человек начнет отвечать, потом уйдет в какие-то дебри, совершенно забыв о теме, придется двадцать пять раз задавать ему разные уточняющие вопросы... С «аспергером» гораздо проще: он может

добавить очень много информации, которая, как ему кажется, необходима для понимания сути, но обязательно вернется к первоначальному вопросу и даст исчерпывающий ответ.

У меня был один очень смешной разговор, по-моему, он описывается в книжке. Я пыталась воспроизвести ситуацию Черногловки, где Перельман в числе прочих юных математиков готовился к международной олимпиаде, и расспрашивала, помнит ли мой собеседник заезд в Черногловку, какое было время дня и прочее. И он мне все время говорил: «Ну зачем вы задаете такие вопросы, это же не имеет никакого отношения к делу. Спросили бы лучше, где теперь члены этой команды». «И где теперь члены этой команды?» — спрашиваю. «Не знаю». Это, конечно, издержки общения с такого рода людьми.

И.У. Из книги понятно, что главный человек в жизни Перельмана — его мать. Но семейная история занимает в книге сравнительно немного места. Что это — этические ограничения, недостаток информации?

И.А. Информации у меня было значительно больше, чем вошло в книгу. Но у меня не было возможности поговорить с членами семьи — отец умер, мать находится в очень зависимом от Перельмана положении, периодически ее поведение вызывает у него агрессию. То есть вся информация была бы из вторых-третьих рук, поэтому я попыталась ограничиться только самым необходимым.

И.У. Книга о Перельмане — первая ваша книга, которая вышла по-русски. Предыдущие — книга о ваших бабушках, упомянутая книга о генетике — на русский не переводились. Это ваш выбор или отсутствие издательского интереса?

И.А. Второе. Книга «Two Babushkas: How My Grandmothers Survived Hitler's War and Stalin's Peace» была переведена на 10 или 15 языков, но не на русский. Думаю, тогда, семь лет назад, российским издательствам казалось странным переводить книжку о России с другого языка. С тех пор это стало обычным делом, и сейчас, наверное, ее можно было бы протолкнуть. Но я уже не уверена, что хочу это делать — ее надо будет освежать, а мне не очень хочется к ней возвращаться. Если кто-то сам захочет ее перевести, то я не откажусь.

И.У. А ваша книга о Биробиджане, которая должна вскоре появиться по-английски, выйдет на русском?

И.А. Английское издание появится, наверное, чуть позже, чем ожидалось. Сначала у меня выйдет другая книга, про которую я говорить пока не буду. Она появится в марте, а Биробиджан скорее всего осенью. Российским издательствам книга о Биробиджане еще не предлагалась, поскольку я отложила ее редактирование на после книжки, которая выйдет срочно.

И.У. И о которой мы не говорим.

И.А. Именно.

И.У. Что для вас «Сноб» — просто одна из ниш на медийном рынке или прообраз СМИ будущего?

И.А. Это, конечно, СМИ будущего, абсолютно новая модель. Как с любой новой моделью, 70% того, что мы пробуем, так или иначе оказывается неудачным: либо мы слишком опережаем запрос, либо отстаем, либо просто получается не совсем то, что нужно. Но 30% остается, это, вообще-то, много для новых придумок.

Мы делаем очень много того, что никогда не делалось и, я думаю, будет обязательно присутствовать в СМИ будущего. Например, мы совершенно поменяли отношения между автором и героем статьи. На сайте мы делаем многослойные материалы: когда герой статьи приходит в комментарии и обсуждает с читателями свой образ — это уже совершенно другой контент, чем в традиционной журналистике. То же и с текстами, которые идут в журнал: мы их посылаем герою не столько для утверждения, как это делалось в российской журналистике, сколько для того, чтобы он прокомментировал то, что о нем написано. То есть взгляд автора не подлежит пересмотру (естественно, это не касается фактических ошибок), но подлежит обсуждению до выхода статьи: материал выходит с комментариями на полях от его героя или героев. И такого рода вещей много.

И.И. А то, что первоначальная «снобская» аудитория размывается, демократизируется, вас не огорчает?

И.А. Так и задумывалось.

И.И. Разумеется, но вам не обидно, что первоначальный узкий круг более или менее единомышленников постепенно превращается в набор людей случайных, многие из которых оставляют в комментариях откровенный мусор?

И.А. У меня нет ощущения, что становится больше случайных людей. И в первоначальном круге были довольно сильные разногласия...

И.И. Но немного на другом уровне, нет?

И.А. Нет-нет. Мы ориентируемся на какие-то ценности, которые заведомо маргинальны в той культуре, где мы работаем. Это, так сказать, часть «дизайна». Дальше вопрос: насколько редакция имеет право опережать свою аудиторию, как велик может быть этот разрыв? Иногда мы с ним перебираем, это редакционные ошибки, которые выливаются в какие-то конфликты. Но согласно нашей аналитике, около

90 % того, что пишут о «Снобе», — это положительные отзывы. Конечно, в блогах, как всегда, громче всех

кричат те, кому все не нравится. Но это не имеет никакого отношения к популярности издания — у нас со страшной скоростью растет трафик, растет тираж. Мы невероятно успешны, для стартапа просто сказочно.

Кроме этих показателей, есть моя референтная группа, люди, про которых я точно понимаю, что я пишу и редактирую для них. Мне важно, чтобы они воспринимали издание так, как мне хочется. И в целом это получается.

И.И. А кроме как словами «референтная группа» эта референтная группа как-то описывается? Какие-то качественные характеристики у нее есть?

И.А. Пусть это останется моим ноу-хау.

И.И. Вопрос, который вам, наверное, чаще всего задают: почему перевернутая С в названии?

И.А. Нипочему, это дизайн. Кстати, мне первый раз задают этот вопрос, у меня нет на него ответа.

И.И. Я был уверен, что вас об этом спрашивают в каждом интервью, поэтому стеснялся задавать этот вопрос, но было любопытно...

И.А. Как раз нет... Это довольно распространенный прием в дизайне. Понятно, что в него заложена ирония по отношению к собственному названию: если мы переворачиваем первую букву, то и все название нужно воспринимать более или менее наоборот.

И.И. Я считал, что здесь более прямая корреляция с названием: перевернутая С — это такая специальная снобистская буква, выделенная из общего ряда, непохожая на других.

И.А. Интересно. Но ничего такого не подразумевалось.

**НАША КНИЖНАЯ ПОЛКА:
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ**

Ī ĀCĀĪ Ī ŪĀ NĀBCE

ĀĀDĀ ÈĪĀĀD

ÑĪ ĀDŪÛ ÈÓĪ Ū

Ī .: ŌĀÊÑŌ; ÈĪ ÈĀĪ ÈÈÈ, 2011. — 160 Ñ.

(NĀDÈB «Ī DĪ CĀ ĀĀDĀÈÑÈĪ È ĀÈÈĪ È».)

По творческой биографии Веры Инбер можно наглядно проследить тот путь, который проделала официальная советская литература начиная с первой послереволюционной декады и заканчивая эпохой застоя. В период относительной свободы 1920-х годов, благоприятствовавшей моде на литературные объединения, Инбер была членом группы конструктивистов. После насильственной унификации литературной жизни участвовала в работе первого съезда советских писателей, утвердившего доктрину соцреализма. Во время Великой Отечественной, используя цензурные послабления, напечатала поэму «Пулковский меридиан», где в реалистическом изображении будней блокадного Ленинграда в последний раз проявилась ее поэтическая самобытность. В послевоенные десятилетия растворилась в массе верных партийной линии творцов.

Складывается впечатление, что с Инбер все ясно. Однако сборник «Смерть луны» заставляет в этом усомниться. Во-первых, писательница представлена здесь исключительно прозой — жанром, который принято считать для ее творчества периферийным. Во-вторых, проза эта столь филигранна по исполнению и столь далека от советских официальных канонов, что заподозрить в ее авторе классика соцреализма (пусть и будущего — последний из представленных в сборнике рассказов относится к 1938 году) совершенно невозможно.

Луна, давшая название всему сборнику и действительно так или иначе фигурирующая в каждом из рассказов, традиционно является символом женского начала и материнства. Однако в «астрономическом» смысле она также ассоциируется с тягой к знаниям, мечтой об освоении космоса и расширении границ собственного существования. Другими словами, архетипы женского и мужского сливаются в образе луны воедино, что вполне отвечает духу прозы Инбер, которая стремится как бы уравновесить эти два полюса, посмотреть на мир одновременно глазами заботливой еврейской матери и озабоченного экзистенциальными проблемами отца.

Если повествование ведется от первого лица, то рассказчица всегда девочка или молодая женщина, еще не познавшая материнства, то есть не имеющая пока определенного места в традиционной семейной иерархии. Это делает ее более восприимчивой как к нюансам окружающей действительности, так и к возможностям их философского истолкования. Однако она уже заранее репетирует материнскую роль, интуитивно подыскивая для себя подходящий объект. Не случайно один из сквозных героев Инбер — болезненный еврейский ребенок или подросток мужского пола с каким-нибудь ярко выраженным талантом, приподнимающим его над бытом, будь то способности к изучению космических явлений («Ловец комет») или музыкальная одаренность («Уравнение с одним неизвестным», «Параллельное и основное»). Таким мальчикам писательница отдает всю свою симпатию, очевидно веря в их исключительный статус, ибо именно они гарантируют в конечном итоге выживание целому народу, если не всему человечеству.

Но и в простых людях, преданных своему, казалось бы, приземленному ремеслу, Инбер склонна видеть художников в широком понимании слова. Так, портной Соловей из рассказа «Соловей и роза», напевающий за работой строки из Песни Песней, действительно оказывается способен на возвышенные любовные переживания, позволяющие воспринимать аналогию между ним и царем Соломоном без тени иронии. А сапожник Иосиф Коринкер из рассказа «Бывают исключения» хоть и не поднимается до таких поэтических высот, однако, подобно Шерлоку Холмсу, по одному виду штиблет может запросто определить всю подноготную их хозяина.

Но иногда тяга выйти за рамки повседневности превращается в навязчивую идею, а любимое дело фетишизируется, вытесняя все человеческие привязанности. Об этом свидетельствует образ учителя физики Фомы Нарциссовича из заглавного рассказа. Педагог до такой степени влюблен в естественнонаучные модели объяснения мира, что теряет способность эмоционального восприятия действительности, заражая этим и своих юных учениц. И только близкий контакт с реальной болью и страданием исцеляет девочек от этого недуга.

Боль и страдания, несмотря на ироничный тон большинства произведений, — один из лейтмотивов прозы Инбер. В каждой строчке ощущается хрупкость того мира, из которого вышла писательница и который она пытается реконструировать усилием памяти. Непостоянная в своем облике луна — это еще и символ перемен (к лучшему или худшему), и Инбер выступает чутким хронистом тех потрясений, которые произошли в жизни ее народа и всей страны с момента революции. Она видит нечеловеческие жертвы и лишения, но видит и надежду. Не случайно в рассказе «Уравнение с одним неизвестным» незнакомец, являющийся в трудный момент на подмогу героям, отказывается открыть свое имя, оставляя только записку с таинственными инициалами, вселяющими, впрочем, уверенность в том, что персонажам гарантирована поддержка от самой высокой инстанции.

Ася Инбер

יִיאַ נַאִיֹּוּפּ יִיֵּעֹנֶעֶװ ײַאַנִיאַ

ײַנֶװ יִיאֹױ״״

אַ יִיֵּעֹנֶעֶװ ײַאַנֹױ

יִאַב נֶעאַעֶ״אַ ײַ״״״״״ יִ״״״״ יִיאַ דאַ. אַ. װאַדִיֵּ״אַ, ײַ. בִּינֶ״״״

י.: ״אַעֶ״״: ײַ״״״״״, 2011. — 448 נַ.

(נֶאַדֶּ״״ «יִ״״״ אַאַדאַעֶנֶ״״ ײַ אַעֶ״״״».)

Иосиф Опатошу (1886—1954), один из самых известных и плодовитых американских писателей на идише, родился в «русской» Польше, но с 1907 года жил в Нью-Йорке. Там в 1921 году вышел в свет его исторический роман «В польских лесах», сразу ставший заметным событием в еврейской литературе. В том же году он был переведен на иврит, а в 1929-м — на русский и издан в Москве. И вот теперь старый перевод возвращается к русскому читателю.

Интересно, что переводчиком выступил ведущий марксистский литературовед и критик, писавший и на идише, и по-русски, Исаак Нусинов. Кстати, именно Нусинов был автором статьи об Опатошу в Литературной энциклопедии. В ней он ругает писателя за мелкобуржуазный национализм, а хвалит за то, что тот несколько раз приезжал в СССР и показал себя другом Страны Советов. Вот что Нусинов пишет об им же переведенном романе «В польских лесах»: «В этом романе выявляется по существу ведущая линия творчества Опатошу: национализм, интерес к религиозной мистике, мелкобуржуазная идеализация прошлого». Можно, конечно, и так. Но я попробую кое-что добавить к этой почти исчерпывающей формулировке, которая в нынешних условиях звучит как неприкрытая реклама.

Как только Менделе, Шолом-Алейхем и Перец сняли проблему легитимности творчества на «жаргоне», перед повзрослевшей еврейской литературой встали новые проблемы. Одной из главных была проблема поиска пространства. Большой литературе требовался простор, в самом буквальном, территориальном смысле этого слова. Больше невозможно было писать о пространстве, границы которого совпадали с «тхум шабес» (субботней чертой) родного местечка. В произведениях Шолом-Алейхема одно из главных проклятий еврейской жизни — теснота. И, чтобы избавиться от нее своего идеального героя, Тевье-молочника, Шолом-Алейхем «выдергивает» его из местечка. Кроме пространственной тесноты для бытописателей местечковой жизни важна была еще и проблема тесноты социальной, связанной с относительно высокой однородностью традиционного еврейского общества. Трудно было создать множество различных типов, а стало быть, и почву для культурных и социальных конфликтов. Но выйти за

пределы привычной еврейской среды в большой, разнообразный мир было «страшно». И Шолом-Алейхем, сам живший то в Киеве, то в Нью-Йорке, то на европейских курортах, «отправляет» своего Тевье... жить в лес, на хутор.

XX век начинает развязывать узлы этой замкнутости, во многом переставшей существовать в реальности, но продолжавшейся в литературе. Одним из главных достижений еврейского модернизма стало то, что он «посмотрел вокруг» и увидел евреев, живущих не в Касриловке, а в Польше, на Украине, в России. Таким «посмотревшим вокруг» писателем, несомненно, был Опатошу. Недаром один из самых известных его романов называется «В польских лесах». В подтексте слышится противопоставление: ...а не в еврейском местечке. На самом деле действие романа только начинается «в лесах», но происходит большей частью в городе. И когда роман прочитан, ощущение вызова остается. В сущности, несколько упрощая, можно сказать, что Опатошу написал на идише польский роман.

Вообще, если отказаться от традиционных языковых границ в пользу границ культурных, то окажется, что, например, Шолом-Алейхем, сознательно ориентированный в своем творчестве на Гоголя, писатель во многом русский. Точно так же Опатошу, наследующий традициям польского позитивизма, традициям Реймонта и Элизы Ожешко, в значительной мере польский прозаик.

Тема романа — кризис традиционной еврейской общины как часть общепольского кризиса, трагически разрешившегося восстанием 1863—1864 годов. Именно слом традиционного общества, в котором только и был возможен симбиоз польских крестьян и еврейских корчмарей и арендаторов, в равной мере связанных с дремучими польскими пущами, приводит и к аграрному кризису в польской деревне, и к кризису хасидских дворов. В этой связи характерна постоянно происходящая в романе смена декораций: перед нами то лесная усадьба еврея-арендатора, то польский патриотический салон, то двор хасидского цадика, то польская деревня. И все это части единого, переживающего общие предреволюционные муки пространства.

Опатошу начинал в литературной группе «Ди юнге» («Молодые»), возникшей в Нью-Йорке после революции 1905 года. «Юнгисты» были первым осознанно модернистским объединением в еврейской литературе. Влияние символистской эстетики отчетливо присутствует и в романе «В польских лесах». Зачинателем символизма в еврейской литературе был учитель Опатошу (и многих, многих других писателей) великий И.-Л. Перец, а завершителем — не менее великий Дер Нистер. Интересно, кстати, сравнить роман Опатошу с «Семьей Машбер» Дер Нистера. Книги, посвященные одной эпохе и одной проблеме («Машбер» в переводе с иврита и значит «кризис») и написанные учениками Перца, представляют собой зеркальное отражение друг друга. Если роман Опатошу начинается как семейная хроника, с тем чтобы потом выйти на возможно более широкую социальную и культурную сцену, то роман Дер Нистера, напротив, начавшись с необыкновенно широкой социальной и культурной панорамы, сужается до замкнутого пространства семьи.

Несмотря на то что я очень люблю произведения Перца и Дер Нистера, мне кажется, что символизм (в том числе, еврейский) как литературное направление был гораздо успешнее в поэзии, чем в прозе. Быть может, «Семья Машбер» как раз то исключение, которое подтверждает правило. Как бы то ни было, Опатошу — не мой любимый писатель: взвинченная, истерическая интонация его повествования, лоскутная, рваная композиция романа мне совсем не близки.

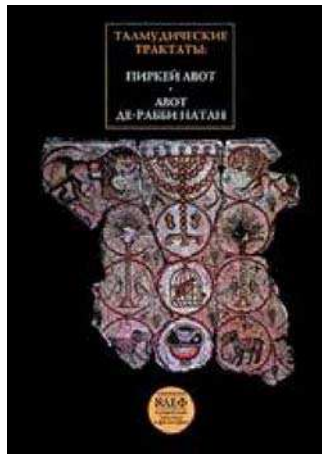
Но дело не в моих личных вкусах, а в том, что на русском языке появилось одно из самых известных и популярных произведений, написанных на идише. А значит, сделан еще один шаг к тому, чтобы перед заинтересованным читателем предстала целостная картина еврейской литературы.

Ààèèèé Äüi öèö

יְעִיעֵי נְעָב יִּוְאֵדִי נוּוֹ אֲבָאֵנֵעֵוּ יִּוְאֵדִי

וְאֵי וְאֵי אֲנֵעֵא וְדֵאֵוֹאוּ: יִּעֵדֵאֵ-אֵיִו; אֵיִו אֵא-דֵאֵאֵ יִוְאֵי

**יִּאֵב. נְ עֵאֵדֵוֹא י. יִּאֵדֵאֵוְאֵיִאֵ אֵ יִּאֵ דֵאֵ. ד. עֵיִ אֵדֵאֵנֵאֵדֵאֵ
י.: יִּיִנוּ עֵוְעֵוְוֵוֵ; עֵאֵדֵוֹנֵאֵעֵי : אֵאֵוְאֵי, 2011. — 328 נְ.**

Издание талмудических трактатов «Пиркей Аво́т» и «Аво́т де-рабби Натан» (первый из них представлен в книге не только переводом, но и ивритским оригиналом) — подарок любителям древних и средневековых еврейских писаний. Трактаты эти были в свое время переведены выдающимся популяризатором раввинистической письменности Нехемией Переферковичем, чей колоссальный труд по переводу Мишны и Тосефты на русский язык до сих пор не имеет аналогов. Новое их издание, подготовленное с чрезвычайной тщательностью, содержит множество уточнений, исправлений и комментариев к переводу Переферковича. Высокий уровень издания, использование современных достижений лексикографии для приведения старого труда в соответствие с современными требованиями науки делают его интересным не только для читателей, не имеющих возможности читать трактаты в оригинале, но и для специалистов.

Особенный интерес у широкого читателя всегда вызывал поистине уникальный мишнаитский трактат «Аво́т» (в Средневековье его называли «Пиркей Аво́т» — «Главы отцов»). Это единственный раздел Мишны, который не содержит алахического (законодательного) материала, а целиком посвящен духовным, этическим, философским проблемам. Трактат на протяжении веков пользовался огромной популярностью не только в еврейском мире (где изречения из него вошли, в частности, во многие сидуры), но и в мире христианском — пожалуй, ни один из раввинистических источников не цитировался так широко и с таким одобрением, как «Аво́т».

И это не случайно. В предисловии Реувен Кипервассер замечает, что высказывания танаев, приведенные в трактате, напоминают «афоризмы, известные из греческой и римской литературы — так называемые гномы и сентенции». Очевидно сходство и с античными собраниями хрий — речений, приписываемых знаменитым мыслителям и ученым. «Аво́т» — самый «эллинистический» из трактатов Мишны, да и Талмуда в целом (кстати, такая же «эллинистическая» часть есть и в Библии — это книга Коелет). Он построен как последовательность высказываний учителей и учеников, передающих мудрость Торы из поколения в поколение. Этим он напоминает распространенный в греко-римском мире жанр, в рамках которого происхождение философской школы приписывалось легендарному мудрецу прошлого, а потом рассказывалось, как от него мудрость передавалась по цепочке через глав этой школы, сколархов, от учителя к ученику. Возможно, эта эллинистическая жанровая матрица была заимствована для утверждения непрерывной преемственности поколений еврейских мудрецов и легитимации школы их мудрости.

Исследователями отмечалось, что парадоксальные определения мудрости, силы, богатства, почета, приписываемые Бен-Зоме, очень близки парадоксам стоиков, а изящная пятичастная сентенция «День короток, работа велика, работники ленивы, плата велика, а Хозяин торопит», приписываемая рабби Тарфону, по форме удивительно напоминает пятичастный афоризм Гиппократов «Жизнь коротка, искусство вечно, случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно». Таким образом, «Авот», воплощая в себе еврейскую мудрость, одновременно являет пример плодотворного взаимодействия эллинской и еврейской культур — двух столпов, на которых стоит современная цивилизация.

Гораздо менее известен широкой еврейской и нееврейской публике трактат «Авот де-рабби Натан», являющийся комментарием на «Авот», созданный сравнительно поздно и существующий в двух сильно различающихся версиях (переводы обеих приведены в книге). Однако и он представляет несомненный интерес для русскоязычного читателя, который теперь имеет возможность познакомиться с глубокими и зачастую абсолютно неожиданными суждениями еврейских мудрецов. В частности, общеизвестные традиции, предписывающие именно женщинам, а не мужчинам покрывать голову, зажигать субботние свечи и отделять халу, трактуются здесь (как и в Берешит раба) вовсе не как особый почет, свидетельство высокой роли женщины, а совсем наоборот — как расплата за древний грех Хавы перед Адамом.

Особо пытливым читателям было бы любопытно сравнить нынешнее издание с изданием 1903 года и понять, какой путь проделала еврейская мысль за это время. В ряде случаев Переферкович честно указывает применительно к тому или иному стиху: «Место темное». Кипервассер сообщает, что многие такие места удалось прояснить, однако о чем именно идет речь, остается непонятным — соответствующие указания Переферковича в новом издании, к сожалению, не приводятся. Среди прочего Переферкович указал на неясность того фрагмента в первой версии трактата «Авот де-рабби Натан», где говорится о посмертной судьбе праведника и грешника («Г-сподь сказал: “Я не уравню дурной йецер с добрым”. Так — до того, как приступит к вынесению приговора согрешившему, но при вынесении приговора оба равны в отношении греха»). Хотя перевод Переферковича здесь слегка подкорректирован и его замечание снято, фрагмент, увы, не становится более ясным. В другом месте, которое отмечено переводчиком как «темное», приводятся применительно к наказанию грешника слова из 146-го псалма: «Выходит дух его, и он возвращается на землю свою». Пояснение Кипервассера («...наказание злодеи получают тотчас после наступления эсхатологической эпохи») не кажется исчерпывающим, требуется более подробное обоснование. Впрочем, практически все примечания в книге весьма сжаты, что вызвано, по-видимому, требованиями объема издания.

Но все это не более чем мелкие замечания по частным поводам. Создатели книги — и редактор, и издательство — постарались на славу, в результате чего на свет появилось отличное издание.

Р. Д. Д. Д.

ÑĚĪÂĀÑĪ ŪĒ Ī ĪÐŌÐÀŌ Â ĒĪ ÒÂÐŪÂÐÂ

ÂĪÐĒÑ ÆŌŌĪÂÑĒĒĒ

ĒÂĒ ĪÂĒĪ ÂĀĪ Ū. ÐĪ Ī ÂĪ-ĒÂÐŌĒĪÂ

Ò. 1—2 Ī., 2011. — 932 Ñ.

Литературный талант у художников встречается не реже, чем у других категорий населения. И тем не менее мы всякий раз приятно удивляемся, когда обнаруживаем, что мастера видимого умеют выражать свои мысли письменно. Это кажется чудом большим, чем появление в Интернете очередного литературно одаренного почтальона или слесаря.

Ветеран советского андеграунда Борис Жутковский объясняет качество созданного им текста при помощи старой шутки о том, что художники-графики всегда умнее живописцев и монументалистов, поскольку им приходится читать книжки, которые они иллюстрируют. Впрочем, в его случае очевиден не только талант, но и фантастически амбициозное отношение к делу описания своей жизни.

Специально для книги Жутковский выдумал новый жанр — роман-картина. В основе текста — шестичастная работа, создававшаяся на протяжении 27 лет. Каждая часть разделена на 25 квадратов и тематически озаглавлена: за «Памятью» следует «Природа», за «Природой» — «Искусство». Кончается все разделом «Годы», в котором беспорядочно соседствуют воспоминания о смерти дочери, друзьях, не попавших в другие разделы, поездках. «Как один день» представляет собой многослойное сочинение в формате альбома по искусству, подчиненное постмодернистской мозаичной структуре. Здесь есть место и античной скульптуре в Турции, и переписке Натана Эйдельмана с Виктором Астафьевым, оставшейся жутковатым свидетельством иррационального антисемитизма автора «Царь-рыбы» и «Печального детектива».

Жутковский видит свою биографию как энциклопедию или, вернее, атлас с множеством иллюстраций, как связанных с текстом, так и далеких от него. Вот пример. Он пишет о своем отчине — Игоре Крастелеве. Благодарный очерк («за все мужское в характере — ему поклон») сопровождается репродукцией предсмертного портрета Крастелева. Страшное в предсмертной судороге лицо обрамлено аккуратными буквами, складывающимися в последние слова отчима. Кроме того, мы видим копии дневника Коростелева, который он вел с 1923 года, читаем его письма Жутовскому и смотрим на фотографии из семейного архива. Человек, о котором мы не знали ровным счетом ничего, становится, благодаря личной связи с художником, живым представителем поколения людей, возмужавших в годы революции. Жутковский — отличный портретист, и примерно половину книги можно считать продолжением его таланта другими средствами: документальными и литературными.

Благодаря своей геометрической структуре «роман-картина» не только напоминает об излюбленном мотиве авангарда — решетке, — но и смотрится колумбарием, коллективной могилой для прошлого в самых разных его видах, от антропоморфного до чисто исторического. Это сравнение кажется адекватным и потому, что многих героев книги уже нет в живых. Но на страницах воспоминаний эпитафии и некрологи практически не встречаются. «С благодарностью: были» — таково настроение Жутовского. В конце книги он возносит хвалу Г-споду за счастливую жизнь. Можно было бы принять эту светскую молитву за попытку в конце пути свести концы с концами и убедить себя в том, что «жизнь удалась» несмотря ни на что. Жутовский, однако, снабжает обращение к Творцу ироническим постскриптумом: «Чуть не написал: “Будь здоров!”», превращая торжественный момент подведения итогов в шутливое письмо, явно не последнее в биографии.

Литературный стиль Жутовский делит со сверстниками. Как и в опубликованных мемуарах Валентина Воробьева, Владимира Немухина, Анатолия Брусиловского, страницы книги пестрят восклицательными знаками, преувеличениями, фактическими неточностями. Зато воспоминания Жутовского подкупают почти полным отсутствием желчи и язвенной болезни, столь часто охватывающей мемуаристов любой профессии. Это шестидесятник, не обиженный славой коллег, что случается редко. В почти всех мемуарных текстах, особенно принадлежащих перу художников, встречаются подернутые завистью размышления о том, как и почему тот или иной современник вышел в гении. Понятно, что злословие и размышления о своем месте в искусстве часто являются главной мотивацией мемуарных публикаций. Не таков Жутовский. Свой мир он строит вокруг людей, лично ему приятных. В разделе «Гении», например, среди известных имен (Владимир Янкилевский, Эдуард Штейнберг) попадают и художники из Эстонии, о которых современному зрителю не известно ничего.

К своим героям Жутовский относится с сочувствием. «Много говорит, как всегда — с собой и о себе. Пятьдесят один год не могу до конца привыкнуть», — пишет Жутовский об Эрнсте Неизвестном. И дальше: «Переполнен прожитым, устал и боится смерти. И не знает, что делать со сделанным. Прямо, как я, один в один». Даже когда без горьких слов разочарования не обойтись, художник произносит их тактично. Одним из самых славных фактов биографии Жутовского стало участие в легендарной выставке «XXX лет МОССХ», на которой Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев с подачи консерваторов громил робкие авангардные опыты тогдашних «левых художников». Жутовский попал на выставку в составе студии Элия Белютина. И, помимо воспоминаний о встрече с Хрущевым, он пишет и словесный портрет Белютина, пожалуй, самой противоречивой фигуры андеграунда. По версии Жутовского, Белютин — патологический лжец и тиран. Он покрикивает на студийцев и милостиво снисходит к наиболее преданным из них, одновременно обещая всемирное признание и золотые горы. Жутовский рассказывает о мистификациях Белютина с недоумением и называет его «педагогом. Не Учителем». Недоумение — самая резкая реакция Жутовского на встречи с теми сторонами жизни и искусства, которые ему не нравятся.

Если миролюбивость автора подкупает, то его откровенность обезоруживает. На долю Жутовского выпало немало личных драм. В 1975 году погибла в автокатастрофе любимая жена. Молодой умерла дочь. Об этих тяжелейших переживаниях Жутовский пишет с чувством внутреннего достоинства, не позволяющим опуститься ни до самобичевания (в нем нет смысла постфактум), ни до жалости к себе. Он насыщает текст снимками личного свойства, не стесняясь опубликовать эротические рисунки и фотографии.

С такой же честностью Жутовский относится и к своим работам. «Как один день» — еще и каталог, и художник привязывает разные периоды и этапы творчества к случаям из жизни и — по сложным ассоциациям — к персонажам. В контексте биографического коллажа лучше всего смотрятся рисунки. График из Жутовского отличнейший, школа Полиграфа в его лучшие годы чувствуется. Особенно хороши, помимо уже упомянутых портретов, карикатуры из жизни и всяческие бытовые зарисовки.

А вот живопись, особенно абстрактная, смотрится не очень. В ней Жутовский уходит от частного к общему — формулам и обобщениям. А сила книги в том, что она показывает, как искусство рождалось из личной истории, кухонных разговоров и целых династий «лишних людей»: евреев, дворян, потомков Миклухо-Маклая и прочих персонажей. Впрочем, это общая проблема шестидесятников — неспособность осмыслить свой художественный опыт как родовой и коллективный. Их увлекал поиск парадоксальных сочетаний духовной глубины и гармонии «вообще» — в противовес уродству официоза и несправедливости социальных иерархий.

Но в искусстве все относительно и исторично, абсолютный баланс недостижим, а в ситуации внешнего — политического или экономического — давления выжить с достоинством и что-то понять в жизни — уже талант. Жутовский, судя по двухтомнику, обладает им в полной мере. *Алєксандр Жутовський*

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

ЗНАКИ, РАСТВОРЯЮЩИЕСЯ В ВООБРАЖАЕМОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*ΑΕΑΑΕΙ ΕΔΑΑΕΝΑΑΔΑ ΙΑ ΑΥΝΟΑΑΕΑ «Ε ΑΥΑΙ Ο ΕΣ ΝΝΝΔ ΔΑΔΑ ΟΑΙ Ι...»
Ι ΙΝΕΤΑΝΕΕΕ Ι Ι Ι Ε Ι Ο Ι Δ Ι Ε Ι » Α Ο Ι Ι Α Α Ε Ο Ε Υ Ο Ο Δ Υ «ΑΕΑΟΑΔΕΙΑ»*

Евгения Гершкович

Московский нонконформизм — его хронологические рамки очерчены периодом 1956–1988 годов — интересное и сложное явление в контексте хрущевской «оттепели». Сегодня уже вправе считаться былинными и сама эпоха, и ее герои, «отклоняющиеся от норм соцреализма». Кто-то из них умер, кто-то жив, утвердился в статусе национального достояния и постепенно переползает в вечность. Кто-то, чьи работы достигли высшей позиции вечерних аукционных торгов, — баловень судьбы.

Επιδι Ι αειμ ει. Αεααει εδ Αεααααα εααοεδα ι αηοαηειε ια Αδαοα

1982 αά

ΓΑΛΟΥΑΙΣ

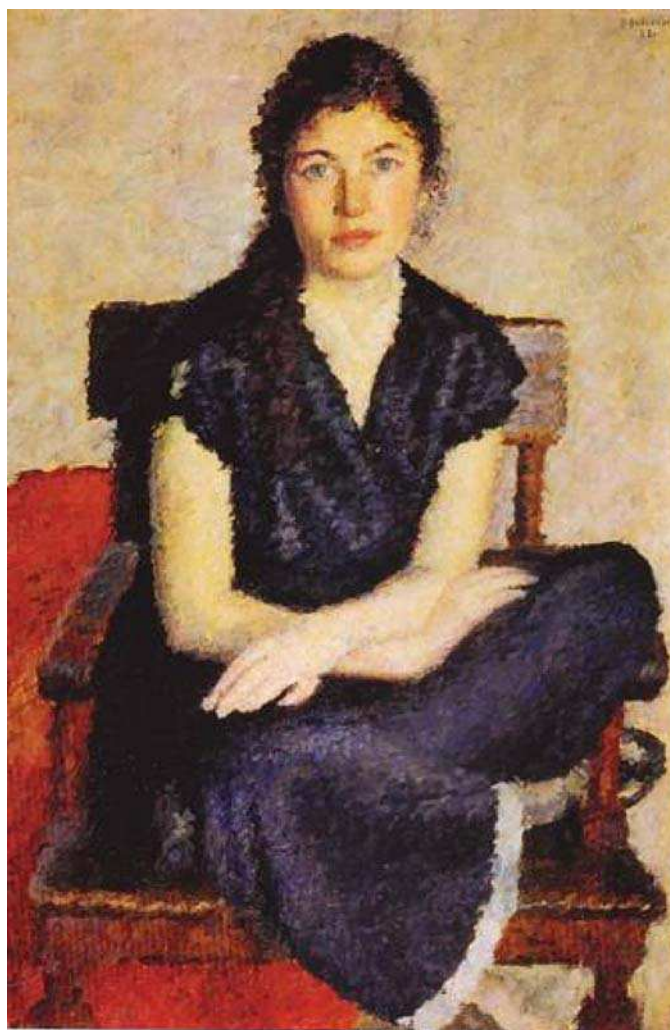
Становится хрестоматийным исторический контекст: судьбоносная выставка в Манеже 1 декабря 1962 года с посещением ее «отцом “оттепели”» товарищем Хрущевым, мастерские на Сретенском бульваре, рассадник свободомыслия в Тарусе, подпольные студии, «Павильон пчеловодства» на ВДНХ, Горком графиков на Малой Грузинской. Одна за другой теперь открываются выставки, выходят книги, собиратели меряются своими коллекциями, у кого она лучше, полнее. А некогда это был замкнутый, герметичный мир, выпускающий не всякого...

Министерство культуры ставило на оборотной стороне полотна картины печать «Разрешено к вывозу из СССР...», собственно и давшую выставке название. Причем по министерским правилам из «современных» нельзя было вывозить работы умерших и уехавших из СССР художников. Парадокс ситуации заключался в том, что, легко и с удовольствием выкидывая за свои пределы самих художников, Родина ни на каких условиях не хотела выпускать за границу их произведения. Выходило, со свойственным советской системе идиотизмом, что непризнанные, уехавшие, преданные анафеме в СССР художники в то же время являлись самыми для Родины ценными. А работы тех, кто не покидал страну, ценности в глазах ее правителей не представляли — только их и можно было отсюда вывозить. Так, многие творения нонконформистов оказались за пределами Союза, положив начало крупным частным и музейным собраниям. Наш рассказ о художнике, который, не уехав, удостоился-таки «почетной» печати.

ΑΑΟΙ ΑΕΑΑΕΘ

Владимир Григорьевич Вейсберг родился в Москве в 1924 году в семье одного из первых русских психоаналитиков, переводчика на русский язык работ Фрейда. Григорий Петрович Вейсберг был в числе инициаторов (в списке с ним А. Г. Габричевский, О. Ю. Шмидт, Н. Е. Успенский, Ю. В. Каннибах и прочие уважаемые люди) основания в 1922 году Русского психоаналитического общества. РПСАО просуществовало недолго, закрывшись в 1930 году. Психоанализ вместе с Фрейдом сами собой снялись с повестки дня. С 1939 по 1941 год Г. П. Вейсберг служил главным редактором журнала «Советская педагогика» и со всей осторожностью протаскивал тексты непризнанных коллег в печать.

Считается, что профессионального образования у Владимира Вейсберга не было. Фактически это правда, диплома художник не имел, своими достижениями был обязан только себе. Одним словом, автодидакт. Еще в войну, в 1943 году, пришел на занятия в Изостудию при ВЦСПС, руководимую Сергеем Михайловичем Ивашовым-Мусатовым, оценившим талант юноши. Его пленеры, поездки за город на всю жизнь останутся самыми светлыми воспоминаниями Вейсберга. Кроме того, именно занятия в Изостудии и дадут живописцу впоследствии вступить в Союз художников СССР. Кроме Ивашова-Мусатова Вейсберг мог считать себя учеником Ивана Машкова и Александра Осмеркина, часто бывая в их студиях, где рисовал модель. Русский сезаннизм дал о себе знать: уже на закате 1940-х Владимир Вейсберг пишет огромные натюрморты с фруктами, поражающие силой темперамента и мажорностью звучания. Экспрессия и активный цвет «бубновалетцев» и постимпрессионистов еще царят в больших сериях крепко скомпонованных портретов, пейзажей и натюрмортов 1950-х годов, во всех этих его «Яблоках на розовой бумаге», «Натюрморте с синим кофейником», «Неубранном столе», «Портрете Гали в зеленой блузке». И решительно ничто еще, казалось бы, не предвещает будущего Вейсберга, от шумного искусства удалившегося в монохром, в свои белые картины. Однако эволюция его творчества выстроится необычайно четко и логично.

Αἰῶνι εἰς Αἰῶνά

Ἰσοδοῦο Αἰε Αἰεῖ Γαῖε (Αἰῶνι εἰς).

1958 ἡἡ

Ἐξ εἰεῖαῖοεῖ Ἰ ἀδῆα Εἰδοῖα

В воспоминаниях коллег и друзей Вейсберг выступает натурой нервной, погруженной в себя. Говорят, будто он даже резал грудь бритвой до крови, дабы вернуть себя из состояния депрессии, за что нередко был увозим в психушку. В мемуаре Дмитрия Плавинского Василий Ситников, считавший себя учителем всех шестидесятников, включая Вейсберга, пришел-де в Сандуны в пятницу. Там увидел сидящего на соседней лавке и внимательно смотрящего на него Вейсберга. Лишь слезное подтверждение, что учитель его не кто иной, как Сезанн, спасло Ситникова от шайки с кипятком.

Вейсберг жил репетиторством, готовил абитуриентов к поступлению в институт, преподавал в студии Института повышения квалификации при Союзе архитекторов СССР. На его уроки ходили даже практикующие архитекторы, и, между прочим, в «школе Вейсберга» в учениках состоял Яков Лихтенберг, автор проекта станции метро «Дворец Советов», ныне «Кропоткинская». С 1956 года живописец, войдя в группу «Девятка», собравшую под этим названием единомышленников Николая Андропова, Бориса Биргера, Наталью Егоршину, братьев Никоновых, Константина Мордвинова, Михаила Иванова и других, участвовал с ними в совместных выставках. Жил Владимир Вейсберг с женой Галиной Щегловой в двух комнатах в коммуналке, в Лялином переулке. В одной из комнат, где кроме мольберта стояла железная кровать, а по стенам висела живопись, он и работал. По вечерам уходил в студию, где членам Союза художников бесплатно позировали обнаженные модели. Круг интересующихся работами Вейсберга постепенно расширялся, у него в мастерской стали появляться иностранцы. Для того, чтобы покупатель мог беспрепятственно вывезти вещь за границу, Вейсберг нес полотно на министерскую комиссию, где на

тыльную сторону шлепали печать и давали справку об отсутствии «художественной ценности». Таким образом немало его работ уплыло за рубеж. Одна из работ на достопамятной выставке в Манеже, представляющая обнаженную модель, была названа «порнографической». После этого выставкомы, блюдущие «идеологическую чистоту», категорически не принимали произведения Вейсберга на выставки, хотя из Союза художников не исключали. Но когда работы Вейсберга запретили к вывозу, их стали закупать музеи, семья наконец получила пристойную квартиру на Арбате.

Однако персональная выставка Вейсберга именно на родине состоялась в Третьяковской галерее уже после смерти художника, в 1988 году. А первая его собственная экспозиция была представлена в 1975 году в Иерусалиме, в Музее Израиля: полотна мастера вывез туда двумя годами раньше Ян Раухвергер, сегодня — известный израильский художник. Он был едва ли не единственным, кого Владимир Вейсберг сам признавал своим учеником.

Èì ì ì çèöëÿ öèèèì äðãá (¹ 21).

1982 ãã

Èíèèèèöëÿ Áèáààðèí ù è Áèääèì èðà Ñàì áí èðèí ùö

ÒÀÈÍ ÎÇÍÀÒÁÖ

Разработку теории невидимой живописи, «белого на белом», и создание собственной живописной системы, построенной на ограниченном количестве цветов, мастер начинает в 1960 году. Эволюция системы лишена метаний. Вейсберг просто взял за основу сезанновский живописный метод и по наитию, но последовательно трансформировал его в собственный.

Стремясь к абсолютному воплощению световых эманаций и преодолению предметности мира, Вейсберг принялся заниматься исследованием колористических систем. Он писал теперь словно бы мерцающие световые поля со смутно проступающими в них предметами, скорее, образы предметов. В натюрмортах из гипсовых фигур, кубов, конусов, шаров в сочетании с античными слепками или раковинами царили покой, чистота и гармония, выстроенная на метафизическом понимании света.

«Гармония — это некий однородный свет, ощущаемый постоянно сквозь конструкцию. Этот свет за пределами наших чувств. Когда он заторможен нашими ограниченными органами чувств, его ощущают, не понимая его», — объяснял Вейсберг свой творческий метод. Совершенствуя его, художник экспериментировал с разными видами грунтов, строго относясь к выбору и качеству красок. «Вейсберг, — как вспоминал художник Максим Кантор, — умел ткать пространство вокруг своих героев, писал долго, кропотливо, мелкими мазочками крест-накрест, почти вышивал».

В Институте славяноведения Академии наук, тогдашнем очаге полуподпольного структурализма, в 1962 году художник делает доклад и рассказывает о составленной им научной таблице основных видов колористического восприятия, их знаков и структур. Теория и связанный с ней метод мастера становятся предметом статьи, принадлежащей перу филолога и семиотика Вячеслава Всеволодовича Иванова, где дается очень высокая оценка вклада Вейсберга в науку по структурному изучению живописи как знаковой системы.

Абстрактное изображение, состоящее из множества мелких, крест-накрестных мазочек, образующих нечеткий, но узнаваемый силуэт или композицию.

1978 г.

Вейсберг В. С. «Абстрактное изображение»

Владимир Вейсберг производил на учеников и коллег впечатление мудреца и такого тайнознатца. И хотя по сложившейся классификации его относят к художникам метафизического направления, наравне с Михаилом Шварцманом, Дмитрием Краснопевцевым, Владимиром Янкилевским, все-таки Вейсберг остается явлением отдельным, абсолютно автономной фигурой в группе художников андеграунда.

Все тот же Максим Кантор пишет: «Вейсберг был человеком бескомпромиссным, делал исключительно то, что хотел, вопреки общественному признанию. В те годы высшей похвалой художнику было слово “непродажный” — сегодня это понятие трудно: то, что непродажно, объявлено неподлинным. Между тем именно непродажность есть критерий человеческой состоятельности».

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2011 ТИШРЕЙ 5772 – 10(234)

НАШ ВЕРНИСАЖ

ÀÙ" Í Î ÑÌ Î Ò Ð È Ì !

IV Á È Á Í Á È Á Ñ Î Á Ð Á Í Á Í Á Í È Ñ È Ó Ñ Ñ Ó Á Á

Ì Ì Ñ È Á, Ð Á Í Ó Á Í È Ì Ó Á È È, Á Í 30.10

Á è è Ñ Á Á ð Ò Ì è è ð

Ð á í á ð ñ è ð á ñ ù Ì ç í à í á í .
1932 ã á

Á Ó Á

Очередная биеннале современного искусства в Москве, регулярно освежающая российскую арт-атмосферу, полна интересными выставками. Это касается и основного проекта «Переписывая миры», курируемого директором знаменитого музея «Центр искусств и медиатехнологий», ЗКМ, в немецком Карлсруэ (его покажут сразу на двух площадках, в залах Центра дизайна ARTPLAY и ЦУМ Art Foundation). Любопытно, что среди российских участников не так много известных широкой публике имен, но преобладают молодые авторы. Обязательными к посещению оказываются, как обычно, и параллельная программа, и спецпрограммы. Так, «Гараж» до 4 декабря показывает подготовленную Марком Розенталем выставку выдающегося художника Уильяма Кентриджа, южноафриканца с литовско-еврейскими корнями (см.: Лехаим. 2011. № 3). Третьяковская галерея представляет на Крымском валу проект «“Заложники пустоты”». Эстетика пустого пространства в русском искусстве XIX–XXI веков» (до 13 ноября). Среди ее участников — не только классики 1920-х, такие, как Соломон Никритин и Александр Тышлер, но и наши современники, в том числе Илья Кабаков и Семен Файбисович.

А персональную выставку Семена Файбисовича «Три в одном» галерея «Риджина» показывает до 15 ноября в Шоколадном цехе «Красного Октября». Художник демонстрирует живопись последних лет (он вновь начал заниматься ею после долгого перерыва).

ÄÄÏ Î ÐÒÈÐÏ ÄÄÏ Û Ä ÄÄÒÒÏ

ÊäëÛ, Õäí òð äíéü äí ò äòèèè í äòèíí äè-ïòèäèèçí à, äí 23.10

Ï ðòüäèÛ í ä óí òí ïäí üè Ï äðèí

Õðäñ äí ò.

Õäí òð äíéü äí ò äòèèè í äòèíí äè-ïòèäèèçí à

ÊäëÛ

«Адресат выбыл; местонахождение неизвестно» — с таким штампом вернулось из Кельна в Швейцарию письмо, которое Ханс-Йорг Салмони отправил своим родителям из эмиграции в октябре 1941 года. Осенью того года около 3 тыс. евреев из Кельна, Дюссельдорфа и прилегающих к Рейну земель были отправлены в гетто Лодзи, крупнейшее после Варшавского на территории Третьего рейха (немцы назвали его Линтцманштадтом, в честь своего генерала, героя первой мировой войны, ставшего крупным чиновником в нацистской партии). В живых из них осталось едва ли 40 человек. Всего же из 205 тыс. жителей гетто уцелело, по разным оценкам, от 5 до 6 тыс.

Многие годы кельнский Центр документации национал-социализма собирал материалы, связанные с жизнью этих 3 тыс. депортированных, — фотографии, письма, свидетельства современников. Они впервые показаны на выставке в «EL-DE Hause», названном так по инициалам воздвигшего его Леопольда Дамена. Изначально он строился как обычный жилой дом с торговыми помещениями, но начиная с 1935 года в здании, взятом у владельца в аренду, располагалось кельнское гестапо. Его планировка, включая камеры в подвале, до сих пор сохранилась практически в неприкосновенности — сильное впечатление для каждого, кто попадает сюда впервые. Сегодня, помимо временных выставок, здесь открыта постоянная экспозиция, есть и библиотека.

ÀÈÈÌÀ ØÀÌ Î ØÌ ÈÈÌÀÀ

Àððííæü àðð-ðáí òð «Wiels», äí 8 01

ÀÈÈÌÀ ØÀÌ Î ØÌ ÈÈÌÀÀ

Ñòáëà

1968 ää

*ÈÈÈáóöÿ Ñááèíú
Ñòáí èÈáááë è äëáðë «Èáíèòáí Àççíä».*

Èáëüü

В молодости будущий скульптор Алина Шапошникова (1926—1973) прошла через несколько польских гетто — Пабьянице, Лодзи, Терезиенштадта — и через концлагеря Берген-Бельзен и Освенцим. Ей удалось выжить.

После войны Шапошникова училась сперва в Праге, ее творчество развивалось в рамках традиционных, классических форм искусства. В 1947 году она получила стипендию для обучения в Париже, где на нее произвело огромное впечатление творчество Огюста Родена и прежде всего Генри Мура. Вскоре она заболела и вернулась в Польшу — как и многие люди ее поколения, она верила в коммунистические идеалы и даже была членом Компартии. За 12 лет работы на родине она стала одним из известнейших художников в стране. В фойе величественного Дворца науки и техники в Варшаве, небоскреба, построенного по образцу сталинских высоток, стояла скульптура «Дружба» ее работы, изображавшая советского и польского рабочих. Скульптура исчезла оттуда лишь в конце 1980-х, зато сохранилась на марке, выпущенной к десятой годовщине советско-польского договора о дружбе. Тем не менее в 1963 году Шапошникова возвращается на берега Сены. Последние десять лет жизни она провела в пригороде Парижа Малакоф.

В 1960-х годах она обратилась к экспериментальной эстетике, начала создавать скульптуры из полиэстера и полиуретана, работать на стыке поп-арта, сюрреализма и нового реализма. Пепельницы и тарелки в ее исполнении принимали формы частей человеческого тела; порой она делала оттиски с собственного тела. Не надо быть психоаналитиком, чтобы догадаться об источниках этих образов. Сама скульптор говорила, что стремится удержать с помощью полиэстера текущие моменты жизни, ее парадоксальность и абсурдность одновременно. Ведь человеческое тело — наиболее чувственный и при этом единственный источник радости, боли и истины.

Творчество Шапошниковой получило признание у профессионалов. Так, в жюри премии фонда Копли, присудившем ей первую премию в 1965 году, входили Марсель Дюшан, Роберто Матта, Макс Эрнст и Жан Арп. Но для широкой публики Шапошникова стала известна уже после смерти, когда на знаменитой кассельской «Документе» в 2007 году организовали ее выставку. Нынешняя экспозиция в арт-центре «Wiels», занимающемся поддержкой современного искусства, это одна из первых ее музейных ретроспектив за пределами Польши. В Брюсселе собрали не только скульптуры Шапошниковой, но и ее фотографии и рисунки.

ÈĀĐŪ ĪĀĐĀÇĀĪ È — ĐĪĒĀŪĀ ÈĀĐŪ

ÇĀĒŪĀŌĐĀ Ī ŌÇĀĒ Ī ĪĀĐĪĀ, ĀĪ 31.10

ÈĪĐĀĒĒŸŌĒĒ ÈĐĒĐŌ ĪŌĀ ĀĐĀĪĀĐĀ «xĀĐĪ ŪĒ ĪĪĪ ŌŸĀĐĪ»

(2002 ĀĪĀ)

«Весь мир — театр, а люди в нем актеры» — замечание верное, но для эпиграфа к зальцбургской выставке кажется слишком банальным. Фотографии, видеоработы и инсталляции показывают, как далеко продвинулось человечество от «живых картин», tableaux vivants, XIX века к нынешнему актерству всех и каждого. Оно может быть вынужденным, как в фильме «Шоу Трумена», а может и добровольным, как в реалити-шоу. Но перемена образа не обязательно связана с извлечением прибыли, исследовательские функции искусства все еще в почете. Так, Бьорк примеривает на себя множество масок в длинном клипе «Страсть к путешествию», Кристиан Болтански в фотосерии «Смерти ради смеха» изображает себя то клоуном, то сумасшедшим, то старым евреем, а Давид Войнарович ограничивается лишь одним образом, зато это Артур Рембо. Ади Нес (Adi Nes) же работает с подсознательным всего человечества. В его фотоцикле «Солдаты» военнослужащие израильской армии изображают хрестоматийные сцены мира образов, в том числе «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи. Инсценировка — не только средство культурной реконструкции (так, Элеонор Антин придумывает танцовщицу дягилевских балетов, якобы снимавшуюся в фильмах 1920-х «Персидский пленник» и «Еврей»), но и попытка проникнуть внутрь события. Инсталляция Кристофа Драгера «Черный сентябрь» (2002) воссоздает события мюнхенской Олимпиады. 5 сентября 1972 года палестинские террористы взяли в заложники израильских спортсменов. 11 из них погибли. Драгер показывает видео и воссоздает обстановку комнаты, где содержались пленные. Это впечатление особой силы: да, мир — театр, но кровь в нем льется настоящая.

Алексей Мокроусов

«МЕЧТА» О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Ирина Мак

Семьдесят лет назад Михаил Ромм снял свою «Мечту». Фильм, в котором Фаина Раневская сыграла свою единственную главную роль в кино. И создала самый яркий в истории отечественного кинематографа еврейский характер.

Фаина Раневская и Елена Кузьмина в фильме Михаила Ромма «Мечта».

1941 год

Выдающихся еврейских характеров и в мировом кинематографе немного. И эта роль Фаины Георгиевны — одна из них. Я пишу этот текст накануне ее дня рождения: 115 лет назад, 27 августа 1896 года, Раневская родилась. В зените славы имела считанные роли в театре — эпизодические сцены, ради которых в театр ломился народ. Снялась почти в 30 фильмах — всего. И лишь в одном из них сыграла трагедию — в «Мечте».

Это был любимый фильм режиссера Михаила Ромма. Посмотрев его впервые в возрасте лет 14, я недоумевала: какого Ромма, того, кто снял «Девять дней одного года», или того, чей «Ленин в Октябре»? И как же я тогда удивилась, выяснив, что оба фильма снял один и тот же Ромм. Он же — «Обыкновенный фашизм». И немую «Пышку» в 1934-м, где впервые сыграла в кино Раневская — отвратительную госпожу Луазо. Если верить мифам, она так устала от съемок, что решила никогда больше не сниматься. Не устояла. Сыграла подряд в нескольких картинах, в том числе в «Подкидыше». А в 1941 году в «Мечте».

Этот фильм всегда принято было считать великим, несмотря на надуманный сюжет и фальшивый финал. Полуграмотная девушка Ганка приезжает из деревни в город за счастливой жизнью — денег скопить, мужа найти. Находит приют в меблированных комнатах мадам Скороход под названием «Мечта». И работу в ресторане. Брат ее, пролетарий Василь, мечтает о Советской России. И в последних кадрах его мечта сбылась.

Это фильм о том, чего никогда не было. О каком добровольном присоединении восточнопольских земель к СССР могла идти речь после пакта Молотова—Риббентропа, когда две всеильные державы поделили третью страну. 17 сентября 1939-го, на 16 дней позже немцев, в Польшу вошли советские войска, а 28-го раздел ее был завершен. Бессарабия и Северная Буковина оказались во власти Москвы. Фильм был призван это оправдать.

«Воссоединение западных белорусов с восточными братьями. Судьба белорусского крестьянства в панской Польше и чиновничий гнет на фоне обнищания трудовых масс» — так была сформулирована задача, поставленная руководством страны перед Роммом и Евгением Габриловичем, сценаристом фильма.

В том, что решать ее были назначены именно они, не было ничего неожиданного: оба были проверенные кадры. Габрилович, к тому моменту уже автор двух киносценариев, служил корреспондентом в «Известиях», Ромма, создателя дилогии о Ленине, назначили заместителем наркома культуры. Правда, оба были евреи, но 1943 год еще не наступил, тост «За великий русский народ» Сталин еще не произнес и до борьбы с космополитами еще надо было дожить. Потому и героиней могла стать еврейка.

«Роза Скороход, хозяйка меблированных комнат “Мечта” и фруктовой лавочки», — сказано в титрах. Национальность нигде не прописана, но и без слов ясно. Из имен. Из интонаций. «Пан может думать, что это яблоко, но это ананас».

Только однажды заходит речь о национальности — в сцене, где одна из обитательниц пансиона, «вечная невеста» пани Ванда, составляя объявление в брачную газету, спрашивает совета хозяйки.

— «Девушка, понимающая в хозяйстве, — читает Ванда, — желает вступить в солидный обеспеченный брак. Многодетных вдовцов и евреев просьба не беспокоиться».

— Евреи не беспокоятся. Дальше.

Этот фрагмент даже в эпоху тотального государственного антисемитизма не вырезали из фильма — зачем, раз речь шла об империалистической Польше? Действие начинается за несколько лет до «счастливого объединения». Западный мир показан мрачным, протухшим, гнилым. Таким его увидели Габрилович с Роммом, командированные в Белосток. Ромм вспоминал: «В первом же городишке, куда я попал, я увидел интеллигентного человека в очках, в потрепанном белом плаще — тогда такие плащи были модны, — в сомнительно белоснежном воротничке и шляпе. (У нас тогда мало кто носил шляпы — ходили в кепках.) Этот человек продавал с лотка яблоки. Он так не был похож в своих очках и шляпе на лоточника, что я спросил, кто он. Продавец на ломаном русском языке ответил, что по образованию он врач, а по профессии детский врач, но что работы нет. Я купил у продавца яблок...»

Врач в сценарии превратился в инженера — это Лазарь, сын мадам Скороход, сидящий у мамы на шее. Потом она спросит у него: «Объясни мне ты, инженер, зачем пропала моя жизнь?!» Знаменитый монолог Раневской стоит того, чтобы его воспроизвести:

— Ты ничего не знаешь, белоручка! Посмотри на мои руки — я была прачкой. Я стирала грязное солдатское белье. Я мыла полы в общественных уборных. Я по месяцам не ела ничего кроме хлеба — а разве всегда был хлеб? Лазарь, сын мой, мальчик мой, я работала, работала, работала — для тебя! Я хотела, чтобы ты учился, чтобы ты стал инженером, чтобы ты был умный, чистый, богатый. Я хотела, чтобы ты был счастлив, Лазарь!

А потом, под занавес, она добавляет: «Ну ничего, ничего. Когда ты очень захочешь кушать, ты вернешься домой».

Любимый момент, я начинаю ждать его всякий раз, когда смотрю «Мечту». Еврейская мама. Сын — шлимазл. Вспомнить не о чем, и впереди ее ничего не ждет. Кажется, Раневская предугадывает все, что случится с ее героиней через год-два, когда придут немцы. Хотя в 1940–1941-м, когда снимался фильм, она о том знать не могла.

«Мечта» была закончена 22 июня 1941 года. «В ночь 21-го на воскресенье 22 июня, — писал режиссер, — мы закончили перезапись в восемь часов утра. Был ясный солнечный день. Мы поздравили друг друга с окончанием работы, а через три часа я узнал о нападении фашистской Германии на Советский Союз».

Конечно, стало не до кино. Но выпустить фильм не могли совсем по другой причине: мы видим в финале победное шествие советской власти, бойцов Красной Армии со знаменами в руках, но в начале войны эти земли были оккупированы. Только в 1943-м, когда немцев отодвинули, картину выпустили на экраны. Уже без помпы, но зато везде. Показали за границей. Ею восторгались Теодор Драйзер и

американский президент. «Это один из самых великолепных фильмов земного шара, — якобы заявил Рузвельт, — Раневская — блестящая трагическая актриса». Эти слова в 1944-м были опубликованы в журнале «Лук». Трагическая актриса... Знал бы Рузвельт, сколько Раневская сыграла за свою артистическую карьеру комических старух. И сколько не доиграла.

В «Мечте» был собран прекрасный актерский состав. Среди обитателей меблированных комнат — Михаил Астангов (развенчанный аристократ), Михаил Болдуман (бывший художник) и Ростислав Плятт (извозчик Янек). Снимал «Мечту» великий оператор Борис Волчек. Ганку сыграла жена Ромма Елена Кузьмина.

Фильм был явно задуман еще и как бенефис Кузьминой, но не вышло: Раневская переигрывает солистку по всем статьям. Через 70 лет после премьеры это бросается в глаза: условности, принятые в старом кино, сегодня особенно раздражают. Тогда было нормой жизни, чтобы стареющая актриса играла новорожденную звезду. Кроме того, Ромму, созревшему на немом кинематографе, была привычна его чрезмерная контрастность и выделенные ретушью черты. А за ретушью возраст не так заметен. Театральная условность была так свойственна раннему кинематографу, что почти всю «Мечту» Ромм снял в павильонах, разыграв на натуре всего несколько сцен. Хотя натура богатейшая — довоенный Львов. И Кузьмина пала жертвой крупного плана: отличная актриса, она, тем не менее, была уже не так молода, чтобы играть девчонку. Это всегда было заметно, но почему-то сейчас такие огрехи трудно простить. Особенно на фоне Раневской.

Елене Кузьминой было едва за 30, а кажется, что не меньше 40. Раневской же исполнилось накануне съемок 44 года. По воспоминаниям Ростислава Плятта, в то время она была худой и стремительной, а в фильме предстала грузной теткой, которой больше незачем жить. Актриса обматывала ноги бинтами, чтобы видно было, как Розе Скороход немоготу ходить. Ростислав Плятт был моложе Раневской на 15 лет, в «Мечте» он рядом с ней сопляк, и пройдет еще лет 40, прежде чем они вместе сыграют в знаменитом спектакле Анатолия Эфроса «Дальше — тишина». Эту роль, одну из последних в жизни Фаины Георгиевны, запомнили все. Спектакль записали на телевидении, и она успела снова познать экранную славу трагической актрисы. Но первый шанс ей подарила «Мечта».

ТРИ ФЕСТИВАЛЯ И ОДНО ЛЕТО

Алексей Мокроусов

Среди музыкальных фестивалей Европы австрийские считаются самыми знаменитыми. С остальными их роднит обилие музыкантов из России и бывшего СССР, от Григория Соколова до Миши Майского. И конечно же, вечные еврейские вопросы.

Летом фестивали в Австрии проводятся во многих городах, городках и замках. Есть фестивали новые, как в тирольском Эрле, есть с историей, как Гайдна в Айзенштадте или Шуберта в Форарльберге, есть специальные, как старинной музыки в Инсбруке. А есть и просто всемирно знаменитые, как «Штириарте» в Граце, «Каринтийское лето» в Оссиахе или фестиваль в Зальцбурге.

Фестиваль на родине Моцарта — самый богатый, его бюджет составил в этом году 58 млн евро. Это позволяет приглашать звезд и составлять афишу из 235 концертов, опер и спектаклей. Цены на билеты порой подбираются к 400 евро, но есть и более щадящие варианты.

Фестиваль основал в 1920 году Макс Рейнхардт с единомышленниками (см.: Лехаим. 2010. № 10). После аншлюса Рейнхардт был вынужден покинуть Австрию (режим не простил ему пятого пункта). Фестиваль сохранился, но его программа оставалась все менее драматической, становилась все более музыкальной. Вот и сегодня Зальцбург привлекает в первую очередь меломанов, хотя спектакли порождают массу рецензий и распродаются порой задолго до премьеры. «Хитами» в этом году стали идущий восемь с лишним часов «Фауст» Гете и «Мера за меру» Шекспира с легендарным актером Гертом Фоссом. Традиционно успешны и выступления оркестров, не только именитых, как берлинский или чикагский симфонические, но и молодежных, вроде оркестра Венесуэлы с Густаво Дудамелем или оркестра «Западно-восточный диван» под управлением Даниэля Баренбойма с арабскими и еврейскими музыкантами. Баренбойму во время фестиваля вручили премию Толерантности, учрежденную Европейской академией наук и искусств, раньше ею награждали Красный Крест и мэра Иерусалима Тедди Колека.

Среди опер изначальным успехом — судя по отсутствию билетов в продаже — пользовался «Макбет» в постановке дирижера Рикардо Мути и режиссера Петера Штайна, но в итоге критика полюбила «Средство Макропулоса» Эса-Пекки Салонена и Кристофа Марталера. Интересной, но не до конца продуманной выглядела «Женщина без тени» Кристиана Тилемана и Кристофа Лоя. Дирижер порой форсировал звук, а режиссер усложнил конструкцию и так непростого либретто Гуго фон Гофманстала. Тот рассказывает историю императрицы, живущей без собственной тени, что угрожает смертью ее мужу. Лой накладывает на нее историю, происходящую в 1955 году в венских Залах Софии, где фирма «Десса» записывает оперу Штрауса. Причем рассказывает ее на фоне прошлого самих залов, построенных как бассейн и место развлечения и ставших при нацистах сборным пунктом для депортируемых венских евреев. Дети, которые заполняют порой сцену, — из той, такой давней и все еще недавней, истории. Пожалуй, это единственная сцена, в которой у оперы появляется настоящий другой смысл.

Фестиваль «Каринтийское лето» проводится в Оссиахе и его окрестностях с 1969 года. Его гостями в разные годы были Гидон Кремер и «Кремерата Балтика», Олег Майзенберг и Московский симфонический оркестр под управлением Павла Когана. Программа строится вокруг «церковной оперы» (она идет, как правило, в церкви монастыря в Оссиахе и сюжетно связана с Библией — в этом году показывали, в частности, «оперы-минутки» Дариуса Мийо и его сценическую кантату «Возвращение блудного сына» на слова Андре Жида) и множества концертов. Среди гостей этого года были дирижер Владимир Ашкенази и молодая израильская скрипачка Ши́ра Эпштейн. Ученица Феликса Андриевского и Андрея Сорокина, она не впервые в Оссиахе, выступала как капельмейстер Молодежного оркестра имени Малера, а в прошлом году выиграла здесь конкурс, а с ним и стипендию. В программе ее совместного с пианисткой Кристин Давид концерта — Чайковский, Брамс, Моцарт и Мийо. В чувственном и в то же время строгом исполнении Эпштейн слышится опыт выступления в камерных ансамблях — в Великобритании она концертирует со своими братьями в составе «Эпштейн-трио». Сейчас Ши́ра, играющая на скрипке 1687 года мастера Франческо Руджери из Кремоны (предоставлена меценатом), работает в основном в Европе. Ситуация для профессионалов музыки в самом Израиле не представляется ей дружественной, хотя обилие музыкантов — выходцев из России кажется позитивным для музыкальной жизни. Ши́ра работала, в частности, в «Западно-восточном диване» Баренбойма, в котором, как признается, часты споры о

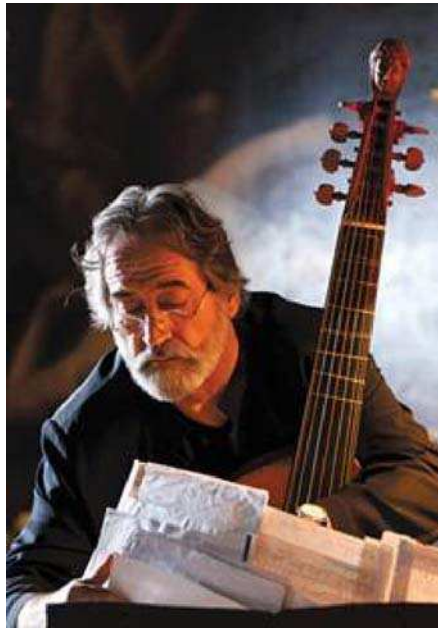
политической ситуации на Ближнем Востоке. Но музыка объединяет больше, чем разделяет политика; в любом случае опыт, приобретенный в этом оркестре, кажется ей важным.

Фестиваль «Штириарте» в Граце был создан великим дирижером-аутентистом Николаусом Арнонкурром в 1985 году. Поначалу афишу заполняли концерты, затем появились оперы, чаще всего в полусценической версии. У «Штириарте» есть не только постоянные слушатели, но и постоянные участники, например Жорди Саваль. Знаменитый каталонский гамбист выступает здесь каждый год, причем в разных ипостасях — и как солист, и в составе ансамбля, и в качестве дирижера.

Olga Yioussi

Саваль известен не только записями, но и архивными исследованиями в области старой музыки, ведь большинство исполняемых им произведений не звучали столетиями. Он много записывал старинную еврейскую музыку, прежде всего сефардскую. На вопрос корреспондента «Лехаима» о том, в чем состоит разница между исполнением и интерпретацией средневековой еврейской и арабской музыки, Саваль отвечает, что первая в сильной степени связана с литературной традицией, хотя влияние арабской музыки очевидно и велико. Впрочем, до XIV века можно говорить о единстве музыкального языка, а, например, музыка марокканских или стамбульских евреев той поры выглядит адаптированной. Это облегчает работу по реконструкции старинных инструментов — как правило, их воссоздают по старинным миниатюрам, иногда по найденным остаткам инструментов, и сегодня этот тип работы фактически завершен. В конце концов, нет принципиальной разницы как в национальной манере игры на старинных инструментах, так и в строении этих самых инструментов. Что до этнографических записей, то здесь Саваль совершенно неопределимой считает работу кантора, композитора и музыковеда Авраама-Цви Идельсона (1892–1938; знаком, пусть и заочно, каждому, кто слушал его обработку «Хавы Нагилы»). Начиная с 1906 года он записывал пластинки с еврейскими мелодиями Ближнего Востока и издал в итоге многотомную «Сокровищницу еврейско-восточных мелодий». Музыканты активно используют ее и сегодня. Ценен и материал десяти томной «Antologia de Liturgia Judaico-Espangnoles», изданной коллекционером Исааком Леви в Иерусалиме в 1974 году.

Артале Наалеи

При этом играет лишь 10–15% обнаруженных нот (многие все еще таят в архивах и монастырских библиотеках), и то не всюду. Много ли людей в Зальцбурге или Вене слышали живьем *cantigas*? — спрашивает Саваль. Ответ очевиден. И это в ситуации, когда старинная музыка становится все более популярной, но большинство дотаций по-прежнему достаются «классическим» оркестрам. Ансамбли же старинной музыки, как правило, никогда не субсидируются полностью, они получают лишь 10% бюджета, остальное вынуждены зарабатывать сами. В условиях нынешнего кризиса звукозаписывающей промышленности этого явно недостаточно. Для наглядности Саваль приводит цифры: если раньше 100 тыс. проданных дисков считались успехом, то сейчас радуют и 40 тыс. Понятно, что речь о звездных ансамблях, знаменитых на весь мир, как савалевский «Hesperion XXI». Но есть ведь и не такие известные коллективы, которые очевидно нуждаются в поддержке. К счастью, старинная музыка — слишком специализированный сегмент музыкального рынка, чтобы замечать общий кризис. Главное, считает Саваль, не относиться к музыке как к *l'art pour l'art*, ценить в ней не внешнюю красоту, как это делали нацисты, но таящуюся в ней любовь.

АВТОРЫ НОМЕРА

СВЕТЛАНА АМОСОВА

этнограф, автор статей по славянской и еврейской этнографии и фольклору, преподаватель Петербургского института иудаики.

РОМАН АРБИТМАН (р. 1962)

литературный критик. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р. С. Каца) и детективных романов (под маской Льва Гурского).

ЮЛИЯ БЕРНШТЕЙН

переводчик, участник проекта «Евреи в советской армии во время Второй мировой войны» (Мичиганский университет).

ЙЕУДА ВЕКСЛЕР (р. 1946)

композитор, музыковед, писатель и переводчик.

ЕВГЕНИЯ ГЕРШКОВИЧ

историк изобразительного искусства и архитектуры, арт-критик, журналист. Автор книг «Высокий сталинский стиль», «Агитлак».

ЛИНОР ГОРАЛИК

прозаик, поэт, переводчик. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003). Автор ряда художественных выставок и проектов.

ВАЛЕРИЙ ДЫМШИЦ (р. 1959)

антрополог, этнограф, литературовед, переводчик с идиша, английского и немецкого. Директор центра «Петербургская иудаика». Член редколлегии журнала «Народ Книги в мире книг».

ВАЛЕНТИН ДЬЯКОНОВ (р. 1980)

арт-критик, обозреватель газеты «Коммерсантъ»; публиковался в журналах «Новый мир искусства», «Русский журнал», газете «Время новостей» и др.

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА

журналист, филолог, автор книги «По-русски с любовью. Беседы с переводчицами».

АРКАН КАРИВ (р. 1963)

писатель, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

ЗОЯ КОПЕЛЬМАН

филолог, переводчик (Ш.-Й. Агнон, Й. Амихай, Й.-Х. Бреннер). Автор работ по ивритской литературе, преподаватель Открытого университета Израиля.

МЕИР ЛЕВИНОВ (р. 1959)

преподаватель истории иудаизма, переводчик и публицист. Автор книг «Владеющий Именем», «Еврейская чертовщина».

АЛЕКСАНДР ЛОКШИН (р. 1950)

историк. Автор статей и публикаций по истории и культуре евреев России и СССР.

ИРИНА МАК

журналист, публиковалась
в «Известиях», «Vogue», «Time Out», «Open Space» и др.

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (р. 1960)

писатель, журналист. Финалист премии «Русский Букер» (2003). Лауреат
премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

ДМИТРИЙ МАРЬЯСИС (р. 1981)

исполнительный директор московского офиса Евроазиатского еврейского
конгресса.

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий
диван», «Теория моды», газетой «Ведомости».

СИНТИЯ ОЗИК

автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в
том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

ГРЕЙС ПЕЙЛИ (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников
рассказов, стихотворений, бесед.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ (р. 1959)

президент Института Ближнего Востока, экс-президент Российского
еврейского конгресса.

ЮРИЙ ТАБАК (р. 1955)

историк, переводчик, религиовед. Автор книг и статей по религиозно-
исторической тематике. Редактор русской страницы сайта Международного совета
христиан и иудеев (ICCSJ).

АДИН ШТЕЙНЗАЛЬЦ (р. 1937)

раввин, педагог, ученый, почетный доктор ряда университетов Израиля и
США. Основатель новаторских учебных заведений и просветительских организаций в
Израиле и СНГ, в том числе Института изучения иудаизма (1990). В 1988 году удостоен
высшей награды еврейского государства — Премии Израиля.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического
словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО»,
газетами «Русская мысль» и др.

ОЛЕГ ЮРЬЕВ (р. 1959)

поэт, прозаик, переводчик. Лауреат премии Хильды Домин 2010 года.